Т. А. Иванова

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. А. Иванова

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Учебник

2-е издание,
исправленное и дополненное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1998

ББК 81-923
И20

Иванова Т. А.
И20 Старославянский язык: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — 224 с.

ISBN 5-288-02012-4

В учебнике, являющемся основным пособием по курсу старославянского языка, излагаются сведения по всем темам программы.

Во втором, исправленном и дополненном, издании автором пересмотрено освещение некоторых вопросов, рассматриваемых во введении, расширен обзор истории изучения старославянского языка, углублено изложение отдельных аспектов фонетики и морфологии.

Для студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов.

ББК 81-923

Темплан 1998, № 165

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета

ISBN 5-288-02012-4

Предисловие ко второму изданию

Издавая вновь «Старославянский язык», автор постарался внести необходимые дополнения и уточнения. Вместе с тем все его старания были направлены на то, чтобы и второе издание осталось по-прежнему тем же учебным пособием, каким было и первое издание (М., 1977), т. е. учебником, предназначенным прежде всего для приобщения к палеославистике во многом не подготовленных для этого выпускников средней школы.

Автор приносит самую глубокую и искреннюю благодарность доц. С.А.Авериной за неоценимую помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати, а также выражает благодарность Л.М.Навтанович за работу над корректурой рукописи.

Автор считает своим долгом поблагодарить всех тех, от кого зависел выход в свет второго издания.

Санкт-Петербург, 1997 г.

Сокращения

Асс. ев. — Ассеманиево евангелие
Зогр. ев. — Зографское евангелие
К. м. — Киевский миссал
Л. Унд. — Листки Ундольского
Мар. ев. — Мариинское евангелие
Ост. ев. — Остромирово евангелие
Сав. кн. — Саввина книга

Сб. Кл. — Сборник Клоца
Син. пс. — Синайская псалтырь
Син. тр. — Синайский требник
Супр. рук. — Супрасльская рукопись

кирил. — кириллица
глагол. — глаголица

болг. — болгарский
гот. — готский
греч. — греческий
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-нем. — древненемецкий
др.-прус. — древнепрусский
др.-рус. — древнерусский
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
нем. — немецкий

пол. — польский
рус. — русский
серб. — сербский
словац. — словацкий
словен. — словенский
сскр. — санскрит
ст.-лит. — старолитовский
ст.-пол. — старопольский
ст.-сл. — старославянский
укр. — украинский
чеш. — чешский

Рече блаженный Иоаннъ Златоустыи:

Егда же чтеши, прилежно, и всѣмъ сердцемъ, со многимъ прилежаниемъ прочитай словеса, а не тщися токъмо листы обращати. Аще ти есть трѣбѣ, не лѣнися, но двократы и трикраты прочитай словеса, и мъногашьды, да разумѣеши силу ихъ.

Пролог по сп. 1339 г.

ВВЕДЕНИЕ

Старославянский язык — общий литературный язык славянских народов

Старославянский язык — это древнейший литературный язык славян, создание которого относится ко второй половине IX в. Однако письменных памятников этого времени не сохранилось. Древнейшие памятники старославянского языка, которые дошли до нас, написаны значительно позже (X–XI вв.). Сами эти памятники в большинстве представляют собой переводы греческих богослужебных книг, т. е. в начальный период своего существования старославянский язык был языком церковным. Отсюда иное название этого языка — древнецерковнославянский. С течением времени на этот язык переводятся не только богослужебные, но и светские книги, на нем создаются и оригинальные славянские произведения. Таково, например, написанное, вероятно, в конце IX в. **Сказание о письменах** черноризца Храбра — древнейшее историческое свидетельство о возникновении письменности у славян.

Будучи языком церкви, старославянский язык вместе с христианством распространился среди славянских народов и стал их общим литературным языком.

Старославянский язык — древнейшая фиксация славянской речи

Значение науки о старославянском языке не исчерпывается тем, что он в течение длительного времени был общим литературным языком разных славянских народов. Ее значение важно еще и тем, что старославянский язык представляет собой древнейшую письменную передачу славянской речи. В нем получили отражение фонетическая система, грамматический строй и словарный состав одного из славянских говоров второй половины IX в. Поэтому при сравнительно-историческом изучении славянских языков факты старославянского языка представляют первостепенную важность. Они помогают понять и осмыслить многие языковые особенности современных славянских языков.

Так, например, наличие в современном русском языке в одних словах так называемых «беглых гласных» (*сон — сна,*

весь — вся) и отсутствие их в других словах (*нос — носа, сев — сева*) может быть объяснено тем, что гласные *о* и *е* в этих словах различного происхождения, восходят к разным гласным. В тех словах, где в современном языке имеются «беглые гласные», на их месте некогда были особые, засвидетельствованные старославянским языком гласные ъ и ь, которые в определенных положениях могли утрачиваться (см. далее § 3–4).

Таким образом, знание старославянского языка позволяет уяснить ряд фонетических, грамматических и словарных особенностей современных славянских языков.

История возникновения и развития старославянской письменности

История возникновения письменности на старославянском языке связана с именами византийских братьев-миссионеров — Константина и Мефодия. Их деятельность как славянских просветителей протекала в двух славянских княжествах — в Великой Моравии и Паннонии (Блатенском княжестве). Оба княжества во второй половине IX в. были уже христианскими и в церковно-административном отношении входили в состав зальцбургского (баварского) архиепископства, которое совершало христианское богослужение на чуждом и непонятном для славян латинском языке. Латинский язык был литературным, церковным и научным языком средневековой Европы, и поэтому именно на нем немецкие епископы отправляли христианский культ в Великой Моравии и Паннонии.

Умный и дальновидный политик, великоморавский князь Ростислав хорошо понимал, какую опасность для независимости его княжества представляли баварские церковники, проводившие захватническую политику немецких феодалов. Знал он также, что в другом центре христианства — в Византии, отдаленной от его княжества и поэтому не представлявшей для него непосредственной угрозы, — не чуждались проповеди христианской религии на местном языке. Так, многие народы, принявшие христианство от греков, например, сирийцы (христиане-арамейцы), копты (христиане-египтяне), армяне и грузины, имели письменность и богатую литературу на своих языках.

Поэтому Ростислав принимает решение направить в Византию к императору Михаилу III посольство с просьбой прислать в Великую Моравию таких учителей-миссионеров, которые смогли бы проповедовать христианскую религию на местном языке.

Рис. 1. Славянские государства и племена в IX в.

Просьба Ростислава была удовлетворена, и во главе славянской миссии были поставлены братья Константин и Мефодий, хорошо знавшие славянский язык, так как они были уроженцами Солуня (рис. 1). Древний Солунь (*совр.* Салоники) был двуязычным городом, в котором кроме греческого языка зву-

чал еще один из славянских говоров, так как вокруг Солуня были славянские поселения.

Известно, что до отъезда в Моравию, еще находясь в Византии, младший из братьев — Константин, прозванный современниками за свою ученость Философом, — составил славянскую азбуку и начал перевод на славянский язык греческого служебного евангелия.

Прибыв в Великую Моравию в 863 г., братья набрали себе помощников, обучили их славянскому письму и продолжили вместе с ними перевод греческих богослужебных книг. Здесь они закончили перевод евангелия, апостола, псалтыри и некоторых других богослужебных книг. Однако с самого начала их деятельность была враждебно встречена баварскими церковниками, которые, естественно, видели в Константине и Мефодии соперников и всячески старались чинить препятствия их делу. Поэтому братья, проработав в Великой Моравии около трех лет, были вынуждены искать поддержки и помощи у папы римского. Путь их в Рим, куда они отправились с многочисленными своими учениками, лежал через Паннонию — славянское княжество, населенное предками современных словенцев. Паннонский князь Ко́цел, понимавший, подобно Ростиславу, какое большое значение для славян имела письменность на их родном языке, отдал в обучение Константину и Мефодию 50 учеников. Проработав некоторое время в Паннонии, братья продолжили свой путь в Рим, куда они прибыли в 867 г. В Риме дело Константина и Мефодия получило поддержку у папы Адриана II, стремившегося укрепить свое влияние в славянских княжествах. Церковная письменность на славянском языке была признана официально, а ученики Константина и Мефодия посвящены в сан священнослужителей. Здесь, в Риме, Константин заболел и в 869 г. умер. Перед смертью он постригся в монахи и при пострижении получил имя Кирилл.

Мефодия папа назначил епископом моравским и паннонским. Однако это назначение не оградило Мефодия от происков немецкого духовенства. Вся последующая деятельность Мефодия в Паннонии, куда он вернулся после смерти брата, и затем в Моравии протекала в беспрерывных столкновениях с немецкими епископами. Склонив на свою сторону нового моравского князя Святополка, племянника Ростислава, они устроили суд над Мефодием и, оклеветав, заточили его в тюрьму, где он пробыл более двух лет. Повелением папы Иоанна VIII Мефодий был освобожден из тюрьмы и вновь занял епископский престол в Моравии, однако происки и клевета врагов

продолжались до самой его смерти. Известно, что в конце своей жизни Мефодий снова обратился к переводческой деятельности и вместе с тремя своими учениками перевел почти все библейские книги, сборник церковных законов (номоканон) и какое-то церковно-учительное сочинение, названное в Житии Мефодия «отеческими книгами». В 885 г. Мефодий умер.

После смерти Мефодия его противники добиваются у папы Стефана V запрещения славянского богослужения и изгоняют из пределов Моравии учеников Кирилла и Мефодия. Однако, несмотря на жестокое гонение, славянское богослужение и письменность некоторое время сохраняются в Моравии и Чехии.

Изгнанные из пределов Моравии, ученики солунских братьев направляются на славянский юг — в Болгарию. В Юго-Западной Болгарии (Македонии), где протекала деятельность двух учеников Кирилла и Мефодия — Климента и Наума, упорно сохраняются в языке и письме традиции кирилло-мефодиевских переводов. В то же время в Восточной Болгарии, где сложились особенно благоприятные условия для дальнейшего развития письменности на старославянском языке, так как на церковном соборе в 893 г. старославянский язык был провозглашен языком церкви и государства, кирилло-мефодиевские традиции оказались нарушенными. Возможно, в том же 893 г. в Болгарии ученик Кирилла и Мефодия пресвитер Константин осуществляет «преложение книг», что может пониматься как изменение письма[1]. Кроме того, переписчики-болгары вносили в язык кирилло-мефодиевских переводов новые черты, которые особенно отчетливо проявились в лексике старославянских памятников.

Расцвет письменности на старославянском языке наступает в Болгарии в годы царствования болгарского царя Симеона (893–927), когда не только составляются многочисленные списки с кирилло-мефодиевских оригиналов и переводятся новые греческие книги, но создаются и оригинальные произведения на старославянском языке. Недаром эти годы называют «золотым веком» древнеболгарской литературы. Со второй половины X в. в Болгарии в связи с утратой ею государственной самостоятельности и превращением в провинцию Византии постепенно происходит упадок письменности на старославянском языке.

---

[1] Сведения о «преложении книг» в Болгарии через 30 лет после принятия ею христианства содержатся в древнеболгарском переводе «Летописца въскоре» патр. Никифора (см.: Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. Вып. 3). См. также: *Ильинский Г. А.* Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»? // Byzantinoslavica. 1931. Т. 3. Вып. 1. С. 79–87.

Центр славянской письменности с конца X в. перемещается на славянский восток, в Киевскую Русь, где христианство становится государственной религией. При Ярославе Мудром, по свидетельству «Повести временных лет», в 1037 г. были собраны «писцы многи», которые совершали новые переводы с греческого языка и составляли списки с южнославянских книг. Такими списками южнославянских (болгарских) книг являются почти все древнейшие из дошедших до нас памятников русской письменности XI в. Таковы, например, **Остромирово евангелие** (1056–1057 гг.) и **Изборник Святослава** (1073 г.), представляющий собой сборник текстов разнообразного содержания, переведенный с греческого языка в симеоновское время для болгарского царя.

Естественно, что под пером восточнославянских переписчиков старославянский язык подвергается дальнейшим изменениям. В фонетике и грамматике старославянских памятников, написанных на Руси, явственно проступают черты древнерусского языка. Так, например, в памятниках русского происхождения получили отражение утрата носовых гласных, полногласие, замена окончания 3-го лица глагола *-тъ* окончанием *-ть* и другие черты русского языка XI в. Поэтому применительно к более поздним памятникам старославянского языка, в которых отражено значительное влияние того или иного славянского языка, принято говорить об изводах старославянского языка, т. е. о местных его разновидностях. Кроме *русского* извода известны еще *болгарский*, *сербский*, *хорватский* и *чешский* изводы. В отличие от старославянского (древнецерковнославянского) языка, язык памятников разных изводов принято называть **церковнославянским языком**.

Таким образом, в истории развития старославянского языка прослеживаются следующие периоды.

1. Древнейший период, связанный с деятельностью Кирилла и Мефодия (вторая половина IX в.). В этом периоде следует различать два этапа: византийский (до отъезда солунских братьев в Великую Моравию) и мораво-паннонский. Памятники письменности этой эпохи до нас не дошли, но языковые особенности ее могут быть достаточно четко реконструированы на основании данных более поздних памятников.

2. Позднейший период, связанный с деятельностью учеников Кирилла и Мефодия в Македонии и Восточной Болгарии. От этого периода до нас дошли немногочисленные памятники конца X–XI в., которые являются довольно точными копиями более древних рукописей.

3. Период церковнославянского языка, от которого дошли до нас многочисленные памятники разных изводов.

Памятники старославянской письменности

Большинство из дошедших до нас древнейших памятников старославянского языка не датировано, т. е. не содержит прямого указания на время их написания. Однако по палеографическим и лингвистическим особенностям время, а также место их написания можно установить достаточно точно. По содержанию древнейшие памятники старославянской письменности в большинстве своем являются греческими богослужебными книгами. К их числу относятся следующие.

1. Евангелие (от *греч.* εὐαγγέλιον 'благая весть') — книга, содержащая рассказы о жизни и учении Иисуса Христа. Существуют два типа евангелий:

1) четвероевангелия — тетры (от *греч.* τετραευαγγέλιον), содержащие рассказы четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна;

2) служебные евангелия — апракосы (от *греч.* ἄπρακος 'недельный'), содержащие евангельские отрывки, расположенные в порядке недельных чтений при отправлении церковной службы.

Известны следующие старославянские евангелия.

Зографское четвероевангелие. Свое название получило по названию афонского монастыря Зограф, где было найдено.

Памятник конца X–XI в., написанный в пределах Македонии; содержит 303 листа, из которых 17 (л. 41–57) вставлены позже.

Издано В. Ягичем: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis. Berlin, 1879.

Хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Мариинское четвероевангелие. Свое название получило по Мариинскому монастырю на Афоне, откуда было привезено в 1845 г. В. И. Григоровичем.

Памятник XI в., написанный в пределах Македонии, но с некоторыми чертами сербского языка; содержит 172 листа.

Издано В. Ягичем: Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus. Berlin; SPb., 1883.

Хранится в Государственной национальной библиотеке в Москве.

Ассеманиево служебное евангелие. Свое название получило по имени патера И. Ассемани, вывезшего его в 1736 г. из Иерусалима в Италию.

Памятник XI в., написанный в пределах Македонии, содержит 158 листов.

Издано неоднократно, лучшее издание — И. Вайса и **Й. Курца: Codex Vaticanus** 3. Slavicus glagoliticus. Т. 1–2. Прага, 1929–1955.

Хранится в Ватиканской библиотеке.

Саввина книга (служебное евангелие). Свое название получила по имени писца, попа Саввы, оставившего на двух листах рукописи (л. 49 и 54) приписки со своим именем.

Памятник XI в., написанный в пределах Восточной Болгарии, содержит 129 листов.

Издано В. Н. Щепкиным: Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1903.

Хранится в фонде Типографской библиотеки в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве.

Листки Ундольского (отрывки служебного евангелия). Свое название получили по имени библиофила В. М. Ундольского, которому некогда принадлежали.

Памятник XI в., содержит 2 листа.

Изданы Е. Ф. Карским: *Памятники старославянского языка.* Т. 1. Вып. 3. СПб., 1904.

Хранятся в Государственной национальной библиотеке в Москве.

Охридские листки (евангельские отрывки). Свое название получили по г. Охриду, где были найдены В. И. Григоровичем в 1845 г.

Памятник XI в., содержит 2 листа.

Изданы: Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2. Ч. 2. СПб., 1915.

Хранятся в рукописном фонде Одесской государственной научной библиотеки.

Боянское служебное евангелие. Свое название получило по селению Бояна близ Софии, где было найдено В. И. Григоровичем в 1845 г.

Памятник конца XI в.

Издано болгарским ученым Иваном Добревым: Глаголическият текст на Боянския палимпсест: Старобългарски паметник от края на XI век. София, 1972.

Хранится в Государственной национальной библиотеке в Москве.

Остромирово евангелие (служебное евангелие). Свое название получило по имени новгородского посадника Остромира, для которого было переписано на Руси в 1056–1057 гг. с восточноболгарского оригинала.

Издано А. Х. Востоковым: Остромирово евангелие 1056–1057 годов. СПб., 1843, *и фотолитографически* — И. Савинковым.

Хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Остальные евангельские рукописи принадлежат уже к различным изводам. Так, например, **Архангельское евангелие**

1092 г. и **Галицкое евангелие** 1144 г. так же, как и Остромирово евангелие, написаны на Руси, но значительно уступают последнему в древности. **Мирославово евангелие** XII в., **Вуканово евангелие** XIII в. и **Никольское евангелие** XIV в. — памятники сербского извода, а **Добромирово евангелие** XII в. и **Добрейшево евангелие** XIII в. — памятники болгарского извода.

2. Псалтырь (от *греч.* ψαλτήριον)— книга, содержащая песнопения (псалмы) во славу Бога, приписываемые библейскому царю и пророку Давиду.

Известны следующие рукописи псалтыри.

Синайская псалтырь. Свое название получила по Екатерининскому монастырю на Синае.

Памятник XI в., написанный в пределах Македонии; содержит 177 листов.

Лучшее издание — С. Северьянова: Синайская псалтырь. Пг., 1922.

Хранится в Синайском монастыре Св. Екатерины.

Все остальные списки псалтыри принадлежат разным изводам, например:

Чудовская псалтырь — памятник русского извода XI в.

Издана: Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1910.

Хранится в Государственном историческом музее в Москве;

Евгениевская псалтырь — памятник русского извода XI в.

Издана фототипически В. В. Колесовым: Материалы и сообщения по славяноведению. VIII. Сегед, 1972.

Хранится в Российской национальной библиотеке и в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге;

Болонская псалтырь — памятник болгарского извода начала XIII в.

Издана В. Ягичем: Psalterium Boloniese. Wien, 1907.

Хранится в Библиотеке Болонского университета (Италия).

3. Апостол — книга, содержащая деяния и послания апостолов (от *греч.* ἀπόστολος ‘посланник’) — учеников Иисуса Христа. До последнего времени апостол был известен только в поздних списках разных изводов. Таковы, например, **Охридский** и **Слепченский апостолы** XII в. болгарского извода, **Шишатовацкий апостол** 1324 г. сербского извода. Но в 60-х гг. XX в. в Болгарии был обнаружен древний список XI в.:

Енинский апостол. Свое название получил по селению Енина, где был обнаружен. Плохо сохранившаяся рукопись содержит 39 листов.

Издан К. Мирчевым и Хр. Кодовым: Енински апостол: Старобългарски паметник от XI век. София, 1966.

4. Минея (от *греч.* μήν 'месяц') — книга для церковного чтения на все дни месяца, включавшая жития святых, легенды о мученичестве и подвижничестве святых, творения отцов церкви.

Супрасльская рукопись (мартовская минея). Название получила по Супрасльскому монастырю близ Белостока, где была найдена в начале XIX в.

Памятник XI в., написанный в пределах Восточной Болгарии. Содержит 285 листов.

Полное издание памятника осуществлено С. Северьяновым: Памятники старославянского языка. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1904. Новое двухтомное издание с греческими параллелями осуществила Болгарская Академия наук: Супраслъски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.

В настоящее время рукопись этого памятника разрознена. Первые 113 листов, принадлежавшие известному слависту В. Копитару, хранятся в Лицейской библиотеке в Любляне; следующие 16 листов — в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и 151 лист находится в Варшаве.

Остальные списки минеи принадлежат разным изводам.

5. Близки по содержанию к минеям **сборники**, включавшие поучения, гомилии (проповеди), похвальные слова и тому подобные сочинения. До нас дошли незначительные по объему отрывки из этих сборников.

Сборник Клоца. Назван по имени владельца библиотеки, в которой его обнаружил В. Копитар.

Памятник невелик по объему (14 листов), переписан в Македонии. Так называемую анонимную гомилию из этого сборника многие ученые (Фр. Гривец, А. Вайан, И. Вашица) считают сочинением Мефодия.

Издавался сборник неоднократно. Последнее издание: Clozianus codex palaeoslovenicus glagoliticus. Прага, 1959.

Рукопись разрознена, 12 листов хранятся в Тренте (Триденте), 2 листа — в Инсбруке.

Хиландарские листки. Название получили по афонскому монастырю Хиландарь, где были найдены.

Памятник XI в. (2 листа) восточноболгарского происхождения, содержит отрывок из поучений Кирилла Иерусалимского.

Последнее издание: Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1900.

Хранится в рукописном фонде Одесской государственной научной библиотеки.

Зографские листки. Названы по Зографскому монастырю.

Памятник XI в. (2 листа) восточноболгарского происхождения, содержит отрывок из «Правил» Василия Великого.

Изданы П. А. Лавровым: Revue des études slave. Vol. 10. Paris, 1930.

Хранятся в библиотеке Зографского монастыря на Афоне.

Македонский листок.

Памятник XI в., содержит предположительно отрывок из произведения Иоанна Экзарха Болгарского.

Издан: Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 5. СПб., 1906.
Хранится в Библиотеке Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

6. Требник, или евхологий (от *греч.* εὐχολόγιον 'молитвенник') — книга, содержавшая молитвы и требы (церковные службы на разные случаи жизни).

Синайский требник. Свое название получил по Екатерининскому монастырю на Синае.

Памятник XI в., переписанный с мораво-паннонского оригинала в Македонии, содержит 106 листов. О том, что оригинал памятника может быть отнесен к мораво-паннонскому периоду старославянской письменности, говорят переводы с немецкого и латинского языков, включенные в состав этой рукописи наряду с переводами с греческого языка.

Последнее и лучшее издание — Р. Нахтигала: Euchologium Sinaiticum. 1–2. Любляна, 1941–1942.

Основная часть хранится в Синайском монастыре Св. Екатерины; 4 листа хранятся в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге: 1 лист был вывезен акад. Н. П. Кондаковым и принесен в дар Императорской публичной библиотеке, еще 3 листа (**Порфирьевские листки**) были преподнесены преосв. Порфирию.

Рыльские листки. Свое название получили по болгарскому Рыльскому монастырю, где были открыты в разное время разными учеными. Первый лист и вырезку открыл В. И. Григорович в 1845 г. (Македонский глаголический листок). На переплете рукописи № 3/6 листы IV, VI и VIII обнаружил К. Иречек в 1880 г., и последние листы (III, V, VII) открыл Й. Иванов в 1936 г. По предположению И. Гошева, Рыльские листки, содержащие слова-наставления Ефрема Сирина и великопостные молитвы, входили либо в полный евхологий, либо в специальный сборник молитв, связанных с таинствами исповеди и причастия.

Памятник содержит 7 листов и 3 вырезки.

Издан полностью И. Гошевым: Рилски глаголически листове. София, 1956.
Хранится в Рыльском монастыре в Болгарии.

Все остальные переводы греческих книг, которые следует связывать с деятельностью Кирилла и Мефодия, дошли до нас в поздних списках разных изводов. Таковы книги библейских пророков и номоканон.

Например, **номоканон** — сборник, содержащий церковные законоположения, — дошел до нас в списке XIII в. русского извода.

Киевский миссал — самый древний из дошедших до нас памятников старославянской письменности. Содержит отрывок

обедни (мессы) по римскому обряду и является переводом с латинского языка. Свое название получил в связи с его открытием в Киеве в 1874 г., куда был привезен из Иерусалима.

Памятник X в., написан, по-видимому, в пределах Моравии: в языке его отчетливо выступают западнославянские черты. Не связанный непосредственно с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия, переводивших греческие богослужебные книги, Киевский миссал показывает стремление известной части католического духовенства совершать богослужение на славянском языке.

Издавался неоднократно, лучшее издание — В. Ягича: Glagolitica Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890.

Хранится в библиотеке Киевской духовной академии.

Кроме рукописей, до нас дошли еще несколько старославянских **надписей**. Некоторые из них имеют дату. Так, надпись на могильной плите родственников болгарского царя Самуила датирована 993 г., а надпись на камне, найденном при строительстве канала Дунай — Черное море в Добрудже, — 943 г. Не датированы надписи на развалинах Симеоновской церкви в Преславе и др.

Незначительные по объему, эти надписи не представляют большого интереса для изучения старославянского языка, но их показания очень важны для решения вопросов, связанных с тем фактом, что все памятники старославянской письменности написаны двумя азбуками.

Изданы надписи Ив. Гошевым: Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X века. София, 1963.

Азбуки старославянской письменности

Старославянские азбуки, которыми написаны дошедшие до нас памятники, называются **глаголицей** и **кириллицей** (см. табл. на с. 22–23). Кириллица является той славянской азбукой, которая лежит в основе современного русского, украинского, белорусского, болгарского, сербского и македонского алфавитов. Глаголица же представляет собой весьма своеобразное, замысловатое, петлеобразное письмо, которое длительное время (до XVII в.) в несколько измененном, «угловатом» виде употреблялось у хорватов. В качестве церковного письма ее употребление в Хорватии известно вплоть до современности. Глаголицей написаны **Киевский миссал, Зографское, Мариинское, Ассеманиево** и **Боянское евангелия** XI в., **Синайская псалтырь, Синайский требник, сборник Клоца, Охридские** и **Рыльские листки**. Кроме того, глаголицей написаны так называемые **Пражские отрывки** — памятник конца XI–XII в. с чер-

тами чешского языка и все памятники хорватского извода, которые идут от XII в.

Остальные старославянские памятники написаны кириллицей, но в некоторых из них имеются глаголические буквы и даже отдельные слова, написанные глаголицей. (Образец глаголического письма см. на рис. 2, кирилловского — на рис. 3.)

Рис. 2. Зографское евангелие, л. 225 (евангелие от Иоанна).

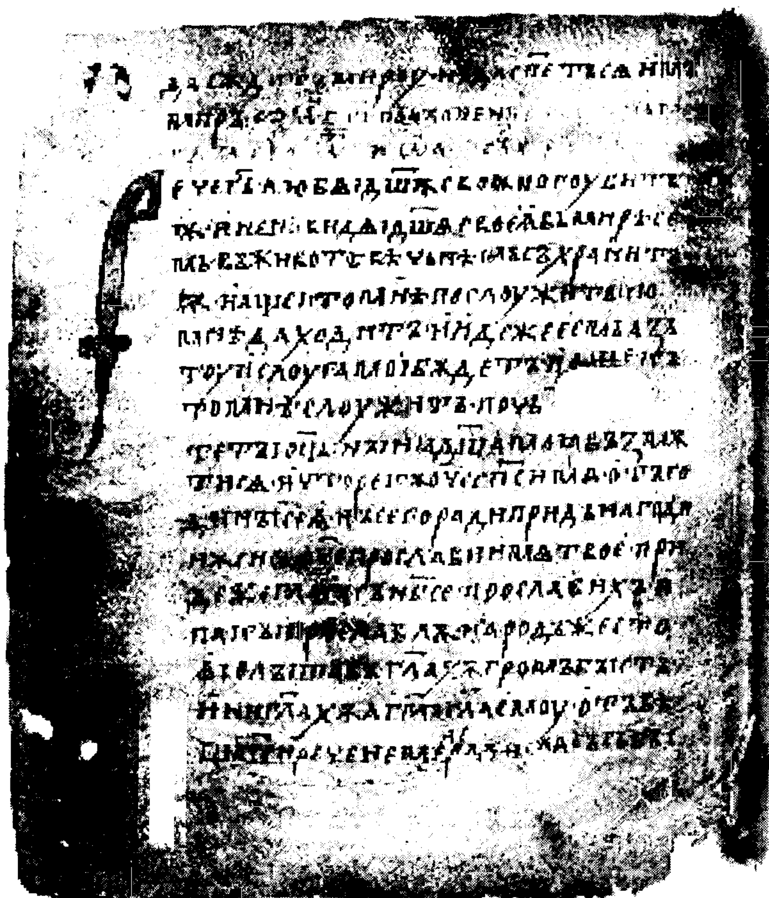

Рис. 3. Саввина книга, л. 127 об. (евангелие от Иоанна).

По своему происхождению кириллица является исторически сложившимся письмом. В ее основе лежит так называемое уставное (унциальное) греческое письмо, дополненное буквами для специфически славянских звуков, которые стилизованы под греческий унциал: ср. грекославянскую букву в и славянскую б. (Об уставном письме см. на с. 29 и сл.)

Вопрос о происхождении глаголицы является до настоящего времени дискуссионным. Существует очень много разных версий, связывающих происхождение глаголицы с тем или иным алфавитом. Например, И. Тейлор, А. Лескин, В. Ягич связывали глаголицу тоже с греческим письмом, но не с уставным, а с курсивным (минускульным). П. И. Шафарик, Ф. Ф. Форту-

тов, В. Вондрак, И. Вайс, А. М. Селищев указывали на связь глаголицы с древнееврейским (самаритянским) и коптским письмом. М. Гастер и Р. Абихт отмечали связь глаголицы с армянским и грузинским алфавитами.

Однако все попытки рассматривать глаголицу как исторически сложившееся письмо положительных результатов не принесли. Поэтому в последнее время в работах разных ученых все чаще звучит мысль о том, что глаголица есть искусственно созданный для нужд церковной письменности алфавит, плод индивидуального изобретательства (А. Вайан, Е. Георгиев, Е. Э. Гранстрем, В. Р. Кипарский).

Названия славянских букв, а также их порядок в глаголице и кириллице одинаковы. Но состав букв и их числовые значения не совпадают. Славяне, как и другие народы, например, греки, не имели особых знаков (цифр) для передачи чисел, а записывали их с помощью букв, снабжая последние особыми знаками: ·а҃· — 1; ·в҃· — 2.

Числовые значения кириллицы соответствуют греческой цифири, поэтому, с одной стороны, славянские буквы, отсутствующие в греческом алфавите, например, б, ж, не имеют числового значения, с другой стороны, в кирилловский алфавит были включены такие греческие знаки, которые первоначально у славян служили только для передачи чисел: ѕ — 6, ѳ — 9.

Числовые значения глаголицы соответствуют порядку букв славянского алфавита, отличавшегося от порядка букв греческого алфавита, поэтому в глаголице Ⰰ (а) — 1, Ⰱ (б) — 2, Ⰲ (в) — 3 и т. д.

Первоначальное количество букв в славянских алфавитах вряд ли может быть точно установлено. Возможно, если доверять **Сказанию о письменах** Храбра, автора древнейшего рассуждения о создании Кириллом азбуки, их было 38[1]. То же количество букв и в глаголице, и в кириллице дано в так называемом Мюнхенском абецедарии — латинской рукописи XI в., хранящейся в библиотеке города Мюнхена.

Точно так же не вполне ясен и первоначальный порядок тех славянских букв, которые идут в конце алфавита и не имеют числового значения. На порядок славянских букв в алфавите могут указывать древнейшие азбучные молитвы (акростихи), но и они для конечных букв славянского алфавита дают разные показания.

---

[1] Некоторые ученые (Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкой, А. Вайан и др.) полагают, что в первоначальном славянском алфавите было 36 букв.

Глаголический и кириллический алфавиты

№ п/п	Глаголица	Глагол. цифирь	Название буквы	Кириллица	Кирил. цифирь	Звуковое значение
1	Ⰰ	1	азъ	А	1	a
2	Ⰱ	2	боукы	Б	—	b
3	Ⰲ	3	вѣдѣ	В	2	v
4	Ⰳ	4	глаголи	Г	3	g
5	Ⰴ	5	добро	Д	4	d
6	Ⰵ	6	ѥсть	Є	5	e
7	Ⰶ	7	живѣтє	Ж	—	ž'
8[1*]	Ⰷ	8	ꙃѣло	Ꙃ, Ѕ	6	$\widehat{dz}$'
9	Ⰸ	9	землꙗ	Ꙁ	7	z
10[2]	Ⰹ, Ⰺ	10	иже	И	10	i
11	Ⰻ	20	ижеи, и	І	8	i
12[3]	Ⰼ	30	(ђє)?	—	—	g' ?
13	Ⰽ	40	како	К	20	k
14	Ⰾ	50	людиѥ	Л	30	l
15	Ⰿ	60	мыслитє	М	40	m
16	Ⱀ	70	нашь	Н	50	n
17	Ⱁ	80	онъ	О	70	o
18	Ⱂ	90	покои	П	80	p
19	Ⱃ	100	рьци	Р	100	r
20	Ⱄ	200	слово	С	200	s
21	Ⱅ	300	тврьдо	Т	300	t
22[4]	Ⱛ	400	ѵкъ;	Ѵ, Ѵ	400	i, v
	Ⱆ		оукъ,	Оу		u
			оникъ	Ꙋ		u
23[5]	Ⱇ, Φ	500	фрьтъ	Ф	500	f
24	Ⱈ	600	хѣръ	Х	600	ch
25	Ⱉ	700	отъ	Ѡ	800	ot
26[6]	—	800	пѣ (пє)	—	—	p, f ?
27	Ⱌ	900	ци	Ц	900	c'
28	Ⱍ	1000	чрьвь	Ч	90	č'
29[7]	Ⱎ	—	ша	Ш	—	š'
30[8]	Ⱋ	800	шта	Щ	—	$\widehat{št}$' ?
31	Ⱏ	—	кръ	Ъ	—	ъ
32[9]	ⰟⰋ,	—	кры	ЪІ,	—	y
	ⰟⰊ,			ЪИ,		
	ⰟⰉ			Ы		
33	Ⱐ	—	крь	Ь	—	ь
34[10]	Ⱑ	—	ꙗть	Ѣ	—	ě
35[11]	Ⱒ	—	(хлъмъ)?	—	—	ch
36[12]	Ⱓ	—	ю, юсъ	Ю	—	ju, 'u
37[13]	Ⱙ	—	юс большой йотованный	Ѭ	—	jǫ, 'ǫ
38	Ⱔ	—	юс малый	Ѧ	900	ę
39	Ⱘ	—	юс большой	Ѫ	—	ǫ
40	Ⱗ	—	юс малый йотованный	Ѩ	—	ję, 'ę
41[14]	—	—	—	Ꙗ	—	ja, 'a
42	—	—	—	Ѥ	—	je, 'e
43[15]	—	—	кси	Ѯ	60	ks
44	—	—	пси	Ѱ	700	ps
45	Ⱚ	—	фита	Ѳ	9	t, f
46[16]	—	—	—	Ҁ	90	—
47	—	—	—	Ѧ	900	—

* Комментарий к буквам, отмеченным цифрой в верхнем индексе, см. на с. 24–29.

Поэтому славянские алфавиты должны быть в ряде случаев прокомментированы[1].

1. Глаголическая буква ⰸⰵⰾⱁ (Ⰷ) передавала особый слитный звук (аффрикату) $\widehat{dz}'$, отличный от звука *z*. В кириллице для передачи этого звука использовали слегка измененный знак буквы землꙗ — ꙁ. Кирилловская буква ѕ, заимствованная из греческой цифири (*греч.* ϛ — вау), как и у греков, звукового значения не имела, а служила в древнейших старославянских памятниках для передачи числа 6. Позднее эту букву употребляют уже вместо ꙁ. Поэтому в дальнейшем для передачи аффрикаты $\widehat{dz}'$ будет использована буква ѕ.

2. В глаголице было три буквы для гласного *i*, употребление которых, по-видимому, первоначально различалось. Ⰹ, Ⰺ (варианты одного знака, имевшие одно числовое значение) употреблялись в начале слов, внутри между согласными и на конце после согласных; после гласных на конце слов употреблялась буква Ⰺ: *oi* — ⰑⰊ; буква Ⰻ служила для передачи гласного *y* — ⰟⰉ (*кирил.* ꙑ) и вместо *ьj* — ⰉⰡ (*кирил.* ьꙗ — иꙗ).

В кириллице различия в употреблении между и и і не было.

3. В глаголице была особая буква, отсутствовавшая первоначально в кириллице, — Ⰼ (в кирилловской транслитерации — ꙉ), которая употреблялась только в заимствованных словах в соответствии с греческой γ преимущественно перед гласными переднего ряда: анꙉелъ, еванꙉелие, леꙉеонъ и т. п.

По-видимому, создание особой буквы, отличной от Ⰳ (*кирил.* г), было обусловлено фонетическим различием между греческим языком и тем славянским, применительно к которому была создана глаголица. Однако в чем это различие заключалось, до сих пор точно не установлено, хотя большинство ученых склонно определять фонетическое значение этой буквы как *g'* (смягченное). Несомненно, с этой глаголической буквой связано употребление в двух древнейших кирилловских памятниках сербского извода (Мирославовом и Вукановом евангелиях) буквы ꙉ, которая позднее станет непременной особенностью рукописей так называемой боснийской школы.

В Мирославовом евангелии эта буква так же, как и в глаголических памятниках, употребляется преимущественно в соответствии с греческой γ перед гласными переднего образования, а в Вукановом евангелии уже и на месте сочетания *dj*:

---

[1] См.: *Иванова Т. А.* О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 48–54.

хоћаше. Названия буквы ћѣ (*дервь* или *гервь*) более позднего происхождения.

4. Двадцать второе место в славянском алфавите занимала буква, первоначально называвшаяся ѵкъ (икъ). Такое название этой буквы сохранено в известном перечне глаголических букв, так называемом abecenarium bulgaricum, дошедшем до нас в одной латинской рукописи X–XI столетий. Позднее эту букву стали называть ижица.

Буква ѵкъ (икъ) употреблялась в греческих словах для передачи лабиализованного гласного переднего образования *ӥ*, которому в славянской речи соответствовали то *i* (ѵпостась, мѵро), то *υ* (левгитъ, еѵангелие). Числовое значение у этой буквы в соответствии с ее порядковым местом было 400.

На основе греческой графики в глаголице и кириллице была создана буква оукъ и ее лигатурный вариант оникъ ȣ, который обычно употреблялся в конце или начале строки. Буква оукъ имела то же числовое значение, что и буква икъ, и передавала гласный *и*.

5. Буква фрьтъ употреблялась лишь в заимствованных словах для передачи чуждого славянской речи звука *f*: фарисеи, финикъ.

Надо заметить, что в некоторых древних глаголических памятниках (Ассеманиевом евангелии и Рыльских листках) для передачи звука *f* употреблена не обычная для других памятников буква ⰼ, а знак Ф, совпадающий с греческой буквой, которая послужила образцом и для кирилловской буквы фрьтъ.

6. В глаголице, по-видимому, первоначально существовала особая буква, называвшаяся пѣ, или пе (название это засвидетельствовано Храбром и в abecenarium bulgaricum) и служившая в соответствии с ее порядковым местом для передачи числительного 800. Наличие этой буквы в древнем славянском алфавите подтверждается и данными азбучных молитв, в которых между стихами на буквы отъ и ци имеется стих, начинающийся словами пѣснь или печаль (например, в азбучной молитве Константина Болгарского: Печаль мою на радость прѣложи).

Интересно, что в Мюнхенском абецедарии между знаками для глаголических букв отъ и ци имеется особый знак, напоминающий кирилловскую букву ф той же рукописи. Тот же знак и на том же месте имеется и в глаголическом алфавите, содержащемся в одной боснийской рукописи XV в. А в азбучной молитве по сербскому списку XV–XVI вв. соответ-

ствующий стих начинается с ф: Фарисеи вьзьпише вьзми распни его.

По мнению ряда ученых (Р. Нахтигала, Н. Дурново), буква пѣ была одним из вариантов для передачи чуждого славянской речи звука *f*.

Вполне вероятна ее связь с древнееврейской буквой того же названия *pē*, которая передавала звуки *p*, *f*, а вариант ее служил и в древнееврейских рукописях для передачи числа 800.

7. Буква ша в глаголице и кириллице одинакового начертания, происхождение которого также связывают с древнееврейским алфавитом. Особенно эта связь с древнееврейским письмом проявляется в глаголических памятниках, в которых ш, подобно древнееврейским рукописям, была короче других букв и располагалась в верхней части строки, занимая только три четверти ее: ш8ⰴⰟ8 (шьдъ).

8. Буква шта в глаголице и кириллице представляет собой видоизменение буквы ш: щ и щ. Не все дошедшие до нас памятники старославянской письменности употребляют эту букву. Так, в Сборнике Клоца и Супрасльской рукописи для передачи сложного согласного *s͡t'*, так же как и для *z͡d'*, нет особых букв, а эти звуки передаются при помощи сочетания соответствующих букв: шт — шⰕ и жд — ⰶⰴ. Сочетание шⰕ также обычно и в Зографском евангелии, где лишь один раз употреблена буква щ. В других памятниках (Мариинском и Ассеманиевом евангелиях, Синайской псалтыри) эта буква изредка употребляется наряду с шⰕ. Наконец, в Саввиной книге, листках Ундольского, Остромировом евангелии, Синайском требнике (1 раз шⰕ) употребляется исключительно буква шта (щ, щ). В связи с тем, что в древнейших старославянских памятниках (Сборнике Клоца, Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях, Синайской псалтыри) эта буква или вообще не употребляется, или употребляется редко, а в позднейших (Саввиной книге, Остромировом евангелии), наоборот, употребляется только она, высказано предположение (И. В. Ягичем[1] и его последователями), что этой буквы в первоначальном славянском алфавите не было.

Однако существует и иное мнение, принадлежащее Н. Дурново[2] и его последователям, о том, что эта буква в глаголице

---

[1] См.: *Ягич И. В.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 205.

[2] См.: *Дурново Н.* Мысли и предположения о происхождении славянского языка и славянских алфавитов // Byzantinoslavica. 1929. Т. 1. С. 48–85.

первоначально имела другое фонетическое значение. Возможно, что она служила для передачи *k'*, как ⰴⰑ — *g'*, — звуков, развившихся из *tj* и *dj* в македонских говорах. Но в Моравии эта буква выходит из употребления, заменяясь в соответствии со звуковой системой западных славян буквой Ⱌ (*c*) или ⱋ (*šč*). Так, в Киевском миссале вместо *s͡t'* употребляется либо *c'*: просаце (просаште), помоць (помошть), либо *šč'*: очишчение (очиштение), зашчити (защтити), а вместо *z͡d'* — *z'*: подазь (подаждь), такозе (такожде). Позднее в Болгарии, куда из Великой Моравии были вынуждены уйти ученики Кирилла и Мефодия, эта буква уже в соответствии с фонетической системой болгарского языка получает новое фонетическое значение — *s͡t'*. Точно так же более поздним является и ее числовое значение в глаголице: буква шта получила числовое значение 800 после того, как вышла из употребления буква пѣ[1].

9. Примечательно совпадение в передаче звука *y* в глаголице и кириллице. И в том и в другом алфавите этот собственно славянский звук передается одинаково — через сочетание буквы єръ (или реже єрь) с тем или иным вариантом буквы иже: ъı, ъи, ы. Совершенно ясно, что такое тождество в передаче звука, не свойственного греческому языку, может быть объяснено только влиянием одного славянского алфавита на другой. Или, иначе, тем, что составитель одной из азбук знал о существовании другой и использовал это знание при создание буквы єръı.

10. Глаголическая буква ꙗть имела двоякое фонетическое значение. Кроме того, что она передавала звук *ě* (*ять*), она в начале слов и в положении после гласных служила для передачи *ja*. В кириллице же наряду с ѣ была особая буква — йотованное ꙗ. Однако известны и такие кирилловские памятники, в которых, подобно глаголице, буква ѣ используется и для передачи *ja*. Например, в Листках Ундольского: ѣко (ꙗко), диѣволъ (диꙗволъ).

11. В глаголице для звука *ch* было два знака: Ⱈ (*кирил.* х) и «паукообразный» Ⱒ, не имевший соответствия в кириллице. Последняя буква в памятниках глаголической письменности употребляется крайне редко. Встречается она только в слове хлъмъ (холм) — три раза в Синайской псалтыри и один раз в

[1] Предполагают, что буква ꙑ, передававшая звук *к'*, первоначально называлась пѣ и занимала 26-е место в глаголическом алфавите.

Ассеманиевом евангелии. Кроме того, имеется этот знак в Мюнхенском абецедарии и в abecenarium bulgaricum.

В одном из списков **Сказания о письменах** Храбра наряду с буквой х отмечена и буква х҃лъ, которую можно принимать за передачу глаголического Ⱒ. Кроме того, в некоторых азбучных молитвах содержится два стиха на букву х, что тоже может указывать на наличие двух букв для *ch* в древнем славянском алфавите. Например, в азбучной молитве Константина Болгарского: **Херовьскѫ ми мысль и ɣмъ даждь и Хвалѫ въздаѭ троици въ божьствѣ**. По всей вероятности, между глаголическими буквами Ⱈ и Ⱒ было то же фонетическое различие, что и между Ⰼ и Ⰳ, т. е. буквы Ⰼ и Ⱈ передавали чуждые славянской фонетической системе смягченные заднеязычные звуки *g'* и *ch'*, а буквы Ⰳ и Ⱒ — твердые заднеязычные согласные. Однако с течением времени эти соотношения были нарушены и буква Ⱈ стала употребляться вместо Ⱒ, так же как и Ⰳ могла употребляться вместо Ⰼ.

О раннем вытеснении буквы Ⱒ может говорить ее графическое смешение с буквой **отъ** — Ⱉ. Например, в Синайской псалтыри на листе 88[в] употреблена вместо Ⱒ буква **отъ**: **ѡлъми** в том же слове **хлъмъ**. Точно так же и в abecenarium bulgaricum букве Ⱒ приписано название *ot*.

12. Буква ю первоначально, возможно, называлась **юсъ**: именно так названа эта буква в abecenarium bulgaricum. Но позднее на русской почве, где произошло фонетическое совпадение ю с ѭ, это название в русской традиции закрепилось за буквами ѫ и ѧ.

13. Буквы, называемые теперь *юсами*, передавали носовые гласные *ǫ* и *ę*. В древнейшем славянском алфавите, по-видимому, было лишь два знака для носовых гласных: в азбучных молитвах находятся только два стиха на древние носовые. Но с течением времени и в глаголице и в кириллице стали употребляться как нейотованные, так и йотованные варианты *юсов*.

14. Согласный звук *j* не имел в славянской графике особой буквы. В глаголице для передачи этого звука вообще не было равнозначного выражения. В кириллице же *j* передавался при помощи так называемых йотованных букв: ѥ, ꙗ, ѭ, ѩ, ю (ɣ), составленных из буквы ı, соединенной с другими гласными буквами. При помощи этих букв передавался не только согласный *j*, но и мягкость предшествующих согласных: ꙗко — *jako*, но волꙗ — *vol'a*.

15. В кириллице было еще три буквы, сохранившие, в отличие от остальных букв, греческие названия кси, пси, фита, которые употреблялись в заимствованных из греческого языка словах: алеѯандръ, маѯимъ, ѱал'мъ, ѳома, марѳа и т. п. Изредка буква пси встречается и в собственно славянских словах для передачи *ps*: ржкоѱаньк (рукописание) (Супр. рук.); ѱалъ (писал) (Сав. кн.). В глаголических памятниках греческим буквам ξ и ψ соответствуют сочетания къс (к'с) и пъс (п'с), встречающиеся и в кирилловских рукописях, например, доук'съ (Супр. рук.).

Греческая ѳ, изредка употребляемая в глаголических памятниках, обычно заменяется буквой тврьдо: тома, марта, но иногда и буквой фрьтъ: τοῦ Σήθ — Сифовъ (Зогр. ев.). Заимствованные из греческого алфавита буквы кси, пси, фита в соответствии с греческой нумерацией служили в кирилловских памятниках для обозначения чисел 60, 700, 9.

16. В кирилловских рукописях встречаются еще знаки, которые, подобно ѕ, не имели звукового значения, а в соответствии с ионийской системой нумерации обозначали числа 90 и 900. Поскольку эти греческие знаки (*коппа* и *сампи*) были похожи на славянские буквы ч и ѧ, то в более поздних кирилловских памятниках эти буквы получили числовое значение: ч — 90, ѧ — 900. Кроме того следует отметить, что в некоторых кирилловских памятниках под влиянием глаголической цифири буква ц получила значение 900, а в рукописях боснийской школы — 1000. Таким образом, по составу знаков кирилловская цифирь первоначально отличалась от алфавита, но совпадала с ионийской нумерацией. Существует предположение, что славяне значительно раньше заимствовали от греков систему нумерации, нежели приспособили греческий алфавит для славянского письма[1].

* * *

Памятники старославянской письменности написаны чернилами на специально выделанной коже, называемой **пергаменом**; письмо, которым они написаны, называется **уставом**. Уставное письмо (древнейший вид письма) отличается тем, что буквы пишутся прямо или с небольшим наклоном, каждая буква расположена отдельно и большей частью на равном расстоянии одна от другой.

---

[1] См.: *Жуковская Л. П.* К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

Письмо памятников старославянской письменности слитное, без разделения слов друг от друга и с редким употреблением знаков препинания. Из последних известны: точка (.), употреблявшаяся обычно внутри предложения в функции запятой; многоточие (:, :·, :·:) — на конце предложения или фразы; точка с запятой (;) — в функции знака вопроса. Кроме того, в старославянских рукописях обычно употребление ряда надстрочных знаков:

1) для обозначения мягкости согласных над буквами ρ, λ, н, к, г, χ: мор'є, гыбл'ж, к'єсар'ь или мор̂є, гыбл̂ж, к̂єсар̂ь;

2) для обозначения пропущенного ъ или ь: д'ни, в'сь, м'ного, к'то;

3) в соответствии с греческими знаками придыхания преимущественно над гласными в начале слова: и̓шьдъ, є̓стъ, ѻ̓тъ, ѻ̓нъ;

4) по греческому же образцу некоторые часто встречаемые слова писали сокращенно под титлами: б҃ъ — богъ, вл҃ка — владыка, гл҃ати — глаголати, г҃ь — господь, д҃хъ — доухъ, і҃с — исоусъ, о҃ць — отьць, с҃нъ — сынъ, ч҃къ — чловѣкъ и т. п.

Вопросы происхождения письменности у славян

Наличие у славян двух азбук, о чем в исторических источниках нет прямых указаний, с одной стороны, и сложившаяся традиция, которая упорно связывает создание славянской азбуки только с именем Кирилла, с другой стороны, порождают ряд вопросов.

1. Существует ли связь между славянскими азбуками? Или иначе: знал ли составитель одной из азбук о существовании другой?

2. Какую же из азбук создал Кирилл?

3. Откуда, когда и как появилась вторая азбука?

4. Какая из азбук древнее?

5. Не существовала ли письменность у славян до Кирилла и Мефодия?

6. Если письменность у славян существовала до второй половины IX в., то что она собой представляла?

Большинство из этих вопросов являлись в прошлом и продолжают оставаться до настоящего времени дискуссионными.

В ходе дискуссии, которая началась уже на заре славянского языкознания, по ним высказывались часто диаметрально противоположные точки зрения. Это обусловлено тем, что для

суждения о времени, условиях и обстоятельствах возникновения письменности у славян мы располагаем очень немногими данными, которые к тому же допускают разные толкования.

По вопросам возникновения письменности у славян, иначе — по кирилло-мефодиевской проблематике, накопилась огромная литература. Так, по данным библиографических указателей, составленных Г. А. Ильинским (София, 1934), М. Попруженко и Ст. Романским (София, 1940), к тому времени было опубликовано уже 4263 работы. Естественно, что и после 1940 г. появилось много новых книг и статей, так как эти вопросы по-прежнему находятся в центре внимания ученых-славистов[1].

Вместе с тем все многообразие точек зрения по вопросам происхождения письменности у славян может быть сведено к четырем основным теориям.

I. Древнейшим славянским письмом признается кириллица, названная по имени своего изобретателя, а возникновение глаголицы как славянской тайнописи относится к более позднему времени, когда славянская письменность подвергается гонению со стороны католического духовенства (И. Добровский, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский). В настоящее время эта теория мало кем разделяется, так как большинство ученых считает доказанной бо́льшую древность глаголицы по сравнению с кириллицей.

II. Сторонники другой точки зрения, отстаивающие вместе с тем предположение о существовании славянской письменности до Кирилла и Мефодия, рассматривают в качестве докирилловского письма более древнюю глаголицу, а кириллицу также связывают с именем Кирилла (В. И. Григорович, П. Я. Черных и др.).

III. Ученые, отрицающие существование славянской письменности до Кирилла и Мефодия, приписывают создание глаголицы как древнейшей славянской азбуки Кириллу, а создание кириллицы — его ученикам: или Клименту Охридскому (И. В. Ягич, В. Н. Щепкин, А. М. Селищев и др.), или Константину Болгарскому (Г. А. Ильинский).

IV. Наконец, существует теория, признающая древнейшим письмом кириллицу, поскольку этот алфавит является исторически заимствованным от греков. Глаголицу же ученые этого направления считают изобретением Кирилла (Е. Георгиев, Е. Э. Гранстрем).

---

[1] Новые библиографические справочники указаны на с. 57.

В современной науке самыми распространенными и авторитетными являются теории, связывающие изобретение глаголицы с именем Кирилла.

Рассмотрим доводы, позволяющие с определенными поправками и уточнениями признать наиболее убедительными именно эти теории.

В самом начале Сказания о письменах, древнейшего исторического свидетельства о возникновении письменности у славян, автор его монах Храбр сообщает, что у славян до Кирилла и Мефодия не было книгъ, т. е. письменности. Но в то время, когда славяне были еще язычниками — погани сѹще, они чрьтами и рѣзами считали и гадали. По принятии же христианства в течение многих лет славяне употребляли латинские или греческие буквы, но безъ оустроениꙗ, что само собой разумеется, так как ни греческий, ни латинский алфавиты не были пригодны для передачи многих звуков славянской речи. При помощи этих алфавитов нельзя было, как сообщает Храбр, написать, например, такие славянские слова, как животъ, чаꙗние, широта и под. Потом же человеколюбець богъ послал славянам Константина Философа, который создал — сътвори — для них азбуку.

Таким образом, по Храбру, в истории возникновения письменности у славян следует различать три периода: I — период примитивного письма типа «черт и резов», применявшихся славянами для счета и гадания, т. е. для совершения языческих обрядов, II — период употребления для письма не приспособленных для передачи всех славянских звуков греческого и латинского алфавитов, III — период «устроенного» Константином-Кириллом славянского письма. Этому вполне соответствуют данные из жизнеописаний Кирилла и Мефодия, «Повести временных лет» и некоторых других памятников. Причем в Житии Кирилла совершенно определенно утверждается, что до Кирилла славяне не имели собственной азбуки. На вопрос Кирилла, имеют ли славяне боукви въ ꙗзыкъ свои, отправлявший его в Моравию византийский император Михаил III ответил отрицательно.

Сведения о происхождении письменности у славян, почерпнутые из славянских источников, не расходятся с другими историческими данными. Так, все свидетельства иностранцев о наличии письменности у славян относятся ко времени после деятельности Кирилла и Мефодия. Например, сообщения некоторых арабских ученых и путешественников о письменности у восточных славян относятся к X в. Таковы сообщения 921 г.

Ибн-Фадлана, Эль-Масуди, умершего в 956 г., и Ибн-Эль-Недима, который в рассказе, относящемся к 987 г., привел не только сведения о наличии у восточных славян письменности, но даже и образец ее. Однако по своей графике она не только отлична от глаголицы и кириллицы, но и не похожа на другие виды письма. Точно так же и все известные нам глаголические и кирилловские памятники, даже самые древние, написаны значительно позднее периода деятельности солунских братьев.

Все эти факты делают убедительной традицию, по которой Кирилл и Мефодий признаются создателями славянской письменности.

Не колеблет ее и то сообщение о корсунских книгах, писанных рүсьскъıми писменъı, которое содержится в VIII главе Жития Кирилла. Эти книги, евангелие и псалтырь, найденные Кириллом в Корсуни во время его хазарской миссии в 860 г., вряд ли могут считаться памятниками докирилловского восточнославянского письма лишь на том основании, что письмо их названо «русским».

Перевод богослужебных книг, какими являются евангелие и псалтырь, предполагает существование христианской общины и церкви. Однако о существовании в IX в. славянской епархии в Северном Причерноморье ничего не известно. Более того, достоверно известно, что до 860 г. и даже значительно позже среди восточных славян христианство массового распространения не имело. Поэтому вопрос о наличии у них в это время евангелия и псалтыри на своем языке, безусловно, отпадает.

Отсюда попытки разнообразных толкований «русского» письма, каким были написаны корсунские книги. Большинство ученых склонны в слове «русский» видеть то или иное искажение названий других видов письма. Так, например, высказывались предположения, что под «русским» письмом следует понимать готское (Г. А. Ильинский, П. А. Лавров, Цв. Тодоров), сирийское (А. Вайан, Р. Якобсон), самаритянское (И. Гошев). Наконец, существует предположение, что сообщение VIII главы Жития Кирилла об обретении им в Корсуни «русских» книг является более поздней вставкой (А. С. Львов, Е. И. Мельников). Понятно, что все эти гипотезы могут считаться более или менее правдоподобными решениями этого, неразрешимого при отсутствии корсунских книг, вопроса[1].

[1] См.: *Иванова Т. А.* Еще раз о «русских письменах» // Советское славяноведение. 1969. № 4.

Таким образом, поскольку версия об упорядоченном славянском докирилловском письме отпадает, а на его долю остаются лишь «черты и резы» да греческое и латинское письмо «без устроения», то, вслед за исторической традицией, следует признать Кирилла создателем первого славянского алфавита. Но какого — глаголицы или кириллицы? Безусловно, глаголицы.

1. Выше уже отмечалось, что глаголица, в отличие от кириллицы, не может считаться исторически сложившимся письмом, а представляет собой алфавит, искусственно созданный для церковной письменности. А Кирилл, как известно, составил славянский алфавит именно для нужд церковного письма. Так, первая буква глаголицы азъ представляет собой крест — Ⰰ, т. е. один из символов христианской религии. Точно так же буквы иже и слово — симметричные подобия одна другой Ⰻ и Ⱄ, употреблявшиеся в сокращенном обозначении имени Иисуса Христа (ис҃ — ⰋⰔ҃), по-видимому, служили его символом. Подобное совпадение в начертании букв для звуков *і* и *s* неизвестно ни в одном алфавите[1].

2. О том, что глаголица является изобретением Кирилла, могут свидетельствовать и глаголические *юсы*, составленные из букв для звуков *о* и *е* с прибавлением условного значка, указывавшего на носовое произношение этих гласных. Позднее этот знак мог даже использоваться для обозначения звука *н*, таково его употребление в слове ангелъ, отмеченное в Синайской псалтыри (л. 40[б], 42[а], 42[б] и др.). Совершенно очевидно, что подобная лингвистическая точность в передаче носовых гласных могла появиться лишь в результате индивидуального создания этих букв человеком, филологически образованным. А таким и являлся Кирилл, хорошо владевший, кроме греческого и славянского, рядом восточных языков.

3. Этим же может объясняться связь глаголицы, отмечавшаяся многими учеными, с другими алфавитами. Дело в том, что изобретатель алфавита при его составлении вольно или невольно отталкивается или, наоборот, подражает известным ему графическим системам. Так, при составлении славянского алфавита на Кирилла, конечно, оказала очень большое влияние греческая азбука, которая, по словам Е. Георгиева, «проникла в мозг и кровь создателя глаголицы». Кроме того, он, бесспорно, использовал некоторые знаки древнееврейского (самаритянского) алфавита, который был ему хорошо известен. Тако-

---

[1] См.: IV Международный съезд славистов: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., 1958. С. 315–316.

вы буквы ша, ци, чрьвь — ш, Ѵ, Ѷ. Возможно, что Кирилл при составлении глаголицы мог использовать знаки и других известных ему систем письма, например, коптского (Ф. Ф. Фортунатов).

4. Области распространения глаголицы также могут указывать на Кирилла как на ее создателя. Древнейшие глаголические памятники написаны либо в пределах земель западных славян, где протекала деятельность Кирилла и Мефодия (Киевский миссал и Пражские отрывки), либо в Македонии, куда из Моравии после смерти Мефодия ушли ученики солунских братьев Климент и Наум и где ими была создана Охридская школа церковной книжности.

Кроме того, имеются определенные основания считать, что, возможно, первоначально именем Кирилла называлась созданная им глаголица.

Так, до нас дошла одна новгородская кирилловская рукопись конца XV в., в которой повторена приписка, сделанная писцом в оригинале 1047 г. В этой приписке писец Упырь Лихой сообщает, что переписал он эту книгу ис коуриловицѣ. Подобная запись была бы совершенно излишней и ничем не оправданной, если бы Упырь Лихой переписывал с обычного для Киевской Руси кирилловского оригинала. По-видимому, писец рукописи 1047 г. хотел подчеркнуть, что он переписывал с письма, имевшего иной вид и называвшегося коуриловица — кириллица. И этим письмом была глаголица, так как даже в копии конца XV в. кое-где сохранились глаголические буквы. Вместе с тем следует отметить, что существует и иная точка зрения, высказанная Е. Ф. Карским, который считал, что «у Упыря Лихого под руками в качестве оригинала был югославянский текст с особенностями югославянского извода и, несомненно, кирилловского»[1]. В наше время этой же точки зрения придерживается Е. И Мельников, утверждающий, что мнение о том, что в Древней Руси «кириллицей» считали глаголическое письмо, «противоречит свидетельству древнерусской летописи и данным истории древнерусской письменности. Странно было бы со стороны Упыря Лихого, если бы он сказал новгородскому князю Владимиру Ярославичу и другим русским людям, что “кириллово” письмо не их “словенская грамота”, а другое письмо (непопулярное на Руси)»[2].

---

[1] *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 364.

[2] *Мельников Е. И.* О древнерусских названиях славянского письма («куриловица», «словенская грамота», «литица») // Byzantinoslavica. 1968. Т. 28. Вып. 1. С. 130.

Значительно позже того, как более совершенная и простая азбука, созданная на основе греческого письма, вытеснила из употребления замысловатую глаголицу, оказавшую на ее формирование существенное влияние, эта славянизированная греческая азбука получила название кириллицы.

Создание кириллицы и замена ею глаголицы, по-видимому, происходили в Болгарии в симеоновское время. Именно здесь в силу разносторонних связей Болгарии с Византией могло сложиться длительное употребление греческого письма, но, как писал Храбр, поначалу «без устроения».

По предположению Г. А. Ильинского, через 30 лет после принятия Болгарией христианства грекофил Симеон, признавший на соборе 893 г. языком церкви и государства старославянский язык, вместе с тем поручает ученику солунских братьев Константину Болгарскому реформировать на основе греческой графики глаголическую азбуку Константина-Кирилла[1].

Реформа эта свелась к тому, что греческий унциал, употреблявшийся до этого болгарами в течение многих лет «без устроения», наконец, был «устроен», т. е. дополнен буквами для передачи собственно славянских звуков. В большинстве это глаголические буквы, стилизованные под греческий унциал. Таковы ж, ц, ч, ш, ъ, ь, ѧ, ѫ. Глаголическая буква щ оставлена без изменений; буква ꙑ, составленная из букв ъ и і, представляет собой точную копию глаголической ⰟⰊ; буквы ѥ и ѣ — видоизмененные знаки стоящих рядом в алфавите є и ь.

Причем возможно, что стилизация глаголических букв под греческий унциал произошла значительно позже. Болгарский ученый И. Гошев, собравший и опубликовавший староболгарские глаголические и кирилловские надписи, обнаружил такие кирилловские надписи, в которых для передачи собственно славянских звуков употребляются еще нестилизованные глаголические буквы. Например, в древнейшей надписи на Круглой церкви в Преславе в слове бож(ьѧ) буквы б и ж глаголические.

Таким образом, кириллица представляет собой славянизированное под несомненным влиянием глаголицы греческое письмо.

Понятно, что, прежде чем более простая и удобная для письма кириллица вытеснила замысловатую глаголицу, некоторое время у южных славян в употреблении были обе азбуки.

Нам известны рукописи, в которых употребляются обе азбуки. Причем если это глаголическая рукопись, то кириллов-

[1] См.: *Ильинский Г. А.* *Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»?* // Byzantinoslavica. 1931. Т. 3. Вып. 1. С. 79–87.

ский текст всегда в ней является позднейшей вставкой. Такова кирилловская часть Зографского евангелия и кирилловские приписки к Ассеманиеву евангелию. В то же время глаголические слова и буквы, встречающиеся в кирилловских рукописях, написаны одновременно с кирилловским текстом и, очевидно, попали сюда из более ранних глаголических оригиналов, как это было, например, в рукописи Упыря Лихого 1047 г.

В какой-то мере эти факты говорят о большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей. Убедительным доводом того же являются рукописи, называемые **палимпсестами** (от *греч.* παλιμψήστος — вновь соскобленный). Пергамен был дорог, поэтому часто старое письмо смывали или соскабливали и по старому пергамену писали вновь. Такие рукописи со следами старого письма и называют палимпсестами. Весьма примечательно, что до нас дошли только такие палимпсесты, в которых по соскобленной глаголице вновь написано кириллицей. Таково, например, Боянское евангелие — памятник болгарского извода XIII в., по поводу которого нашедший его В. И. Григорович писал: «Стертые кодексы, т. е. палимпсесты, могут несколько доказывать древность стертого письма»[1]. Чешский ученый П. Шафарик первым попытался прочитать стертую глаголицу: «На снимке одной страницы <...> я разобрал текст ев. Марка, 31–37 и в буквах заметил все признаки древнейших глагольских памятников»[2]. В наше время специальная техника фотосъемки позволила в значительной степени восстановить некогда стертый глаголический текст евангелия-апракоса конца XI в., который издал и изучил болгарский исследователь И. Добрев.

Итак, рассмотренный материал позволяет с большой долей достоверности утверждать, что на заре своей истории славяне пользовались при совершении языческих обрядов и для счета примитивным письмом типа «черт и резов». Затем с развитием исторических связей с другими народами они стали употреблять систему счисления этих народов, а потом и их письмо, но «без устроения». Наконец, во второй половине IX в. для нужд церковной письменности Константин-Кирилл изобретает первую славянскую азбуку — *глаголицу*. С одной стороны, будучи искусственно созданным алфавитом, глаголица не имеет исторической связи с каким-либо одним определенным алфавитом; с другой стороны, ее составитель, несомненно, испытал

---

[1] Цит. по кн.: *Добрев И.* Глаголическият текст на Боянския палимпсест. София, 1972. С. 8.

[2] Там же.

влияние греческой графической системы, а также использовал знаки некоторых других алфавитов. Несколько позже в Болгарии под влиянием и по образцу глаголицы происходит «устроение», т. е. славянизация, греческого алфавита, превращение его во вторую славянскую азбуку — кириллицу, с которой связано развитие письменности у многих славянских народов[1].

Вопрос о народной основе старославянского языка. Старославянский язык и другие славянские языки

При изучении старославянского языка очень важно определить его отношение к другим славянским языкам и на этом основании решить вопрос о его народной основе, т. е. о том, какой живой славянский говор второй половины IX в. был положен в основу древнейшего литературно-письменного языка славян.

Вопрос о народной основе старославянского языка в течение длительного времени был дискуссионным. Однако в настоящее время на основании исторических сведений и языковых данных он признается решенным.

Исторические сведения о возникновении письменности у славян говорят о том, что Кирилл составил азбуку и начал перевод греческих богослужебных книг, еще находясь в Византии. Следовательно, он мог составить азбуку применительно только к тому славянскому говору, который он сам знал. Точно так же переводил он с греческого на тот славянский язык, который ему был известен. А таким языком, как это тоже ясно видно из исторических источников, был язык славян солунского края, т. е. один из македонских говоров древнеболгарского языка. Однако прежде чем положение о солунской основе старославянского языка стало общепринятым, его пришлось обосновать еще языковыми фактами.

Дело в том, что в середине XIX в. рядом ученых упорно отстаивалась так называемая «паннонская теория» происхождения старославянского языка. Создатель ее, словенский ученый В. Копитар, вопреки историческим сведениям, утверждал, что в основе старославянского языка лежит язык жителей древней Паннонии, т. е. словенский язык. Основанием для такого заключения В. Копитару послужили немногочисленные латино-немецкие заимствования, содержащиеся в памятниках старо-

---

[1] *Иванова Т. А.* Славянские азбуки // Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984. С. 64—69.

славянской письменности. Например: оцьтъ — *лат. acetum*, олътарь — *лат. altare*, постъ — *др.-нем. fasta*, цѣсарь — *др.-нем. kaizar* и др.

В. Копитар считал, что подобные слова могли принадлежать только языку славян Паннонии, которая находилась в непосредственной близости с областями латино-немецкой культуры. В дальнейшем усилия сторонников «паннонской теории» (например, ученика В. Копитара — Ф. Миклошича) были направлены на то, чтобы доказать, что старославянский язык по своей народной основе не может являться болгарским языком. Поэтому потребовалось углубленное изучение отношений старославянского языка с другими славянскими языками, прежде чем эта предвзятая теория была отвергнута. Рассмотрим эти отношения.

Все славянские языки на основании определенных черт сходства или отличия подразделяются на три большие группы: восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую.

Для **восточнославянских языков** характерны следующие специфические особенности: 1) так называемое **полногласие**, т. е. сочетания *оро*, *оло*, *ере*, *ело* в положении между согласными в составе одной морфемы, ср. *рус.*: *сторона*, *голова*, *голод*, *голос*, *берег*, *желоб*; 2) наличие звука *ч* вместо древних сочетаний *tj*, *kt'*, ср. *рус.*: *свет* — *свеча*, то же *печь*, *ночь*; и звука *ж* вместо *dj*, ср. *рус.*: *водить* — *вожу*, *садить* — *сажу*, *сажа*; 3) начальное *о* в некоторых словах при начальном *je* в других славянских языках: *один*, *осень*, *озеро*; 4) наличие групп *цв*, *зв* вместо более древних *kv'*, *gv'*: *цвет*, *звезда*; 5) утрата согласных звуков *t* и *d* в древних группах *tl*, *dl*: *мел* при *мету*, *пал* при *паду*, то же *горло*, *мыло*, *ель*.

На восточнославянских языках (русском, украинском и белорусском) говорят русские, украинцы и белорусы.

Для **западнославянских языков** характерны следующие специфические особенности: 1) отсутствие единого рефлекса в соответствии с восточнославянским полногласием, ср. *чеш.*: *strana*, *hlava*, *hlas*, *břeh*, *žlab*, *hlad* и *пол.*: *strona*, *głowa*, *głos*, *brzeg*, *żłób*, *głód*; 2) наличие звуков *c* и $\widehat{dz}$ *(z)* в соответствии с древними *tj*, *kt'* или *dj*, ср. *пол.*: *s'wieca*, *piec*, *noc*, *sadza*; 3) сохранение древних групп *kv'*, *gv'*, ср. *пол.*: *kwiat*, *gwiazda*; 4) сохранение древних групп *tl*, *dl*, ср. *пол.*: *gardło*, *jodła*, *mydło*; 5) утрата звука *l'* при губном согласном в середине слова, ср. *пол.*: *ziemia* (земля), *lubię* (люблю), *konopie* (конопля).

На западнославянских языках (польском, кашубском, чешском, словацком, верхнелужицком и нижнелужицком) говорят

поляки, чехи, словаки, кашубы — небольшой славянский народ, проживающий в Польше на побережье Балтийского моря. Кашубский язык очень близок к польскому, поэтому некоторые ученые (С. Б. Бернштейн и др.) рассматривают его как говор польского языка. На лужицких языках говорит небольшой славянский народ — лужицкие сербы, проживающий на территории Германии по верхнему и среднему течению реки Шпрее в районах древних исторических областей — Верхней Лужицы (район г. Будишина) и Нижней Лужицы (район г. Котбуса). Верхнелужицкий язык близок к чешскому, а нижнелужицкий — к польскому языку[1].

К южнославянским языкам относятся сербохорватский (сербский), на котором говорят сербы, хорваты, черногорцы, босняки и герцеговинцы, словенский, болгарский и македонский языки.

Для южнославянских языков характерны следующие специфические особенности: 1) так называемое **неполногласие**, т. е. сочетания типа *ра*, *ла* между согласными в составе одной морфемы, ср. *болг.*: *страна*, *глава*, *глад*, *глас*, *бряг*, *плен*; 2) начальные сочетания *ра*, *ла* в соответствии с *ро*, *ло* других сла-

---

[1] В дальнейшем изложении нам придется использовать примеры из разных славянских языков, а так как графика их различна, то отметим специфические особенности алфавитов некоторых славянских языков.

Польский алфавит

cz — ч	**rz** — ж (ш)	**ę** — е (носовое)
sz — ш	**ł** — л (твердое)	**ó** — у
ż — ж	**ą** — о (носовое)	**y** — ы

Мягкость согласных передается по-разному: либо знаком ', либо посредством буквы **i**, которая в этом случае не произносится (*pięć* — *рус. пять*).

Чешский алфавит

č — ч	**ř** — р͡ж (р͡ш)	**y** — и
š — ш	**ň** — н'	**ů** — у (долгое)
ž — ж	**ě** — е (и͡е)	

Долгота гласных, кроме *у*, обозначается знаком ': **á** (долгое).

Болгарский алфавит

ъ — обозначает гласный звук среднего ряда, среднего подъема (по произношению средний гласный между русскими *а* и *ы*)
щ — шт

Сербский алфавит

ћ — т'͡ш' = ч' (более мягкий звук, чем русское *ч*)	**ђ** — д'͡ж'	**њ** — н'
	џ — дж	**ј** — j
	љ — л'	

вянских языков, ср. *серб.*: *ра̏ван* (ровный), *ра̏вно* (ровно), *ра̏спуст* (роспуск), *ра̂ст* (рост), *ла̂кат* (локоть); 3) отсутствие единого рефлекса в соответствии с древними *tj*, *kt'* или *dj*, ср. *болг.* *шт* и *жд*: *свещ*, *пещ*, *нощ*, *сажда*; *серб.* *т'ш' (ћ)* и *д'ж' (ђ)*: *свéћа*, *пêћ*, *нôћ*, *сȁђење* (посадка); 4) наличие групп *цв*, *зв* вместо более древних *kv'*, *gv'*, ср. *болг.*: *цвят*, *цвете*, *звезда*; 5) утрата согласных звуков *t*, *d* в древних группах *tl*, *dl*, ср. *болг.*: *гърло*, *ела*, *пал*, *мел*.

Сравнение фактов старославянского языка с фонетическими особенностями разных славянских языков показывает, что он по своей фонетике, несомненно, относится к группе южнославянских языков. Так, в старославянском языке мы находим неполногласие: страна, глава, гладъ, гласъ, брѣгъ; начальные сочетания *ра*, *ла*: равьнъ, растъ, лакъть, ладии (лодка); группы *цв*, *зв*: цвѣтъ, звѣзда; утрату *t*, *d*: гръло, палъ, велъ и т. п.

Кроме того, наличие в старославянском языке звуков *шт* и *жд*: свѣшта, ношть, дъшти (дочь), виждь, даждь (дай) и т. п. ясно указывает на связь его с болгарским языком, так как только в этом языке имеются отмеченные звуки.

Но между старославянским языком и болгарским были и определенные черты различия, что позволяло сторонникам «паннонской теории» отрицать связь старославянского языка с болгарским. К числу их относится, например, отсутствие в болгарском языке носовых гласных при старославянских ѫ (ǫ) и ѧ (ę).

Несостоятельность «паннонской теории» была окончательно доказана в конце XIX в. словенским ученым В. Облаком, предпринявшим диалектологическую экспедицию в район города Солуня. Итоги этой экспедиции, опубликованные в 1896 г. в его работе «Macedonische studien», показали несомненную связь старославянского языка с македонскими говорами.

Так, В. Облак установил, что, во-первых, в некоторых македонских говорах сохраняются следы древних носовых гласных; во-вторых, в македонских говорах, как и в старославянском языке, *ъ* изменился в *о*, а *ь* — в *е*: *сон*, *ден*; в-третьих, в македонских говорах имеется слитный согласный *д͡з'*, который был и в старославянском языке. Кроме того, разыскания В. Облака показали, что в македонских говорах, как и в болгарском и в старославянском языках, возможно произношение древнего ѣ как гласного *'а* (после мягкого согласного), а в некоторых из них (например, говор Сухо) имеются сложные согласные *шт* и *жд* при обычных македонских *к'* и *г'*. Таким образом,

основываясь на исторических данных и на языковых особенностях старославянского языка, можно утверждать, что народной основой этого языка являлся один из македонских говоров древнеболгарского языка, а именно — солунский говор.

Однако было бы неверно утверждать, что старославянский язык — это зафиксированный в письменности солунский говор. Между солунским говором и старославянским языком имелось существенное различие, подобное тому, которое существует между современными говорами русского языка и русским литературным языком.

Старославянский язык с самого начала своего существования был языком литературно обработанным. Будучи языком славянского перевода с высокоразвитого греческого языка, он впитал в себя, по словам М. В. Ломоносова, «греческое изобилие». Особенно это влияние греческого языка сказалось на словарном составе старославянского языка и его синтаксисе. Переводы с греческого языка вызвали многочисленные славянские неологизмы, образование которых часто зависело от греческого образца. Таково происхождение многих сложных слов-кáлек, например: **благодѣтель** — *греч.* εὐεργέτης, **благоволѥнѥ** — *греч.* εὐδοκία, **благословити** — *греч.* εὐλογεῖν и др. Многие греческие слова были оставлены без перевода, например: **анагностъ** (чтец), **власвимисати** (богохульствовать), **зизанѥ** (плевел, сорная трава), **спира** (отряд войска), **талантъ** (денежная единица) и т. п. Таких грецизмов при общем лексическом фонде старославянского языка в 9 тыс. слов более тысячи.

Усложнение лексического состава старославянского языка было связано еще и с тем, что позднейшие переписчики и переводчики вносили в старославянские тексты местные слова и выражения. Так, по-видимому, уже в Моравии происходит замена таких слова, как **кладѧзь** (колодец), **посохъ**, **сапогъ**, не употреблявшихся местным населением, на **стоуденьць**, **дрьколь**, **чрѣвии**. Возможно, что такого же происхождения некоторые «паннонизмы», в настоящее время известные только в словенском языке, например: **балии** (врач), **локва** (дождь), **отокъ** (остров), **рѣснота** (истина) и др.

Еще больше изменений в лексике старославянского языка происходит в симеоновское время, в «золотой век» древнеболгарской литературы. В Преславе при дворе Симеона переписчики и редакторы древних рукописей вносят в них многочисленные восточноболгаризмы. К их числу можно отнести, например, следующие слова: **багърѣница** (царская одежда багряного

цвета), лѣвъıи, пастоухъ, погрѫжати сѧ, съборъ вместо прѣпрѫдъ, шюи, пастырь, вълагати сѧ, сънѥмъ[1].

Таким образом, старославянский язык уже в ранние периоды своего существования был филологически обработанным «по образцу и подобию» греческого языка, но «без слепого подражания и не в ущерб общей структуре»[2], межславянским литературным языком, созданным на базе солунского говора древнеболгарского языка и позднее включившим элементы других славянских языков и говоров.

Понятие о праславянском языке

В предыдущем разделе были указаны определенные различия между восточнославянскими, западнославянскими и южнославянскими языками. Причем эти различия оказываются не случайными, а представляют собой систему строго закономерных соответствий и поэтому могут свидетельствовать о близости между собой всех славянских языков. Ср.:

рус.	*пол.*	*болг.*
голова	głowa	глава
голос	głos	глас
свеча	świeca	свещ
ночь	noc	нощ

Языковое сходство разных славянских языков проявляется не только в закономерно существующих между ними фонетических соответствиях, но также и в грамматическом строе, словообразовании и лексическом составе славянских языков.

Лексическое сходство славянских языков особенно заметно в наиболее архаичных пластах словаря. Так, оно наблюдается в родовой и семейной терминологии, в названиях частей человеческого тела, в названиях объектов окружавшего человека животного и растительного мира, явлений природы, древнейших ремесел и т. п. Приведем некоторые примеры лексического сходства славянских языков.

рус.	*болг.*	*серб.*	*пол.*	*чеш.*
мать	майка	ма̏ти, ма̑йка	mać, matka	matka
отец	отец	о̏тац	ojciec	otec

---

[1] См.: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 280–307.

[2] *Толстой Н. И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности // Краткие сообщения Института славяноведения. 1963. Т. 39. С. 30.

сын	син	сûн	syn	syn
брат	брат	бра̏т	brat	bratr
сестра	сестра	сѐстра	siostra	sestra
нос	нос	нôс	nos	nos
ухо	ухо	у̏хо	ucho	ucho
нога	нога (*обл.*)	нòга	noga	noha
рука	ръка	ру́ка	ręka	ruka
волк	вълк	ву̑к	wilk	vlk
корова	крава	кра̏ва	krowa	krava
гусь	гъска	гу́сак	gęś	husa
рыба	риба	рѝба	ryba	ryba
береза	бреза̀	брѐза	brzoza	bříza
липа	липа	лѝпа	lipa	lipa
овес	овес	ȍвас	owiec	oves
рожь	ръж	рâж	(żyto)	(žito)
день	ден	дâн	dzień	den
зима	зима	зи́ма	zima	zima
лето	лято	љѐто	lato	léto
вода	вода	вôда	woda	voda
снег	сняг	снêг	s'nieg	snih
борона	брана	бра́на	brona	brany
серп	сърп	ср̂п	sierp	srp
нож	нож	нôж	nóż	nůž
пила	пила	пи́ла	piła	pila

Грамматическое сходство славянских языков проявляется в однотипности системы склонения и спряжения, в единстве способов словообразования, в общности структуры простого и сложного предложений. Понятно, что во второй половине IX в. славянские языки были еще более близкими, поэтому старославянский язык, созданный на основе одного македонского говора, был понятен и другим славянам и смог стать их общим литературным языком.

Возникает вопрос: как же объяснить это несомненное сходство и близость славянских языков между собой? Сравнительно-историческое языкознание, одно из ведущих направлений в современной лингвистике, сходство в структуре и лексике языков объясняет их происхождением из одного источника, т. е. устанавливает генетическую общность и родство языков. «Подобное единство, — писал виднейший ученый-компаративист А. Мейе, — допускает лишь одно объяснение: в определенную эпоху существовал язык, на котором говорил народ, сознающий свое единство»[1].

---

[1] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 5–6.

Таким образом, все славянские языки возникли в результате исторического развития из одного языка-предка, получившего в науке название праславянского. Кроме этого термина, в том же значении используются и другие: общеславянский язык, общеславянский язык-основа, но наиболее точным для определения языка-предка является термин **«праславянский»**[1].

О том, что славяне некогда составляли единое племя, говорившее на едином языке, сохранились исторические свидетельства ряда древних авторов довольно позднего времени. Так, например, готский епископ Иордан в своем сочинении «О готах» (551 г.) сообщает о славянах следующее: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами [славянами. — *Т. И.*] и антами». И далее: «...происходя из одного племени, имеют теперь три имени: венеды, анты и склавины»[2].

Другой автор, Прокопий Кесарийский, в сочинении «О войне с готами» (551–554 гг.) выводит славян под именами антов и склавинов и подчеркивает, что у этих «варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы <...> У тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга <...> некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»[3].

Более подробно описаны древние славяне в «Стратегике» конца VI в., приписывавшейся византийскому императору Маврикию: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище <...> селятся они в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер»[4].

На основании этих данных можно утверждать, что хотя к VI в. н. э. праславянское племя уже распалось на три ветви — на предков западных, восточных и южных славян, однако славяне и в это время сохранили общие верования и обычаи, общий быт и даже, вероятно, общий язык.

---

[1] См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 42–43.

[2] Цит. по: *Мишулин А. В.* Материалы к истории древних славян // Вестн. древней истории. 1941. № 1. С. 232–233.

[3] Там же. С. 237.

[4] Там же. С. 253.

О своем былом единстве хорошо помнили и сами славяне. Так, составитель древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» сообщает: **Бѣ единъ ꙗзыкъ словѣнескъ: словѣни, иже сѣдꙗху по Дунаеви <...> и морава, и чеси, и лꙗхове, и полꙗне, ꙗже ныне зовомаꙗ Русь <...> А словеньскыи ꙗзыкъ и рускыи одно есть, от варꙗгъ бо прозвашасꙗ Русью, а первое бѣша словене; аще и полꙗне звахусꙗ, но словеньскаꙗ рѣчь бѣ. Полꙗми же прозвани бышꙗ, зане в поли сѣдꙗху, а ꙗзык словенски единъ.**

Праславянский язык был языком славянского племени с момента его отделения от других индоевропейских племен и продолжал оставаться общим языком славян в течение очень длительного времени, вероятно, и в период обособления отдельных славянских народностей. По-видимому, время существования праславянского языка должно исчисляться не менее чем в две с половиной тысячи лет, а возможно, и более того.

Понятно, что праславянский язык, существовавший столь длительное время, претерпел значительную эволюцию, быть может, даже более значительную, чем отдельные славянские языки за период своего обособленного существования. Большинство ученых подразделяют историю праславянского языка на два периода. В первый период праславянский язык был еще близок к другим индоевропейским языкам. Во второй период в праславянском языке наступают существенные преобразования, связанные с так называемым «законом открытого слога», углубившим расхождения праславянского с индоевропейскими языками. В тот же период увеличивается диалектное дробление праславянского языка, реализовавшееся с течением времени в отдельные славянские языки. Однако и в отдельных славянских языках еще долгое время продолжают действовать общие тенденции развития, приводившие теперь хотя и не к единым, но к параллельным изменениям[1].

Поскольку праславянский язык памятниками письменности не засвидетельствован, то отдельные изменения в нем могут быть восстановлены лишь на основании сравнительно-исторического метода. Этот метод предполагает, с одной стороны, сопоставление разных славянских языков между собой, с другой стороны — сравнение славянских данных с данными других языков индоевропейской языковой семьи. Естественно, что особенно важны при этом данные древних индоевропейских

---

[1] См.: *Филин Ф. П.* 1) Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 99—110; 2) Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 26—30.

языков: греческого, латинского, древнеиндийского (санскрита), а также балтийских (литовского, латышского, древнепрусского) и германских (готского, древневерхненемецкого) как языков, наиболее близких к славянским.

Реконструкция исходных праславянских форм на основе сравнительно-исторического метода неизбежно носит гипотетический характер. Поэтому эти восстановленные, а не засвидетельствованные формы принято передавать буквами латинского алфавита с условной звездочкой, указывающей на то, что форма реконструирована: **nosja* (ноша), **pekti* (печь), **storna* (сторона).

При изучении старославянского языка приходится постоянно обращаться к праславянским реконструкциям, так как большинство особенностей его фонетической системы и грамматического строя сложилось еще в праславянский период и может получить объяснение лишь в связи с определенными праславянскими закономерностями. Считается, что в старославянском языке хорошо сохранились многие черты праславянского языка периода его распада.

Краткие сведения по истории изучения старославянского языка

Основоположниками научного славянского языкознания по праву считаются чешский ученый **И. Добровский** (1753–1829) и русский ученый **А. Х. Востоков** (1781–1864).

Перу патриарха славянской филологии, как обычно называют И. Добровского, принадлежит ряд исследований, посвященных самым различным вопросам. В области изучения старославянского языка и происхождения славянской письменности наибольшее значение имели следующие его работы: «Glagolitica» («Глаголица»), 1807 г., «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» («Наставления по языку древних славянских диалектов»), 1822 г. и «Cyrill und Method der Slawen Apostel» («Кирилл и Мефодий: Славянские апостолы»), 1823 г.

В работе, посвященной глаголице, И. Добровский, основываясь лишь на хорватском ее типе, приходит к убеждению, что этот алфавит является позднейшей переделкой кириллицы далматинскими священниками, желавшими спасти славянскую письменность от преследований католического духовенства. В начертаниях некоторых букв глаголицы И. Добровский видел влияние восточных алфавитов.

В 1822 г. в Вене вышел самый значительный труд И. Добровского «Наставления по языку древних славянских диалек-

тов», содержащий систематическое изложение грамматики старославянского языка, построенной в основном на материале поздних памятников южнославянского и западнославянского происхождения. Большинство древнейших памятников старославянской письменности в то время еще не было известно.

«Наставления...» И. Добровского включали обширное предисловие, в котором рассматривался ряд общих вопросов, введение, посвященное особенностям старославянской фонетики и орфографии, и три специальных части. Часть I, самая обширная, содержала описание словообразования; часть II — описание морфологии и часть III — описание синтаксиса. В 1833–1834 гг. этот труд И. Добровского под названием «Грамматика языка славянского по древнему наречию» в переводе М. Погодина и С. Шевырева вышел в России.

«Наставления...» И. Добровского имели большое значение для изучения старославянского языка и оказали влияние на последующую разработку славянского языкознания.

В 1820 г., т. е. за два года до выхода в свет грамматики И. Добровского, А. Х. Востоков опубликовал «Рассуждение о славянском языке», в котором рассмотрел отношения славянских языков между собой и пришел к выводу, что «во время Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуметь друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка». Б «Рассуждении...» А. Х. Востоков установил основные особенности старославянского языка, а именно: 1) употребление *еров*, которые он определил как «полугласные»; 2) невозможность сочетания в славянских словах *г*, *к*, *χ* с гласными *є*, *ѣ*, *и*, *ю*, *ꙗ* и *ь*, а *ж*, *ш*, *ч*, *ц*, *щ* — с гласными *о*, *ы* и ъ; 3) двоякие формы прилагательных — простые и сложные; 4) отсутствие деепричастия и 5) употребление наряду с неопределенной формой на -ти, -щи (пасти, облѣшти) особой формы на -тъ, -щь (пастъ, облѣшть), которую А. Х. Востоков назвал достигательным наклонением.

Кроме того, А. Х. Востоков в «Рассуждении...» на основании сопоставления старославянского языка с польским определил фонетическую природу *юсов* (ѫ, ѧ) как носовых гласных.

И. Добровский познакомился с «Рассуждением...» А. Х. Востокова уже после того, как закончил работу над своей грамматикой, и очень сожалел о том, что не смог включить в нее чрезвычайно важные открытия А. Х. Востокова.

Начиная с 30-х гг. XIX в. происходит интенсивная работа по собиранию и изданию памятников старославянской письмен-

ности. В 1830 г. **В. Копитар** (1780–1844) открыл, а в 1836 г. опубликовал Сборник Клоца. В предисловии к этому изданию В. Копитар изложил «паннонскую теорию» происхождения старославянского языка. Открытие этого древнего глаголического памятника положило начало дискуссии о глаголице и кириллице, заставило пересмотреть положение, по которому глаголица признавалась поздним славянским письмом, а кириллица — древнейшим, изобретение которого приписывается Кириллу.

Особенно значительный след в решении этих вопросов оставила деятельность чешского ученого, историка и филолога **П. Шафарика** (1795—1861). Итогом его разысканий в этой области явилась статья 1858 г. «Über den Ursprung und die Heimat des Glagolismus» («О происхождении и родине глаголицы»), вышедшая в русском переводе в 1860 г. В этой работе П. Шафарик связывал изобретение глаголицы с именем Кирилла и считал, что последний, будучи выдающимся знатоком ряда восточных языков, использовал в глаголице знаки финикийского, еврейско-самаритянского и других алфавитов.

В 1843 г. А. Х. Востоков издает Остромирово евангелие, к которому присоединяет «Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия». Позднее он значительно дополняет эти правила и в 1863 г. издает «Грамматику церковнославянского языка, изложенную по древнейшим оного письменным памятникам». В 1858–1861 гг. выходит его двухтомный «Словарь церковнославянского языка», не утративший своего значения до настоящего времени.

Особые заслуги в деле открытия славянских рукописей принадлежат **В. И. Григоровичу** (1815–1876), который предпринял в 1844 г. «путешествие по славянским землям». Григорович объездил также все монастыри Афонского полуострова и обнаружил в них множество славянских рукописей, в числе которых были и древнейшие, такие, как Мариинское евангелие и Хиландарские листки, привезенные им с Афона. Побывал он и в других монастырях, где ему также посчастливилось найти несколько древнейших рукописей (Охридские листки, один из Рыльских листков и др.).

В. И. Григоровичу принадлежит воспринятая в дальнейшем рядом ученых идея о том, что евангелие и псалтырь, найденные Константином Философом в Корсуни, были написаны глаголицей.

Академик **И. И. Срезневский** (1812–1880) не только открыл ряд древнейших памятников старославянского языка, но и издал их (Киевский миссал, Саввину книгу). Ему принадле-

жат четыре огромных тома публикаций и исследований по древнеславянской письменности: «Древние памятники языка и письма юго-западных славян» (1864), «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1867–1881), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866), «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868).

И. И. Срезневский составил четырехтомный словарь, который, хотя и называется «Материалы для словаря древнерусского языка», имеет большое значение для изучения лексики старославянского языка.

По инициативе и при непосредственном участии И. И. Срезневского как автора и редактора стали выходить с 1852 г. «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», а с 1867 г. — «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности» (с 8-го тома — «Сборник ОРЯС»), на страницах которого был опубликован ряд значительных исследований по старославянскому языку и славянской филологии.

В 50-х гг. XIX в. стала выходить первая сравнительная грамматика славянских языков венского профессора **Ф. Миклошича** «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (1-е издание — 1852–1874 гг., 2-е издание, значительно переработанное, — 1875–1883 гг.), в которой были представлены очерки отдельных славянских языков, в том числе с привлечением данных праславянского и старославянского языков.

Ф. Миклошичу принадлежат два словаря: 1) старославянского языка — «Lexikon palaeoslovenico-graeco-latinum», 1862–1865 гг. и 2) «Wörterbuch der slavischen Sprachen», 1886 г. — первый итог этимологических исследований, проводившихся в разных странах.

Большое влияние на последующее изучение старославянского языка оказал труд одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания **А. Шлейхера**, посвященный морфологии старославянского языка, «Formenlehre der kirchenslawischen Sprache», 1852 г. А. Шлейхер впервые ввел в сравнительное изучение славянских языков данные литовского языка, позволившие в дальнейшем решить многие вопросы праславянской фонетики и морфологии.

Начиная с 70-х гг. XIX в. в европейском сравнительно-историческом языкознании формируется новое научное направление, развившее учение о фонетических законах и граммати-

ческой аналогии как об основных причинах эволюции языка. Один из представителей этого нового направления «младограмматиков», немецкий ученый **Ав. Лескин**, в 1871 г. издает «Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку» (2-е, значительно переработанное, издание вышло в русском переводе в 1890 г. с дополнениями А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина), а в 1909 г. — «Грамматику древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка» (русский перевод вышел в 1915 г.). В этих трудах Ав. Лескина были определены условия ряда праславянских фонетических изменений (фонетических законов), а также впервые разрабатывались вопросы относительной хронологии праславянских фонетических явлений.

В России новые принципы лингвистического исследования получили всестороннее отражение в трудах академика **Ф. Ф. Фортунатова** и учеников созданной им «московской» лингвистической школы (**В. Н. Щепкина, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, Н. Н. Дурново** и др.).

Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914), занимавшийся проблемами общего языкознания, сравнительной грамматики, фонетики индоевропейских языков, уделял много внимания изучению старославянского языка. В 1880–1890-х гг. Ф. Ф. Фортунатов читал в Московском университете лекции по фонетике старославянского языка, которые он подготавливал к печати. Однако при жизни автора эта работа не была завершена, и «Лекции...» Ф. Ф. Фортунатова увидели свет лишь в 1919 г. Поразительно, что даже в незавершенном виде они по объему значительно превосходят соответствующие разделы в работах других исследователей того времени. В «Лекциях...» впервые были приведены аргументы в пользу употребляемого теперь нами термина «старославянский язык». Особенно интенсивно вопросами старославянской письменности Ф. Ф. Фортунатов занимался в последние годы своей жизни. В 1908 г. увидели свет его статьи «Состав Остромирова евангелия» и «Старославянское тъ в 3-м лице глаголов», в 1910 г. появляется его рецензия на «Грамматику...» Ав. Лескина, и, наконец, в 1913 г. была опубликована его последняя работа — «О происхождении глаголицы».

Важнейшими работами ученых «московской» школы в области славистики являются следующие: «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898–1899 гг.) и «Болонская псалтырь» (1906 г.) В. Н. Щепкина; «Формы склонения в старославянском языке» (1905 г.) Б. М. Ляпунова; «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.) А. А. Шахматова;

«Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» (1929 г.) Н. Н. Дурново.

Огромный вклад в развитие славянской филологии был сделан академиком **И. В. Ягичем** (1838–1923), хорватом по национальности. Научная деятельность И. В. Ягича началась в 1860-е гг. Будучи профессором Берлинского университета (1875–1880 гг.), он начинает издавать «Archiv für slavische Philologie» — лучший славистический журнал конца XIX в. С 1880 г. И. В. Ягич становится профессором Петербургского университета и действительным членом Петербургской Академии наук. С этого времени он публикует огромное количество статей и монографий по разным вопросам славянской филологии, в том числе по старославянскому языку и старославянской письменности. Наиболее значительными работами И. В. Ягича в этой области являются: «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895 г.), «Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache» («История возникновения церковнославянского языка», 2-е изд. 1913 г.), «Глаголическое письмо» (1911 г.).

В «Истории возникновения церковнославянского языка» И. В. Ягич анализирует лексические варианты старославянского языка, определяет «первичные» слова, имевшиеся в языке первых переписчиков, и «вторичные» слова, внесенные в тексты позднейшими переписчиками, и окончательно доказывает несостоятельность «паннонской теории». В монографии, посвященной глаголическому письму, И. В. Ягич дает историю изучения глаголицы, определяет вслед за И. Тейлором ее связь с греческим минускулом, устанавливает бо́льшую древность глаголического письма по сравнению с кириллицей и дает его палеографическое описание.

С 1908 г. по инициативе И. В. Ягича начинает выходит «Энциклопедия славянской филологии», включившая целый ряд выдающихся трудов ученых-славистов и самого И. В. Ягича. В этом издании была опубликована его «История славянской филологии» (1910 г.) и «Глаголическое письмо». В 1946 г. академик Н. С. Державин справедливо писал о том, что дореволюционная славистика достигла в деятельности И. В. Ягича своего апогея[1].

Очень плодотворной для изучения старославянской письменности была деятельность двух младших современников

[1] См.: *Державин Н. С.* Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 107. Т. 3. Кн. 2.

Ф. Ф. Фортунатова и И. В. Ягича — академиков **П. А. Лаврова** (1856–1929) и **А. И. Соболевского** (1856–1929).

Наиболее значительными работами П. А. Лаврова являются его монографии «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (1915 г.) и «Материалы по истории возникновения древней славянской письменности», вышедшие под редакцией Б. М. Ляпунова уже после смерти П. А. Лаврова, в 1930 г.

Среди весьма многочисленного научного наследства А. И. Соболевского особое место занимают его «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (1910 г.) — сборник статей, многие из которых посвящены вопросам изучения лексики памятников старославянской письменности.

К этому же времени относится деятельность выдающегося чешского ученого **В. Вондрака** (1859–1925), создавшего вторую сравнительную грамматику славянских языков (1-е издание — 1906–1908 гг., 2-е, переработанное издание — 1924–1928 гг.). В отличие от «Сравнительной грамматики» Ф. Миклошича, в грамматике В. Вондрака прослеживается история славянских звуков и форм от праславянской эпохи до настоящего времени. По этому принципу стали строиться и все последующие работы этого типа. В. Вондраку принадлежит и «Древнецерковнославянская грамматика» (1-е издание — 1900 г., 2-е, расширенное и переработанное, издание — 1912 г.), впервые после грамматики И. Добровского включавшая раздел синтаксиса, которая вышла в русском переводе в 1915 г.

Занимался В. Вондрак и проблемой происхождения глаголицы. В статье, посвященной этому вопросу, он обосновал связь глаголицы с древнееврейским и самаритянским алфавитами, которую в настоящее время не отрицает большинство ученых.

Весьма значительной в деле изучения старославянского языка и письменности была деятельность русских ученых **Е. Ф. Карского** (1861–1931), **С. М. Кульбакина** (1873–1941) и **Г. А. Ильинского** (1876–1937), которым принадлежат издания ряда старославянских памятников и многочисленные статьи, посвященные самым разнообразным вопросам.

Е. Ф. Карский с 1905 по 1917 гг. был редактором «Русского филологического вестника» (1879–1917 гг.), одного из ведущих дореволюционных филологических журналов России. Ему же принадлежит «Славянская кирилловская палеография» (1928 г.) — монографическое описание особенностей кирилловского письма.

С. М. Кульбакин известен как автор очень обстоятельной грамматики старославянского языка, выдержавшей ряд изда-

ний. Последнее издание на русском языке его «Древнецерковнославянского языка» вышло в Харькове в 1917 г.

Г. А. Ильинский в книге «Праславянская грамматика» (1916 г.) впервые обосновал право на самостоятельное существование особой науки о праславянском языке, отличной от науки о старославянском языке и сравнительной грамматики. Это разграничение, впоследствии принятое всеми учеными, безусловно, дало положительные результаты. Несомненной заслугой Г. А. Ильинского было составление им «Опыта систематической кирилло-мефодиевской библиографии» (София, 1934).

Большое значение в изучении праславянского языка имел труд главы французской школы компаративистов **А. Мейе** (1866–1936) «Общеславянский язык», который явился итогом его исследований в области славянского языкознания (1-е издание вышло в Париже в 1924 г., затем в 1934 г. вышло 2-е издание, переработанное в сотрудничестве с А. Вайаном; русский перевод 2-го издания вышел в 1951 г.). А. Мейе был организатором Института славяноведения в Париже и редактором его печатного органа «Revue des études slaves», который начал выходить с 1921 г.

С этого же года в Белграде возобновилось под редакцией А. Белича издание журнала «Јужнословенски филолог», первый том которого вышел в 1913 г. С 1922 г. в Праге стал выходить под редакцией чешских ученых Ол. Гуйера и М. Мурко журнал «Slavia». С 1929 г. в Праге же под редакцией М. Вейнгарта, автора одного из лучших руководств по старославянскому языку «Rukovět' jazyka staroslověnského» (1937–1938 гг.), начинает выходить «Byzantinoslavica». На страницах этих изданий увидели свет многочисленные исследования по старославянскому языку.

Почти одновременно с «Общеславянским языком» А. Мейе выходит книга выдающегося голландского слависта **Н. Ван-Вейка** «История древнецерковнославянского языка» (1931 г.; в русском переводе — «История старославянского языка», 1957 г.). Существенным достоинством труда Н. Ван-Вейка является то, что в нем определены основные тенденции развития праславянского языка, обусловившие специфику старославянского языка и других славянских языков.

В 1954 г. в Вене выходит «Altkirchenslavische Grammatik» **Н. С. Трубецкого** (1890–1938). В своей грамматике Н. С. Трубецкой отказался от исторического объяснения звуков и форм старославянского языка и стремился определить систему фонем старославянского языка и установить их соотношения

(корреляции), определяющие функционирование данной системы.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. почти завершает свою работу по созданию курса старославянского языка крупнейший советский славист, известный далеко за пределами СССР, **А. М. Селищев** (1886–1942). Изданный после смерти автора «Старославянский язык» (часть I — 1951 г., часть II — 1952 г.) носит «характер оригинальных разысканий, построенных на богатом, извлеченном из памятников материале, изобилующих рядом ценных идей в области славянской фонетики и морфологии. Интересны наблюдения А. М. Селищева над диалектной основой ряда памятников с привлечением диалектных данных, преимущественно македонских и болгарских; в очерках богато представлен и самостоятельно интерпретирован материал праславянского и других индоевропейских языков»[1].

В 1948 г. ученик А. Мейе, известный французский славист **А. Вайан**, опубликовал в Париже «Руководство по старославянскому языку» (русский перевод вышел в 1952 г.), в котором содержатся описательная фонетика и грамматика старославянского языка. Не прибегая к сравнительно-историческим объяснениям, А. Вайан создал описание старославянского языка только на основе старославянских памятников, и этим его труд существенно отличается от большинства монографий по старославянскому языку.

Кроме того, перу А. Вайана принадлежат многочисленные статьи, и в их числе статья о происхождении славянских алфавитов, где он высказывает мнение об искусственном характере глаголицы, разделяемое в настоящее время многими учеными. Наконец, А. Вайан — автор одной из последних сравнительных грамматик славянских языков (I том вышел в Париже в 1950 г., II — в 1958 г.).

Наука о старославянском языке особенно интенсивно начала развиваться в 1950-е гг. В это время в разных странах начинают выходить новые славистические издания, на страницах которых публикуются многочисленные работы, посвященные старославянской проблематике. Отметим следующие журналы: «Oxford Slavonic Papers» (с 1950 г.), «Български език» (София, с 1951 г.), «Вопросы славянского языкознания» (Москва, 1954–1963 гг.), «Scando-Slavica» (Copenhagen, с 1954 г.), «Studia Slavica» (Budapest, с 1955 г.), «Slovo» (Zagreb, с 1952 г.), «Zeitschrift für slawistik» (Berlin, с 1956 г.), «Советское славянове-

[1] Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 65.

дение» («Славяноведение», Москва, с 1965 г.) и др. Если в прежние годы основное внимание уделялось фонетике и морфологии старославянского языка, то теперь в центре внимания оказываются старославянская лексика и синтаксис.

В 1955 г. в Гейдельберге выходит краткий словарь старославянского языка (в латинской транскрипции) австрийских славистов Л. Садник и Р. Айтцетмюллера — «Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten». С 1958 г. выходит «Slovník jazyka staroslověnského», издаваемый Академией наук Чехословакии. Это будет наиболее полный по охвату памятников письменности словарь старославянского языка. Издание его еще не закончено, к 1995 г. вышло 49 выпусков этого словаря.

Завершена работа по составлению словаря основных старославянских памятников X–XI вв., предпринятая совместно Институтом славяноведения АН России и Славистическим институтом ГАН Чехии. «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой вышел в Москве в 1994 г.

В 1963 г. в Праге были опубликованы на русском языке «Исследования по синтаксису старославянского языка», в которых описаны различные проблемы старославянского синтаксиса. В том же 1963 г. вышла монография К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка», в которой рассматриваются вопросы синтаксиса беспредложных падежей.

Существенное влияние на развитие славистической науки оказывают возобновленные с 1958 г. Международные съезды славистов, созываемые каждое пятилетие. На этих съездах постоянно уделяется большое внимание палеославистике, изучению в разных аспектах как письменности на старославянском языке, так и праславянских языковых особенностей. Так, например, на VII съезде (Варшава, 1973 г.) с докладами, посвященными старославянскому и праславянскому языкам, выступили Е. М. Верещагин («Из истории возникновения первого литературного языка славян»), В. В. Колесов («Праславянская фонема [ǫ́] в ранних преобразованиях славянских вокалических систем»), А. С. Львов («Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы)»), Н. И. Толстой («К реконструкции праславянской фразеологии»), К. И. Ходова («Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке»), Р. М. Цейтлин («Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка (их семантика и стилистические функции»)) и др.

1963 г. был для славистов знаменательным, так как в этом году отмечалось 1100-летие создания Кириллом и Мефодием славянской письменности. В ряде стран прошли торжественные научные сессии, посвященные юбилею, были выпущены юбилейные издания. Так, в Болгарии был издан сборник «Тысяча сто лет славянской письменности», в Чехословакии — сборник «Великая Моравия», в России — книга В. А. Истрина «1100 лет славянской азбуки», напечатан ряд статей в разных журналах.

Точно так же широко отмечались и скорбные даты смерти Константина-Кирилла († 869 г.) и Мефодия († 885 г.). Так, в Болгарии в 1969 г. состоялась международная конференция, материалы которой опубликованы в двух томах: «Константин-Кирилл Философ» (Т. I. София, 1969; Т. II. София, 1971). Там же в 1985 г. проходила международная конференция, посвященная памяти Мефодия. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Хиляда и сто години от смъртта на Методий» (Кирило-Методиевски студии. Кн. 4. София, 1987).

В 1980-х гг. увидели свет монографии, посвященные памяти славянских Первоучителей. Таковы, например, монография венгерского палеослависта Имре Тота, изданная первоначально на венгерском языке, а затем переведенная на болгарский, «Константин-Кирил и Методий» (София, 1981) и монография С. П. Бернштейна «Константин Философ и Мефодий: Начальные главы по истории славянской письменности» (М., 1984).

Из работ последнего времени отметим монографию М. М. Копыленко «Palaeoslavica» (Алматы, 1995), в которой рассматриваются вопросы лексики и фразеологии древнейшего литературного языка славян, и новую монографию Е. М. Верещагина «История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия» (М., 1997).

Колоссальный исследовательский материал систематизирован и обобщен в фундаментальном справочном издании «Кирило-Методиевска энциклопедия», выпускаемом Болгарской Академией наук (гл. редактор акад. Петър Динеков. Т. I: А–З. София, 1985; Т. II: И–О. София, 1995), а также в библиографических указателях: *Ильинский Г. А.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; *Попруженко М. Г., Romански Ст.* Кирило-методиевска библиография за 1934–40 гг. София, 1942; *Дуйчев Ив., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-методиевска библиография (1940–1980). София, 1983; *Можаева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945–1974 гг. М., 1980.

ФОНЕТИКА

О хронологии звуковых явлений старославянского языка[1]

§ 1. В памятниках старославянской письменности, дошедших до нас, отражаются звуковые явления различного времени. Прежде всего в них можно обнаружить звуковые особенности, присущие языку переписчиков памятников. Эти звуковые особенности отражают в какой-то мере фонетические черты славянских говоров конца X–XI в., поскольку все дошедшие до нас памятники относятся к этому времени и написаны в разных славянских областях. Так, например, Киевский миссал, несомненно, отражает западнославянские фонетические особенности, а звуковые черты Остромирова евангелия позволяют с несомненностью считать его писца восточным славянином. Большинство остальных старославянских памятников отражает особенности древнеболгарских говоров.

Кроме более поздних фонетических явлений конца X–XI в. наши памятники позволяют также судить о фонетической системе старославянского языка эпохи его создания, эпохи Кирилла и Мефодия, т. е. фонетической системе второй половины IX в.

---

[1] Лингвистические знаки, употребляемые в учебнике:

‾ знак долготы: *ā* (*a* долгое)

˘ знак краткости: *ă* (*a* краткое)

‿ знак неслоговости: *i̯* (*i* неслоговое)

˳ знак слоговости: *r̥* (*r* слоговое)

‖ знак чередования: *e*‖*o* (*e* чередуется с *o*)

' знак мягкости: *s'* (*s* мягкое); *'a* (*a* после мягкого согласного)

˙ знак полумягкости: *s˙* (*s* полумягкое)

⁀ знак слитного произношения согласных: *d͡z'* — аффриката, *ŝt'* — сложный согласный

´ знак ударения: дѣ́шти

ˆ знак слабой позиции: домъ̂ (ъ слабый)

‑ знак сильной позиции: дьнь (ь сильный)

<> знаки, обозначающие направления звуковых изменений: > (перешло в): *s* > *ch* (*s* перешло в *ch*); < (возникло из): решти < **rekti* (решти возникло из **rekti*)

* знак, указывающий на то, что форма не засвидетельствована в памятниках, а восстановлена: **dadmь* > дамь

- знак того, что форма приводится не полностью: **gord-*

В разделе «Фонетика» наклонная кириллица передает звук, прямая — букву.

Наконец, в них отражаются и такие звуковые явления, которые, несомненно, возникли в еще более древний, дописьменный период, причем многие из этих явлений должны быть отнесены к праславянской эпохе.

Итак, звуковые явления старославянского языка могут быть отнесены к трем различным эпохам: дописьменному, отчасти праславянскому времени; к эпохе создания старославянского языка (вторая половина IX в.); к эпохе написания дошедших до нас памятников (конец X–XI в.).

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 2. Все гласные звуки старославянского языка эпохи Кирилла и Мефодия **по месту образования** делились на две группы.

Первую группу составляли гласные переднего ряда, вызывавшие смягчение предшествовавшего согласного. К ним относились следующие звуки: *i* (*и, і*), *е* (*є*), носовой гласный *ę* (*ѧ*), *ерь* — *ь* (*ь*) и *ять* — *ě* (*ѣ*).

Вторую группу составляли гласные непереднего ряда, не влиявшие на артикуляцию предшествовавшего согласного, не вызывавшие его смягчения. К ним относились следующие звуки: *у* (*ꙑ*), *u* (*оу, ѹ*), *о* (*о, ѡ*), носовой гласный *ǫ* (*ѫ*), *ер* — *ъ* (*ъ*), *а* (*а*).

Все эти гласные как переднего, так и непереднего ряда **по степени подъема** языка в ротовой полости делились на гласные верхнего подъема: *и, ꙑ, оу*; среднего подъема: *є, о, ѧ, ѫ, ь, ъ*; нижнего подъема: *ѣ, а*.

Подъем	Передний ряд	Непередний ряд
Верхний	и	ꙑ, оу
Средний	є, ѧ, ь	о, ѫ, ъ
Нижний	ѣ	а

Гласные звуки ъ и ь

§ 3. Гласные звуки *ер* (ъ) и *ерь* (ь) отличались от остальных гласных звуков своим количеством. По сравнению с другими звуками ъ и ь были гласными неполного образования, они произносились короче нормально краткого гласного звука. Эта их сверхкраткость, количественная сокращенность, **редукция** в

зависимости от положения в слове могла или усиливаться, или, наоборот, ослабевать. При усилении редукции ъ и ь ослабевали настолько, что с течением времени утрачивались вовсе. При ослаблении редукции они, наоборот, достигали степени гласных полного образования, т. е. переходили в гласные полного, несокращенного образования.

Усиление редукции (слабая позиция) наблюдалось в следующих положениях в слове: 1) на конце неодносложных слов: рабъ̭, сынъ̭, чловѣкъ̭; 2) в слоге перед слогом с гласным полного образования: мъ̭ного, овь̭ца, зъ̭вати, дъ̭ва; 3) в слоге перед слогом с редуцированным звуком в сильной позиции: чь̭тъ̱ць̭ (чтец), дь̭нь̱сь̭ (днесь — сегодня).

Ослабление редукции (сильная позиция) наблюдалось обычно в следующих положениях в слове: 1) в слоге перед слогом с редуцированным звуком в слабой позиции: пѣсъ̱къ̭, подобь̱нъ̭, отъ̱ць̭, дь̱нь̭; 2) в начальном слоге под ударением: дъ̱щи (дочь), тъ̱щa (тёща), мь̱нии (меньший), тъ̱мь̱нъ̭ (тёмен), ль̱гъ̱къ̭ (лёгок).

Позиция редуцированного в односложных словах (поскольку они не имели самостоятельного ударения и примыкали к следующему слову, составляя с ним фонетическое единство) зависела от характера слога в следующем слове, т. е. редуцированный в односложных словах мог быть и в слабой, и в сильной позиции.

Например, в сочетаниях къ̭ тебѣ, въ̭ селѣ и т. п. редуцированный в слоге перед слогом с гласным полного образования был в слабой позиции. В сочетаниях же къ̱ мъ̭нѣ, въ̱ съ̭нѣ редуцированный в предлоге находился в сильной позиции, так как был в слоге перед слогом со слабым редуцированным.

Исключением из этого правила является всегда сильная позиция ъ в противительном союзе нъ̱ (но) и в некоторых местоимениях: тъ̱, сь̱.

Изменения в употреблении ъ и ь

§ 4. Памятники старославянской письменности обнаруживают ряд изменений в употреблении редуцированных гласных.

I. Утрата редуцированных в слабой позиции

Все памятники старославянской письменности, кроме Киевского миссала и Остромирова евангелия, свидетельствуют об утрате слабых редуцированных звуков, пережитой некоторыми славянскими говорами в XI в. В памятниках письменности ут-

рата слабых редуцированных выражается в постоянном пропуске или смешении букв ъ и ь. Так, в наших памятниках систематически встречаются написания с пропущенными ъ и ь: много, вси, пшеница, кто, что и т. п. или написания, в которых имеется смешение ъ и ь: мьного, правъда, въсѣхъ, вьлѣсти и т. п. вместо закономерных мъного, вьси, пъшеница, правьда, къто, чьто, вьсѣхъ, вълѣсти.

В ряде памятников (Зографском и Мариинском евангелиях, Саввиной книге) смешение ъ и ь приобретает фонетически закономерный характер: перед слогом с гласным переднего ряда, вызывавшим смягчение предшествующего согласного, пишут ь вместо ъ: дъва, но дьвѣ; зъло, но зьлѣ; въдазити, но вьлѣсти; въноушити, но вьнити; перед слогом с гласным непереднего ряда пишут ъ вместо ь: бърати, въдова вместо бьрати, вьдова.

Это фонетически закономерное смешение ъ и ь, по-видимому, явилось одним из последствий утраты слабых редуцированных. Когда в XI в. слабые редуцированные подверглись утрате, то образовались группы согласных, в которых произошло уподобление согласных по мягкости: *dъ̂v'ě* > *d'v'ě* (в графике дьвѣ) или по твердости: *b'ь̂rati* > *b'rati* > *brati* (в графике бърати). Таким образом, в ряде старославянских памятников XI в. ъ и ь стали знаками для передачи твердости или мягкости предшествующего согласного.

II. Изменение редуцированных в сильной позиции

Утрата слабых редуцированных повлекла за собой изменение и сильных редуцированных. Разные памятники старославянской письменности XI в., отразившие утрату слабых ъ и ь, дают разные изменения редуцированных в сильной позиции.

1. Большинство глаголических памятников отражает переход сильного *ь* > *е*, сильного ъ > *о*. Например: съшедъ, день, слѣпецъ, сѫчецъ, вопль, пѣсокъ, сонъма, во мнѣ, вонь вместо съ̂шьдъ̂, дьнь̂, слѣпьць̂, сѫчьць̂, въпль̂, пѣсъкъ̂, сънь̂ма, въ̂ мънѣ, въ̂ нь̂. Вероятно, эти памятники отражают юго-западноболгарские или македонские говоры. Современные говоры Македонии и юго-западной Болгарии имеют именно такую замену древних ъ и *ь*.

2. В Супрасльской рукописи также отражен переход сильного *ь* > *е*: конецъ; сильный же ъ на письме сохраняется. Однако это не означает, что ъ в сильной позиции не подвергся изменению в гласный полного образования. В современных цен-

тральных и восточных болгарских говорах и в болгарском литературном языке имеется особый гласный среднего ряда среднего подъема, передаваемый в графике через ъ, например *болг. кръв, сън, ръка* (кровь, сон, рука). Этот гласный появился в болгарском языке в результате разных фонетических процессов, в том числе и в результате изменения сильного ъ. Надо думать, что Супрасльская рукопись отражает именно такой болгарский говор XI в., в котором сильный ь изменился в краткий гласный полного образования переднего ряда среднего подъема (*е*), а сильный ъ изменился в краткий гласный полного образования среднего ряда среднего подъема (в графике ъ).

3. Саввина книга выделяется среди прочих памятников старославянской письменности XI в. тем, что в ней, несмотря на наличие утраты редуцированных в слабой позиции, отсутствует изменение их в сильном положении. Немногочисленные формы типа людємъ, людєхъ, имєнємь с гласным є вместо ь большинством ученых понимаются как морфологическое явление[1].

4. Правильное употребление ъ и ь в Остромировом евангелии, памятнике XI в., как в слабой, так и в сильной позиции, получило двоякое объяснение.

Одни ученые считают, что в отношении употребления редуцированных Остромирово евангелие отражает особенность восточнославянской речи: в древнерусском языке в XI в. ъ и ь еще сохранились, их утрата обнаруживается позже, лишь в XII в. Другая точка зрения сводится к тому, что в XI в. процесс утраты редуцированных звуков происходил и у восточных славян; правильное же употребление ъ и ь в Остромировом евангелии должно объясняться аккуратностью писца, переписавшего это евангелие с такой болгарской рукописи, которая не знала графических явлений, связанных с утратой ъ и ь.

III. Изменение ь в ъ

В ряде старославянских памятников (Саввиной книге, Мариинском евангелии, Супрасльской рукописи, Синайском требнике и даже в Остромировом евангелии) отражена мена ь на ъ как в сильной, так и в слабой позиции в положении после шипящих *ш* и *ж*. Например, в Саввиной книге имеется только шъдъ, ишъдъ, пришъдъ, жънѫ, жъзла; нередки формы шъдъ, ишъдъше и т. п. в Мариинском евангелии, Супрасльской ру-

[1] См.: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. 3-е изд. Харьков, 1917; *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.

кописи и Синайском требнике; то же в Остромировом евангелии: пришъ̳дъ̭, шъ̳лъ̭, скрь̳жъ̳тъ̭, мѫжъ̭.

Эта мена, поскольку она наблюдается не только в слабой позиции, но и в сильной, безусловно, не связана с утратой редуцированных гласных. Она отражает фонетическое явление более ранней поры, когда редуцированные были еще звуками речи. Об этом же свидетельствуют и данные Остромирова евангелия — памятника, отличающегося правильностью в употреблении редуцированных звуков. Переход *ь* в *ъ* в данном случае вызван предшествующим мягким шипящим согласным *ш* или *ж*[1].

Редуцированные гласные *ъı* и *и*

§ 5. Еще в дописьменный период ъ и *ь*, находясь перед звуками *j* и *i*, изменились в гласные верхнего подъема *ъı* и *и*, уподобившись им по месту образования. Вот примеры такого перехода: **novъi* > новъıи, **gostьje* > гостиѥ.

Однако количественно сокращенный характер данных звуков при этом изменении сохранялся. Гласные *ъı* и *и* из древних ъ и *ь* в положении перед *j* и *i* не были обычными гласными полного образования, как, например, в словах ръıба или сила. Эти звуки, подобно ъ и *ь*, являлись гласными редуцированными. На редуцированный характер этих звуков указывает их дальнейшая судьба в разных славянских языках, в том числе и в старославянском.

В старославянском языке редуцированные *ъı* и *и* не получили особого графического обозначения: они передавались или через ъı и и, или через ъ и ь. Например: новъıи и новъи (из **novъi*), костиѭ и костьѭ (из **kostьjǫ*).

В том случае, когда редукция этих звуков увеличивалась (слабая позиция), они подвергались утрате, как и обычные ъ и *ь*. Так было, когда редуцированные *ъı* и *и* оказывались в слоге перед слогом с гласным полного образования. Об утрате этих звуков в слабой позиции в XI в. со всей очевидностью свидетельствуют памятники старославянской письменности прояснением ъ и *ь*, находившихся в предшествующем слоге. Например: брениє (грязь) из брь̳нь̭є, восиѣвъшю из въ̳си̭ѣвъшю (Мар. ев.); лестиѭ из ль̳сти̭ѭ, шествиє из шь̳стви̭є (Асс. ев.); любовиѭ из любъ̳ви̭ѭ, бездениѣ (бездны) из безь̳ни̭ѣ (Син. тр.).

---

[1] Подробнее об этом см.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 199–200, 286.

Прояснение сильных ъ и ь в данных словах могло наступить лишь после утраты слабого редуцированного звука *и* в следующем слоге, так как прояснение ъ и ь — последующий за утратой процесс. В том же случае, когда редукция *ъı* и *и* уменьшалась (сильная позиция), они переходили в обычные гласные *ъı* и *и* полного образования. Сильная позиция редуцированных *ъı* и *и* в старославянском языке наблюдалась в следующих случаях: 1) в начальном слоге под ударением: **кръ́ıѭ** из **krъjǫ*, **мъ́ıѭ** из **mъjǫ*; 2) перед конечным неударным *i*, который в положении после гласного становился неслоговым: **добръıи** из **dobrъi*.

Однако памятники старославянской письменности в некоторых случаях не отражают перехода ъ и ь в *ъı* и *и*, редуцированные в положении перед *j* и *i*. Например: **лѫкавъи, нарицаемъи, вельи, больи, людьи, сътворьи** и т. п. О том, что в данных примерах ъ и ь передают редуцированные звуки среднего подъема, а не *ъı* и *и*, говорит их дальнейшая судьба. В словах данного типа наступает прояснение сильных редуцированных звуков не в гласные *ъı* и *и* (ср. **кръıѭ**), а в гласные *о* и *е*. Например: **лѫкавои (Син. пс.); нарицаемои, велеи, болеи, людеи (Мар. ев.); сътвореи (Асс. ев.)**; ср. **сонъ** из **сънъ** и **день** из **дьнь**.

Сохранение в данном случае ъ и ь происходило по аналогии с другими родственными формами, в которых не было условий для изменения ъ > *ъı* и ь > *и*. Так, для формы именительного падежа единственного числа мужского рода полных прилагательных и причастий имела значение краткая форма того же падежа: **лѫкавъи** как **лѫкавъ, сътворьи** как **сътворь**.

Формы родительного падежа множественного числа типа **людьи** и сравнительной степени **вельи** сохранялись по аналогии с другими падежами: **людьмъ, людьми, людьхъ, вельша, вельшоу** и т. д.[1]

Звук ѣ

§ 6. Гласный ѣ был присущ не только звуковой системе старославянского языка. Этот звук был унаследован из праславянского языка всеми славянскими языками и в древности имелся в звуковой системе всех славянских языков, но в разных славянских языках он произносился по-разному.

Как же он произносился в старославянском языке? В старославянском языке гласный ѣ, как это было указано выше,

---

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 297–299.

был гласным переднего ряда нижнего подъема. А это значит, что *ѣ* произносился как широкое, очень открытое *е*, близкое по своей артикуляции к гласному *'а* после мягкого согласного.

О том, что это был звук, близкий по своей артикуляции к гласному *'а* после мягкого согласного, свидетельствуют следующие факты. Одно из отличий глаголического алфавита от кириллицы состояло в том, что кирилловским буквам ѣ и ꙗ в глаголице соответствовала одна буква — ⰰ. При помощи этой буквы передавался как звук *ě* (*ѣ*), так и гласный *'а* после мягкого согласного. Например, при кирилловских написаниях волꙗ, ꙗко и вѣра, хлѣбъ в глаголице всегда будет употребляться один знак: (вол)ⰰ, ⰰ(ко), а также (в)ⰰ(ра), (хл)ⰰ(бъ).

Этот факт с несомненностью говорит о том, что для составителя глаголицы звуки *'а* и *ě* были настолько близки по артикуляции, что он даже не создал особого знака для каждого из них. Составитель же кириллицы дает уже два разных знака для двух разных звуков: наряду с ѣ появляется и ꙗ. Однако не все памятники, писанные этим алфавитом, употребляют обе буквы. Так, в Листках Ундольского буква ѣ употребляется не только для передачи звука *ě*, но и в значении *ja*. Например: ѣви сѧ, диѣволъ, ѣко, твоѣ и т. п.

В тех же кирилловских памятниках, которые различают ѣ и ꙗ, мы находим смешение этих букв. Так, в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи постоянно наблюдается замена ꙗ на ѣ. Например: волѣ твоꙗ, ис кораблѣ, полъ морѣ (Сав. кн.); отъ огн҃ѣ, без огн҃ѣ, отъ звѣрѣ, землѣ (Супр. рук.).

Такое смешение могло возникнуть только вследствие фонетической близости в артикуляции звуков *ě* и *'а*.

Следовательно, и данные глаголической графики, и факты кирилловских памятников говорят о том, что в старославянском языке *ѣ* произносился близко к гласному *'а*, т. е. был гласным переднего ряда нижнего подъема.

Этому положению не противоречат и данные болгарской диалектологии: говорам болгарского языка, особенно юго-западным, свойственно произношение древнего *ѣ* как гласного *'а* после мягкого согласного.

Звуки ѫ и ѧ

§ 7. Старославянскому языку эпохи Кирилла и Мефодия были свойственны носовые гласные, т. е. такие звуки, при образовании которых воздушная струя частично направлялась в

носовую полость. Эти звуки обозначались на письме через буквы, называвшиеся *юсами*: ѫ (*юс большой*) передавал носовой гласный непереднего ряда; ѧ (*юс малый*) передавал носовой гласный переднего ряда.

Впервые фонетическую природу *юсов* как носовых гласных, о чем уже было рассказано во введении, определил А. Х. Востоков в «Рассуждении о славянском языке». К этому выводу А. Х. Востоков пришел, сравнивая данные старославянского и польского языков. При этом сравнении А. Х. Востоков обнаружил регулярное соответствие старославянских юсов польским носовым гласным:

ст.-сл.	*пол.*	*ст.-сл.*	*пол.*
зѫбъ	*ząb*	пѧть	*pięć*
мѫжь	*mąż*	десѧть	*dziesięć*
голѫбь	*gołąb*	свѧтыи	*święty*
ѫзъкыи	*wązki*	ѩзыкъ	*język*

Можно привести и другие доводы, подтверждающие открытие А. Х. Востокова. Так, в старославянском языке при словообразовании или словоизменении *юсам* могут соответствовать сочетания гласного с носовым согласным *n* или *m*. Например: пѫто — опона, звѫкъ — звонъ, врѣмѧ — врѣмене (Р. п. ед. ч.), начѧти — начьнеши (2 л. ед. ч. наст. вр.).

§ 8. Носовые гласные, свойственные фонетической системе старославянского языка и сохранившиеся до настоящего времени в польском и кашубском языках, некогда были присущи всем славянским языкам. Образовавшись еще в праславянский период, с течением времени они в разных славянских языках, кроме польского и кашубского, в разное время подверглись утрате, переходу в гласные чистые, неносовые. Причем изменение носовых гласных в неносовые не было одинаковым во всех славянских языках.

Так, носовой гласный непереднего ряда *ǫ* изменился в болгарском языке в *ъ*[1] (ср. *болг. зъб, мъж, ръка*); в словенском языке — в *о* (ср. *словен. mož, zob, roka*); в сербском, чешском, словацком и у восточных славян — в *u* (ср. *серб. му̑ж, зу̑б, ру́ка*; *чеш., словац. muž, zub, ruka*; *рус. муж, зуб, рука*).

Носовой гласный переднего ряда *ę* изменился или в гласный *е* (например, у южных славян; ср. *серб. же̏ти, пе̑т, ре̑д*; *болг. жена* (жну — *1 л. ед. ч. наст. вр.*)[2], *пет, ред*; *словен. žeti, pet, red*)

---

[1] О болгарском звуке ъ см. § 4.
[2] В болгарском языке нет инфинитива.

или в гласный *'а* после мягкого согласного (например, у восточных славян; ср. *рус. жать, пять, ряд*).

Итак, в разных славянских языках мы находим разные рефлексы древних носовых гласных, а это говорит о том, что произношение их было неодинаково в разных славянских языках.

Как же произносились носовые гласные в старославянском языке? Анализ глаголической азбуки позволяет утверждать, **что носовой гласный непереднего ряда произносился как *о* носовое, а носовой гласный переднего ряда — как *е* носовое.** Ср. написание глаголических *юсов* и гласных *о* и *е*: *глагол. о* — Ⰺ и *глагол. ǫ* — ⰺⰵ; *глагол. е* — Ⰵ и *глагол. ję* — ⰵⰵ. Как видно, глаголические *юсы* состоят из букв для гласных *о* и *е*, снабженных особым значком (ⰵ), который первоначально обозначал носовой характер гласного звука.

§ 9. В большинстве памятников старославянской письменности, дошедших до нас, правильно употребляются ѫ и ѧ. Немногочисленные случаи смешения их друг с другом или с другими гласными, наблюдающиеся в Зографском и Ассеманиевом евангелиях, Сборнике Клоца, Синайском требнике, Супрасльской рукописи и Саввиной книге, являются простыми описками писца. Поэтому следует думать, что эти памятники отражают такие славянские говоры, в которых носовые гласные сохранялись еще в XI в.

Однако некоторые памятники дают ясные указания на утрату носовых гласных в языке писцов. Так, все памятники старославянской письменности XI в. русского извода, в том числе и Остромирово евангелие, написанное на Руси русским писцом, имеют смешение ѫ с оу и ѭ с ю, например: водоу, вѣроу *(В. п. ед. ч.)* вместо водѫ, вѣрѫ, и ѧ с ꙗ, например: волꙗ, самарѧнꙑнꙗ *(Р. п. ед. ч.)* вместо волѩ, самарѧнꙑнѩ. Такое смешение говорит о том, что восточные славяне в XI в. носовых гласных уже не имели.

Кроме того, смешение юсов имеется также в Мариинском евангелии и Синайской псалтыри. В Мариинском евангелии отмечены многочисленные случаи взаимного смешения ѫ с оу и ѭ с ю. Например: оу вместо ѫ — трѣвѫ въметаемоу (*В. п. ед. ч.*); ю вместо ѭ — ишедъшю (*В. п. ед. ч. ж. р.*); ѫ вместо оу — къ немѫ, сѫхъ; ѭ вместо ю — мѫжѭ (*Д. п. ед. ч.*), лѭдьми (*Т. п. мн. ч.*). Это смешение, как и ряд других признаков, позволяет считать Мариинское евангелие памятником с чертами сербского языка[1].

---

[1] См. иное объяснение этого смешения у А. М. Селищева: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 272–277.

В Синайской псалтыри имеются многочисленные случаи смешения ѫ с о, например: поть вместо пѫть, можемъ *(Т. п. ед. ч.)* вместо мѫжемъ, въ добровѣ вместо въ дѫбровѣ и т. п., которые позволяют предполагать, что в данном памятнике отразилось диалектное произношение ѫ как *о*, наблюдающееся в ряде говоров болгарского языка.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Все гласные звуки, засвидетельствованные старославянским языком, некогда были присущи и другим славянским языкам. Возникли они еще в праславянский период в результате действия в течение длительного времени двух праславянских фонетических тенденций: тенденции к преобразованию количественных различий гласных в качественные и тенденции к открытости слога.

Преобразование количественных различий гласных в качественные

§ 10. Праславянский язык унаследовал из языка индоевропейского пять гласных звуков, различавшихся долготой или краткостью: *ĕ — ē, ĭ — ī, ŭ — ū, ŏ — ō, ă — ā*.

Однако эти количественные различия гласных, различия по долготе или краткости, преобразовались в праславянском языке в различия качественные — различия по артикуляции. Так, *ĕ* сохранилось как *е*, а *ē* перешло в *ě* (ѣ), *ĭ* изменилось в *ь*, а *ī* сохранилось как *i*, *ŭ* перешло в *ъ*, а *ū* — в *у* (ꙑ), *ŏ* и *ă* совпали в гласном *о*, а *ō* и *ā* — в гласном *а*.

Вместе с тем все праславянские гласные, возникшие из долгих индоевропейских гласных, а именно — *i*, *а*, *у*, *ě*, сохранились в праславянском языке как долгие гласные. Те же гласные звуки, которые восходят к индоевропейским кратким гласным, либо сохранились как краткие гласные — таковы *о* и *е*, либо, подвергаясь на славянской почве редукции, становились сверхкраткими — таковы *ъ* и *ь*. Таким образом, пять индоевропейских звуков, различавшихся первоначально только количественно, преобразовались в праславянском языке в восемь фонем, различавшихся не только количественно, но и артикуляционно.

Указанная тенденция совершенно отчетливо проявляется при сопоставлении старославянского языка с другими индоевропейскими языками:

ст.-сл. везѫ	— *лат.*	vĕho	*ĕ > є*
ст.-сл. десѧть	— *лат.*	dĕcĕm	
ст.-сл. звѣрь	— *греч.*	θήρ	*ē > ѣ*
ст.-сл. сѣдѣти	— *лит.*	sēdēti	
ст.-сл. льнъ	— *лит.*	lĭnas	*ĭ > ь*
ст.-сл. вьдова	— *лат.*	vĭdua	
ст.-сл. три	— *сскр.*	trī	*ī > и*
ст.-сл. видѣти	— *лат.*	vīdēre	
ст.-сл. медъ	— *лит.*	mĕdŭs	*ŭ > ъ*
ст.-сл. сънъ	— *греч.*	ὕπνος	
ст.-сл. свекры	— *лат.*	socrūs	*ū > ы*
ст.-сл. сынъ	— *лит.*	sūnūs	
ст.-сл. око	— *лат.*	ŏcŭlus	*ŏ, ă > о*
ст.-сл. овьца	— *лат.*	ŏvis	
ст.-сл. ось	— *лат.*	ăxis	
ст.-сл. отьць	— *лат.*	ătta	
ст.-сл. даръ	— *лат.*	dōnum	*ō, ā > а*
ст.-сл. дъва	— *греч.*	δύω	
ст.-сл. мати	— *лат.*	māter	
ст.-сл. стати	— *лат.*	stāre	

Та же тенденция может быть прослежена на ряде славянских языковых процессов, протекавших в разные, а не только в праславянский, периоды.

Так, на славянской языковой почве происходило продление гласного в глагольном корне при образовании глаголов со значением длительности, повторяемости действия (итеративные глаголы). Поэтому при образовании этих глаголов мы регулярно находим изменение на славянской почве *ē > ѣ, ī > и, ū > ы, ō > а*. Ср.: съплести — съплѣтати; оугнести — оугнѣтати; жьдати — ожидати; льнѫти — прилипати; съхнѫти — засыхати; тъкнѫти — тыкати; ходити — хаждати; родити — раждати.

Закон открытого слога
(тенденция к открытости слогов)

§ 11. Как показывают факты старославянского языка и других славянских языков, для древнейшего периода их существования была характерна такая структура слова, при кото-

рой все слоги в слове были открытыми, т. е. оканчивались на гласные звуки: во-да, ра-бъ. Эта структура славянского слова появилась в результате действия одной из важнейших праславянских фонетических закономерностей — закона открытого слога. В силу этого закона те слоги, которые первоначально в праславянском языке были закрытыми, т. е. оканчивались на согласный звук, подвергались изменениям, приводившим к появлению открытых слогов.

Закрытые слоги могли возникать либо на конце слов, либо перед согласными звуками. В этих двух *положениях* и прослеживается действие закона открытого слога. С этой праславянской тенденцией связаны разные фонетические изменения. К их числу относится изменение дифтонгов и дифтонгических сочетаний, приведшее к образованию в праславянском языке гласных звуков *ѣ, и, ѹ, ѫ, ѧ*.

Изменение дифтонгов

§ 12. Под дифтонгом понимается такое сочетание двух гласных, которое входит в состав одного слога, образует один слог. Следовательно, один из двух образующих дифтонг гласных является неслоговым звуком, т. е. близким к согласному звуку. Поэтому унаследованные из индоевропейского языка дифтонги *ai̯*, *oi̯*, *ei̯* и *au̯*, *ou̯*, *eu̯* в положении закрытого слога, а именно на конце слова или перед согласными, так как *i̯* было близко к *j*, а *u̯* — к *v*, нарушали закон открытого слога и должны были подвергнуться преобразованию. Таким преобразованием дифтонгов в положении закрытого слога явился процесс монофтонгизации, т. е. перехода двух звуков дифтонга в один гласный звук (монофтонг). Не сохранились индоевропейские дифтонги в праславянском языке и в положении открытого слога, т. е. перед гласным звуком. В этом случае дифтонг подвергался распаду, неслоговой гласный переходил в соответствующий согласный звук (*i̯* > *j*, *u̯* > *v*), который отходил к следующему слогу.

Так, в положении закрытого слога дифтонги *ai̯* и *oi̯* > *ě* (*ѣ*); кроме того, дифтонг *oi̯* на конце слова и при нисходящей интонации[1] монофтонгизировался в гласный *i* (*и*); дифтонг *ei̯* > *i*

[1] Для праславянской системы ударения было характерно изменение высоты тона, с каким произносился слог: или повышение тона (восходящая интонация), или понижение тона (нисходящая интонация). Слоги с дифтонгами, в *которых слогообразующий гласный был долгий* (*ōi*), имели восходящую ин-

(*н*); дифтонги *au̯* и *ou̯* > *u* (оу); при монофтонгизации дифтонга *eu̯* со слоговым гласным переднего ряда перед монофтонгом *u* выделялся еще согласный *j*, т. е. *eu̯* > *ju* (*ю*).

Дифтонг	Изменение в дифтонге	
	В закрытом слоге (перед согласным и на конце слова)	В открытом слоге (перед гласным звуком)
oi̯, *ai̯* >	*ě*	*oj*, *aj*
oi̯ >	*i* (при нисходящей интонации)	—
ei̯ >	*i*	*ьj*, *ěj*
ou̯, *au̯* >	*u*	*ov*, *av*
eu̯ >	*ju*	*ev*

Монофтонгизация дифтонгов в праславянском языке совершенно отчетливо проявляется при сопоставлении славянских слов со словами других индоевропейских языков. Например:

ст.-сл. снѣгъ — *гот.* snaiws
ст.-сл. вѣдѣ (я знаю) — *греч.* οἶδα
ст.-сл. ми, ти, си (мне, тебе, себе) — *греч.* ἐμοι, τοι, σοι
ст.-сл. кривъ — *лит.* kreivas
ст.-сл. роудъ, роуда — *лит.* raudas
ст.-сл. блюдѫ (блюду́) — *греч.* πεύθομαι

Тот же процесс монофтонгизации дифтонгов в закрытом слоге, а также распад дифтонга в открытом слоге можно проследить на собственно славянских фактах. Ср., например:

пѣти и поѭ (*1 л. ед. ч.*), где *ѣ* из *oi̯* в закрытом слоге (перед согласным *t*): **poi̯ti* > пѣти; *oj* в открытом слоге (перед гласным *ǫ*): **poi̯ǫ* > поѭ;

цѣна[1] и каıати, где *ѣ* из *ai̯* в закрытом слоге (перед согласным *n*): **kai̯na* > цѣна (ср. *лит.* kaina); *aj* в открытом слоге (перед гласным *a*): **kai̯ati* > каıати;

тонацию. При краткости слогообразующего гласного в дифтонге (*ŏi̯*) возникала нисходящая интонация.

[1] Первоначально значение этого слова — «месть, возмездие», а затем — «возмещение, плата за совершенное преступление (убийство)».

бити и **бьѭ** (1 л. ед. ч.), где *и* из *ei̯* в закрытом слоге (перед согласным *t*): **bei̯ti* > **бити**; *ьj* в открытом слоге (перед гласным *ǫ*): **bei̯ǫ* > **бьѭ**;

коуѭ (1 л. ед. ч.) и **ковати**, где *u* (оу) из *ou̯* в закрытом слоге (перед согласным *j*): **kou̯jǫ* > **коуѭ**; *ов* в открытом слоге (перед гласным *a*): **kou̯ati* > **ковати**.

Изменение дифтонгических сочетаний с носовыми согласными

§ 13. Под дифтонгическими сочетаниями понимаются сочетания гласных звуков с последующими сонорными согласными, входившими некогда в один слог.

Дифтонгические сочетания гласных с носовыми сонорными согласными *n* и *m* в положении закрытого слога (на конце слова и перед согласными звуками) преобразовались по закону открытого слога в праславянском языке в носовые гласные.

Если в состав дифтонгического сочетания входил гласный переднего ряда, то образовывался носовой гласный переднего ряда *ę* (ѧ). Если в состав дифтонгического сочетания входил гласный непереднего ряда, то образовывался носовой гласный непереднего ряда *ǫ* (ѫ). Так, *ĕn*, *ĭn*, *ĕm*, *ĭm* > *ę* (ѧ); *ăn*, *ŏn*, *ŭn*, *ăm*, *ŏm*, *ŭm* > *ǫ* (ѫ). Ср.:

ст.-сл. **пѧть**	—	*греч.* πέντε, *лит. penki*
ст.-сл. **десѧть**	—	*лит. dešimt*
ст.-сл. **мѧсо**	—	*др.-прус. mensa*
ст.-сл. **рѫка**	—	*лит. ranka*
ст.-сл. **гѫсь**	—	*др.-в.-нем. gans*
ст.-сл. **пѫть**	—	*лат. pons, pontis*
ст.-сл. **зѫбъ**	—	*греч.* γόμφος

При заимствовании слов, имевших сочетание гласного звука с носовым согласным в закрытом слоге, также происходило изменение этих сочетаний в носовые гласные. Например:

лат. ungarus	— *ст.-сл.* **ѫгринъ** (венгр)
гот. handungs	— *ст.-сл.* **хѫдогъ** (искусный, рукодельник), ср. *рус. художник*
др.-в.-нем. kuning	— *ст.-сл.* **кънѧзь**
др.-в.-нем. phenning	— *ст.-сл.* **п҃ѣнѧзь** (название монеты)

Тот же процесс преобразования дифтонгических сочетаний с носовыми согласными в носовые гласные может быть прослежен и на собственно славянских фактах: сочетания гласных с носовыми согласными имеются в старославянском языке толь-

ко в положении перед гласными звуками (положение открытого слога), в положении перед согласными или на конце слова (положение древнего закрытого слога) им соответствуют носовые гласные *ę*, *ǫ* (*ѧ*, *ѫ*). Например: **сѣмен-є** *(Р. п. ед. ч.)* — **сѣмѧ** *(И. п. ед. ч.)* из **sēmen* (ср. *лат. semen*); **распьн-ѫ** *(1 л. ед. ч.)* — **распѧти** *(инф.)* из **-pĭnti* (ср. *лит. pinti*); **дъм-ѫ** *(1 л. ед. ч.)* — **дѫти** *(инф.)* из **dŭmti*; **звон-ъ** — **звѫкъ** из **zvonkъ*.

Итак, сочетания гласных звуков с носовыми согласными сохранялись только в том случае, когда они не нарушали закона открытого слога, т. е. в положении перед гласными; в том же случае, когда они нарушали закон открытого слога, т. е. в положении перед согласными или на конце слова, они изменялись в носовые гласные[1].

§ 14. Таким образом, все гласные звуки старославянского языка были либо монофтонгического происхождения (как результат изменения количественных различий гласных в качественные), либо дифтонгического происхождения (как результат действия закона открытого слога); наконец, гласные звуки *и* и *ѣ* были двоякого происхождения: они могли восходить и к монофтонгам, и к дифтонгам.

Гласные **монофтонгического** происхождения: *є* < *ĕ*, *'ŏ*; *о* < *ŏ*, *ă*; *а* < *ō*, *ā*, *ē*[2]; *ы* < *ū*; *ъ* < *ŭ*; *ь* < *ĭ*.

Гласные **дифтонгического** происхождения: *оу (ю)* < *au̯*, *ou̯*, *eu̯*; *ѫ* < *on(m)*, *an(m)*, *un(m)*; *ѧ* < *en(m)*, *in(m)*.

Гласные **двоякого** происхождения: *ѣ* < *ē* / *ai̯*, *oi̯* *и* < *ī* / *oi̯*, *ei̯*

Заметим, что гласный *i* старославянского языка мог иметь и иное происхождение. Например, он мог восходить к сочетанию **jь*. Так, при *1 л. ед. ч.* **въз-ьм-ѫ** в бесприставочной форме находим **им-ѫ** < **j-ьm-ǫ*, в которой *j* возникал в позиции начала слова.

---

[1] В абсолютном конце слова сочетания гласных с носовыми согласными не всегда давали носовые согласные. Так, например, *ōn (ōm)* > *y (ы)*, *ŏn (ŏm)* > *ъ*. Подробно об этом см.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 226–227.

[2] О происхождении гласного *а* в положении после мягкого согласного из *ē* см. § 21; о происхождении гласных *є* и *и* в положении после мягкого согласного из *'о* и *'u* см. § 27.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 15. Согласные звуки **по степени участия голоса** при их образовании могут быть разделены на две группы: на согласные *сонорные* и согласные *шумные*.

При образовании сонорных согласных (*j, р, л, н, м*) голос преобладал над шумом, поэтому эти согласные были близки к гласным звукам. Вследствие этого они, подобно гласным, могли быть слогообразующими звуками, какими и являлись в старославянском языке в определенных фонетических условиях сонорные согласные *р* и *л* (см. § 16 и 17). Сонорные согласные подразделялись на согласные *плавные* *р* и *л*, согласные *носовые* *н* и *м*, при образовании которых струя воздуха частично направлялась в носовую полость, и *щелевой* согласный *j*.

Шумные согласные, противопоставленные сонорным звукам, делились на две группы: согласные *звонкие*, произношение которых сопровождалось звучанием голоса, и согласные *глухие*, произносившиеся без голоса. Все шумные звуки **по способу образования** делились в старославянском языке на взрывные, щелевые, или фрикативные, аффрикаты и сложные согласные.

Взрывные согласные (*п, б, т, д, к, г*) произносились путем «взрыва», т. е. быстрого раскрытия воздушной струей преграды, образованной речевыми органами.

При произношении *щелевых* согласных (*ф, в, с, з, ш, ж, х*), а также сонорного *j* между речевыми органами возникала щель, проходя через которую, воздушная струя создавала специфический для каждого звука шум.

Аффрикаты (*ц, ѕ, ч*) образовывались путем слияния в один звук двух одинаковых по месту образования согласных — взрывного и щелевого. Так, аффриката *ц* образовывалась в результате слияния звуков *t'* и *s'*, аффриката *ѕ* — *d'* и *z'*, аффриката *ч* — *t'* и *š'*, т. е. *ц* = $\widehat{ts}'$, *ѕ* = $\widehat{dz}'$, *ч* = $\widehat{t\check{s}}'$.

Сложные согласные *шт* и *жд*, в отличие от аффрикат, при произношении не сливались в один звук, а сохраняли ясно выраженными те согласные, из которых они образовались.

Наконец, согласные звуки могут быть подразделены в зависимости **от звукопроизводящих органов** на согласные *губные* (*п, б, м, в, ф*), *переднеязычные* (*т, д, с, з, ш, ж, н, л, р, ѕ, ц, ч, жд, шт*), *среднеязычный* (*j*) и *заднеязычные* (*к, г, х*).

По месту образования			Губные	Передне-	Средне-	Задне-
				язычные		
Сонорные	Носовые		*м*	*н*		
	Плавные			*р, л*		
	Щелевой				*j*	
Шумные	Взрывные	звонкие	*б*	*д*		*г*
		глухие	*п*	*т*		*к*
	Щелевые	звонкие	*в*	*з, ж*		
		глухие	*ф*	*с, ш*		*х*
	Аффрикаты	звонкие		*ѕ*		
		глухие		*ц, ч*		
	Сложные	звонкие		*жд*		
		глухие		*шт*		

1. Звук *ф* в старославянском языке употреблялся только в заимствованных словах, так как первоначально его в славянских языках не было. Ср. *греч.* φίλιππος — *ст.-сл.* филипъ, *греч.* φοῖνιξ — *ст.-сл.* финикъ, *лат.* *februarius* — *ст.-сл.* феѵроара (Супр. рук.). Поэтому нередко этот чуждый славянской речи звук заменялся глухим губным *п*: пиникъсъ (Син. пс.) вместо финикъ.

2. Звук *j* передавался в кириллОвских памятниках при помощи йотованных букв (ѥ, ꙗ, ю, ѩ, ѭ), если они стояли в начале слова или после гласных: ѥстъ — *jestъ*, моѥ — *moje*.

Слоговые плавные *р* и *л*

§ 16. В старославянском языке имелись сочетания плавных согласных *р* и *л* с ъ и ь в положении между согласными, сочетания типа *трът, трьт, тлът, тльт*, где *т* обозначает любой согласный. Вот пример подобных сочетаний: кръвь, плъть, сльза, врьхъ, съмрьть, гръло.

Сочетания типа *трът*, несмотря на однотипность графической передачи, имели в эпоху Кирилла и Мефодия разные фонетические значения.

1. Сочетания плавного согласного с редуцированным гласным в словах типа кръвь, плъть, крьстъ, сльза в эпоху Кирилла и Мефодия передавали обычные редуцированные гласные ъ и ь, находившиеся в положении после плавного звука р или л. Об этом свидетельствует дальнейшая судьба этих звуков: в памятниках старославянской письменности XI в. в сочетаниях плавных с ъ и ь отражаются явления, свойственные изменениям редуцированных звуков (см. § 4).

Во-первых, ъ и ь, находившиеся в сильной позиции, претерпевают прояснение: въскресъ (Мар. ев., Асс. ев.) вместо въскрьсъ; крестъ (Сб. Кл.) вместо крьстъ; слезъ (*Р. п. мн. ч.*) (Син. пс., Син. тр.) вместо сльзъ; слезьна (*Р. п. м. р.*) (Син. пс.) вместо сльзьна; кровь (Син. пс.) вместо кръвь; плоть (Син. пс.) вместо плъть и т. д. Ср.: сонъ вместо сънъ и день вместь дьнь.

Во-вторых, ъ и ь, находившиеся в слабой позиции, подвергаются в это время утрате, что выражается или в пропуске их на письме, или в смешении. Например: кр̑ста, кр̑стѣ (Асс. ев., Сб. Кл.) или кръстѣхъ (Надпись 993 г.), кръстѣ (Сб. Кл.) вместо крьста, крьстѣ, крьстѣхъ и т. п.

С несомненностью говорят об утрате слабых редуцированных в сочетании с плавными и такие случаи, в которых в предшествующем слоге наблюдается прояснение сильного ъ или ь. Например: во кръви (Син. пс.) вместо въ кръви; возгрьмѣ (*3 л. аор.*) (Син. пс.) вместо възгрьмѣ; воскръснеть вместо въскрьснеть (Син. пс.). Это прояснение могло наступить лишь как следствие утраты другого редуцированного в следующем слоге.

Итак, факты старославянских памятников XI в. убеждают в том, что в сочетаниях плавного с редуцированным в словах типа кръвь первоначально звучали обычные ъ и ь, являвшиеся в этих сочетаниях слогообразующими звуками. Причем следует отметить, что положение редуцированного после плавного в словах данного типа было исконным. Это подтверждается, во-первых, собственно славянскими данными: в однокоренных словах всегда наблюдается положение гласного после плавного, например: кръха, кръшити — оукроухъ; грьмѣти — громъ; въскрьснѫти — въскрѣсити. Во-вторых, сравнением с другими индоевропейскими языками, в которых в данном случае гласный будет находиться также после плавного: кръха, кръшити — *лит. krušti*, блъха — *лит. blusa* и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод, что для слов типа кръвь общеславянский вид корня был **trъt-*, т. е. с гласным звуком после плавного, следовательно, с открытым слогом.

2. Сочетания плавного согласного с редуцированным в словах типа врьхъ, влькъ, съмрьть, гръдость, зрьно, вльна в эпоху Кирилла и Мефодия не передавали обычных редуцированных звуков ъ и ь. Об этом также говорит дальнейшая история этих сочетаний.

В памятниках старославянской письменности XI в. для слов этого типа, во-первых, будет отсутствовать прояснение ъ и ь: формы *врехъ, *влекъ, *съмреть и под. с гласным полного образования вместо древнего редуцированного не засвидетельствованы ни одним из памятников. Более того, во всех памятниках старославянской письменности, кроме Киевского миссала и памятников русского извода, в этом случае широко представлено смешение «сильных» ъ и ь: връхъ вместь врьхъ, поврьгъ вместо поврьгъ, съмръть вместо съмрьть и т. п. А как известно, смешение ъ и ь говорит об отсутствии их в речи писцов.

Во-вторых, данные памятников старославянской письменности XI в. не позволяют судить также и об утрате ъ и ь в словах данного типа, так как прояснение редуцированного в предшествующем слоге никогда не наступает: в старославянских памятниках нет форм *во врьхоу (ср. во кръви), *сомрьти (*Р. п. ед. ч.*) (ср. возгрьмѣ).

Таким образом, можно сделать вывод, что в словах типа врьхъ ъ и ь в сочетании с плавными согласными не обозначали обычных редуцированных звуков старославянского языка.

Что же в таком случае передавали эти сочетания?

Сравнение данных старославянского языка с данными других славянских языков (сербохорватского, словенского, чешского и словацкого) позволяет утверждать, что сочетания плавных согласных с редуцированными в словах типа врьхъ передавали такие плавные звуки *р* и *л*, которые оказавшись между согласными, образовывали слог, были слогоносителями. Ср.:

ст.-сл.	*чеш.*	*серб.*
врьхъ	*vrch*	*вр̑х*
врьба	*vrba*	*вр́ба*
зрьно	*zrno*	*зр̏но*
грьбъ	*hrb*	*гр̏ба*
съмрьть	*smrt*	*смр̏т*
вльна	*vlna*	*ву̏на*
влькъ	*vlk*	*ву̑к*[1]

[1] В сербском языке (см.: *ву̏на, ву̑к*) *l* слогообразующий изменился в *u*.

Итак, фонетической системе старославянского языка эпохи Кирилла и Мефодия были свойственны слогообразующие плавные r̥ и l̥, передававшиеся в старославянском языке через сочетания плавных согласных с редуцированными в положении между согласными: врьхъ, плънъ и т. п.

Сопоставление старославянских слов со словами русского языка, где слоговых плавных не было, позволяет различать в словах с корнем *трът* слоговые редуцированные ъ и ь (кръвь) и слоговые плавные r̥, l̥ (вр̥ьхъ). В том случае, когда русское слово в расположении звуков соответствует старославянскому написанию, т. е. в русском языке гласный звучит также после плавного, в старославянском языке имелся слоговой редуцированный (ср. *рус. кровь* и *ст.-сл.* кръвь). В том же случае, когда произношение русского слова не соответствует старославянскому написанию, т. е. в русском языке гласный звучит перед плавным, в старославянском языке имелся слоговой плавный (ср. *рус. верх* и *ст.-сл.* вр̥ьхъ).

Происхождение слоговых плавных

§ 17. Среди современных славянских языков лишь языки южнославянские (за исключением болгарского) имеют слогообразующие плавные. Что касается болгарского языка, то и он в древнейший период своего существования тоже имел слогообразующие плавные и утратил их в более позднее время.

Возникновение слоговых плавных в славянских языках относится к дописьменной эпохе и связано с изменением дифтонгических сочетаний с плавными согласными, т. е. с изменением древнего закрытого слога, оканчивавшегося на плавные согласные *r* и *l*.

На наличие первоначально закрытого слога в старославянских словах со слоговым плавным указывают соответствия в других индоевропейских языках, в которых этот древний закрытый слог изменениям не подвергался. Так, при *ст.-сл.* врьхъ — *лит. viršus*, при *ст.-сл.* влькъ — *лит. vilkas*, при *ст.-сл.* зльна — *латыш. vilnis*.

О том же говорят и собственно славянские факты: в старославянском языке сочетание редуцированного звука перед плавным имеется только в положении перед следующим гласным звуком. В положении же перед согласным этим сочетаниям со-

ответствуют слоговые плавные. Ср.: **оумьрж** *(1 л. ед. ч. наст. вр.)* и **съмрьть** (*sъmr̥tь*), **простьръ** *(прич. действ. прош. вр.)* и **прострьтъ** (*prostr̥tъ*) *(прич. страд. прош. вр.)*. Сочетание *ьr* находится перед гласными (*ρ* и *ъ*), т. е. в открытом слоге. Так как закон открытого слога в этом случае нарушен не был, то данное сочетание изменению не подвергалось. В сопоставляемых же словах то же сочетание попадало в положение закрытого слога (перед согласным): **sъmьr-tь*, **prostьr-tъ*. Следовательно, закон открытого слога оказывался нарушенным, поэтому происходило преобразование этого сочетания в слоговой плавный: **sъmьrtь* > **sъmr̥tь*, в графике **съмрьть**, **prostьrtъ* > **prostr̥tъ*, в графике **прострьтъ**.

Таким образом, для слов со слоговыми плавными праславянский вид корня был **tъrt-*, **tьrt-*, **tъlt-*, **tьlt-*, т. е. с закрытым слогом, с гласным перед плавным.

Изменение в дописьменную эпоху древних сочетаний типа **tъrt* сводилось к тому, что слоговую функцию выполнял плавный, а гласный превращался лишь в призвук при плавном. Причем в той славянской языковой группе, которая легла в основу старославянского языка, возможно, происходило также перемещение гласного-призвука и плавного — гласный-призвук стал звучать после слогообразующего плавного. Именно на такое изменение указывает старославянская графика, передававшая слоговые плавные через сочетания плавного с последующим ъ или ь: **врьхъ**, **хлъмъ**.

Причем во второй половине IX в. и несколько позже этот гласный-призвук передавался относительно точно через ъ и ь. **Киевский миссал**, единственный памятник старославянского языка с правильным употреблением ъ и ь, не знает случаев смешения этих букв и в сочетании с плавными. Например: **скръбьни**, **дрьжимъ**, **срьдьце**, **скврьности** и т. п. Эти написания говорят о том, что в конце X в. при слоговом плавном еще имелся гласный-призвук. Однако затем, в силу того, что этот призвук не был слогообразующим, он подвергался утрате в любом положении в слове. Об этом говорит отмеченное выше постоянное смешение ъ и ь в сочетаниях с плавными в иных старославянских памятниках XI в.: **връхъ**, **влъкъ**, **твръдъ**, **пръвъ**, **скрьбь** и т. п.

Утрата неслогового призвука никак не отражалась на судьбе слоговых редуцированных гласных предшествующего слога. Поэтому редуцированные гласные ъ и ь в предшествующем слоге после утраты неслогового призвука не прояснялись в гласные полного образования.

Вторичные слоговые плавные

§ 18. Кроме слоговых плавных, возникших в дописьменное время, старославянский язык знал слогообразующие плавные более позднего происхождения.

Появление этих слогообразующих плавных связано с историей слов типа кръвь. В том случае, когда в словах этого типа редуцированный звук ъ или ь в положении после плавного был в слабой позиции и в дальнейшем, следовательно, подвергался утрате, плавный согласный *r* или *l*, оказываясь в положении между согласными, тем самым становился слогообразующим звуком. Например: *krъ̭ve* (*Р. п. ед. ч.*) > *kr̥ve*, *krь̭sta* (*Р. п. ед. ч.*) > *kr̥sta*, *slь̭za* > *sl̥za*.

Затем происходило обобщение звукового вида основы слова, т. е. появление по аналогии слогообразующих *r̥* и *l̥* в формах слов с сильными редуцированными звуками, а именно — под влиянием форм *kr̥ve*, *kr̥sta*, *sl̥za* и подобных появлялись формы *kr̥vь*, *kr̥stъ*, *sl̥zъ* (*Р. п. мн. ч.*). На такой процесс указывают данные старославянских памятников, отразивших как смешение, так и пропуск сильных редуцированных в словах данного типа. Например: **крьвь** (**Зогр. ев., Супр. рук., Сав. кн.**) и **крвъ** (**Мар. ев.**) вместо **кръ̭вь̭**; **кръстъ** (**Супр. рук., Сб. Кл.**) и **крстъ** (**Асс. ев., Сб. Кл.**) вместо **кръ̭стъ̭**; **пльть** (**Мар. ев., Супр. рук., Сав. кн.**) вместо **плъ̭ть̭**.

Подобный процесс протекал также и в других славянских языках, имевших слоговые плавные. В сербском, словенском, чешском и словацком языках в словах типа кръвь также возможны слогообразующие плавные или их позднейшие видоизменения. Например:

серб.: *кр̂в*, *кр̏ст*, *кр̀тица* (крот), *су́за* (слеза), *пӯт* (плоть), где *u* из *l̥*;
словен.: *krvavi* (кровяной), *krstni* (крестный), *krt* (крот), *obrv* (бровь);
чеш.: *slza*, *krtek* (крот), *brva* (бровь);
словац.: *slza*, *krstny* (крестный), *krtica* (крот), *obrva* (бровь).

Согласные мягкие и полумягкие

§ 19. Все согласные старославянского языка различались по степени мягкости. Одни из них были мягкими по природе, т. е. мягкость этих согласных не зависела от следующего гласного. Образование их происходило при высоко поднятой спинке языка, приближенной к твердому нёбу (*лат. palatum*), откуда их название — согласные палатальные. Такими согласными были следующие звуки: *ш, ж, ч, шт, жд, ц, ѕ* (*d͡z'*), *j*, *р, л, н, с*.

Причем согласные *ш, ж, ч, шт, жд, ц, ѕ, j* во второй половине IX в. не имели твердой пары; согласные же *р, л, н, с,* а также в более позднее время *з* (из *d͡z'*) имели твердый вариант, это были согласные мягкие парные. Ср.: волъ и волꙗ (*vol'a*), съна *(Р. п. ед. ч.)* и конꙗ (*kon'a*), бѣса и вьсꙗ (*vьs'a*).

Другие же согласные становились смягченными лишь в определенной позиции. Так, твердые согласные *м, п, б, в, ф, т, д, с, з* в положении перед гласными переднего ряда *и, е, ѣ, ѧ, ь* получали позиционное смягчение. Например: рабъ, но рабе (*rab'e*), раби (*rab'i*); дъва, но дъвѣ (*dъv'ě*) и т. п.

Изменяясь в произношении перед гласными переднего ряда, позиционно смягченные согласные не достигали полной степени мягкости. Они становились лишь полумягкими, т. е. при их произношении спинка языка в меньшей степени поднималась к твердому нёбу, чем это происходило при образовании мягких согласных.

Твердые согласные *р, л, н, с* в положении перед гласными переднего ряда также получали позиционное смягчение, становились полумягкими: сънъ — сънѣ (*sъn'ě*) *(М. п. ед. ч.)*, бѣсъ — бѣси (*běs'i*) *(И. п. мн. ч.)*. Таким образом, эти звуки могли выступать в старославянском языке как твердые, полумягкие и мягкие согласные.

Заднеязычные *к, г, х* были в старославянском языке только твердыми согласными. Позиционное смягчение они получали лишь в заимствованных словах. Например: кедръ, легеонъ, архиереи и т. п. Появление заднеязычных полумягких было новой чертой славянской фонетики. В собственно славянских словах при сочетании заднеязычных *к, г, х* с гласными переднего ряда наблюдалось их чередование с мягкими шипящими или свистящими согласными. Например: дроугъ — дроуже *(зв. ф.)*, дроуѕи *(И. п. мн. ч.)*.

Происхождение мягких согласных старославянского языка

§ 20. Мягкие согласные звуки старославянского языка возникли в результате разных процессов, связанных с тенденцией к палатализации (смягчению) и протекавших в праславянский период: во-первых, в результате переходного смягчения *к, г, х* при сочетании их с гласными переднего рада и, во-вторых, в результате изменения твердых согласных под влиянием *j*.

Переходное смягчение заднеязычных *к, г, х* произошло в силу действовавшей в праславянском языке тенденции к слого-

вому сингармонизму. Сущность этой тенденции заключалась в том, что, если в пределы одного слога попадали разнородные по артикуляции звуки, то происходило изменение либо согласного, либо гласного, приводившее к уподоблению их по артикуляции.

В истории славянских языков различают два смягчения (палатализации) *к, г, χ*: первое — переход в мягкие шипящие согласные, второе — переход в мягкие свистящие согласные. Первое смягчение и второе смягчение происходили в разные эпохи: первое смягчение было более ранним, а второе — более поздним процессом, связанным с монофтонгизацией дифтонгов.

Изменение согласных под влиянием *j* было также не только проявлением тенденции к палатализации, но и одним из проявлений закона открытого слога, так как при положении согласного звука перед *j* в праславянском языке возникал закрытый слог: **нов-ja*.

Первое смягчение (палатализация) заднеязычных согласных *к, г, χ*

§ 21. Под первым смягчением *к, г, χ* понимается их переход перед гласными переднего ряда в мягкие шипящие согласные: *к* > *ч'*, *г* > *ж'*, *χ* > *ш'*. При этом следует предположить, что взрывной согласный *г*, подобно взрывному *к*, переходил первоначально тоже в аффрикату, которая, в отличие от глухой $\widehat{tš}'$ (*ч*), еще в праславянском языке, утратив взрывной элемент, перешла в щелевой звук, т. е. *dž'* > *ž'*. Таким образом, первое смягчение — это **изменение заднеязычных согласных, в силу их уподобления гласным переднего ряда, в переднеязычные палатальные.**

Первое смягчение заднеязычных обнаруживается в памятниках старославянской письменности перед следующими гласными:

и — мѫка — мѫчити, бѣгъ — бѣжитъ (*3 л.*), тихъ — тишина;
е — рекѫ (*1 л.*) — речетъ (*3 л.*), дроугъ — дроуже, доухъ — доуше (*зв. ф.*);
ь — вѣкъ — вѣчьнъ, богъ — божьскъ, ходъ — шьдъ;
ѧ — отрокъ — отрочѧ (младенец), бъıхъ (*1 л. ед. ч. аор.*) — бъıшѧ (*3 л. мн. ч. аор.*), жѧти (ср. *греч.* γέμω);
а — крикъ — кричати, бѣгъ — бѣжати, слоухъ — слоушати.

Гласные звуки *и, е, ь, ѧ*, перед которыми старославянские памятники отражают первое смягчение, в праславянском языке в период осуществления этого изменения были гласными переднего ряда или представляли собой сочетания с гласными

переднего ряда. Так, гласный *и* восходит в этом случае к *ī* или к *ei̯*, *є* — к *ĕ*, *ь* — к *ĭ*, *ѧ* — к *en(m)* или *in(m)*.

Точно так же гласный непереднего ряда *а* в словах типа **кричати, бѣжати, слоушати** и под. не был исконным, а восходил к гласному переднего ряда *ē*. Этот звук, вызвав первое смягчение, в положении после мягкого шипящего согласного изменялся в праславянском языке в гласный *а*, а не в *ě*, как в других случаях (см. § 11). Ср.: **видѣти, висѣти**, но **дъıшати, бѣжати** < **dūchēti, bēgēti*; **дрѣвѣнъ**, но **пѣсъчанъ** < **pēsŭkēnъ*.

Таким образом, первое смягчение происходило в ранний праславянский период перед следующими гласными переднего ряда: *ī̆* (*ь, и*), *ē̆* (*є, а*), а также перед дифтонгом *ei̯* и дифтонгическими сочетаниями *en(m)* или *in(m)* (*ѧ*), в состав которых также входил гласный п е р е д н е г о ряда. Изменение это было общеславянским, и отражено оно всеми славянскими языками. Ср.: *ст.-сл.* бѣжати, *рус. бежать, серб. бѐжати, чеш. běžeti*; *ст.-сл.* кричати, *рус. кричать, пол. krzyczeć, чеш. křičeti*; *ст.-сл.* соушити, *рус. сушить, серб. су́шити, чеш. sušiti*.

Старославянские памятники отражают также изменение групп согласных, включавших заднеязычные звуки, связанное с первым смягчением *к, г, х*.

Так, сочетания *ск* и *зг* в положении перед теми же гласными изменялись в мягкие сложные согласные *шт, жд*. Например: **дъска — дъштица; блискъ — блъштати** (ср. **бѣжати**); **воскъ — воштанъ; мозгъ — мождanъ** (состоящий из мозга) (ср. **пѣсъчанъ**).

Праславянские сочетания *kt* и *gt* перед гласными переднего ряда изменились в старославянском языке в *шт*. Например: **рекѫ** (*1 л. ед. ч.*), но **решти** (*инф.*) из **rekti*; **могѫ** (*1 л. ед. ч.*), но **мошти** (*инф.*) из **mogti* (ср. **несѫ — нести**); **ноштъ** из **noktis* (ср. *лит. naktis*).

Второе смягчение (палатализация) заднеязычных согласных *к, г, х*

§ 22. Второе смягчение заднеязычных, т. е. переход *к* > *ц'*, *г* > *ѕ* ($\widehat{dz}$') > *з'*, *х* > *с'*, наблюдалось при двух различных условиях, действовавших в разное время.

Во-первых, памятники старославянской письменности обнаруживают переход заднеязычных в мягкие свистящие согласные в том случае, когда *к, г, х* оказываются в положении перед гласными переднего ряда *ѣ* и *и*. Например: **оученикъ**, но **оученици** (*И. п. мн. ч.*), **оученицѣ** (*М. п. ед. ч.*); **рекѫ** (*1 л. ед. ч. наст. вр.*), но **рьци** (*2 л. ед. ч. повел. накл.*), **рьцѣте** (*2 л. мн. ч. повел.*

накл.); могѫ (*1 л. ед. ч. наст. вр.*), но мози (*2 л. ед. ч. повел. накл.*), мозѣте (*2 л. мн. ч. пов. н.*); доухъ, но доуси (*И. п. мн. ч.*), доусѣ (*М. п. ед. ч.*).

При помощи сравнительно-исторического метода удалось установить, что *и* и *ѣ*, вызывавшие второе смягчение, происходили не из монофтонгов *ī* и *ē*, вызывавших первое смягчение, а из дифтонгов *ai̯* и *oi̯*, в состав которых некогда входил гласный непереднего ряда. Ср.: *ст.-сл.* вльци (*И. п. мн. ч. — рус. волки*) — *лит. vilkai*, *греч.* λΰκοι; *ст.-сл.* цѣна — *лит. kaina*; *ст.-сл.* цѣлъ — *гот. hails*.

Следовательно, первоначально, пока в праславянском языке сохранялись дифтонги, в словах данного типа тенденция к слоговому сингармонизму не была нарушена, так как заднеязычные *k*, *g*, *ch* находились перед гласными непереднего ряда: **vĭlkoi̯, *kai̯na, kai̯lъ*. Только после того, как в силу тенденции к открытости слогов дифтонги *oi̯* и *ai̯* подверглись монофтонгизации, переходу в гласные переднего ряда *i* и *ě*, создались вновь условия для смягчения и перехода *k*, *g*, *ch* в переднеязычные согласные. Однако это произошло в значительно более поздний период, что и обусловило различие результатов (шипящие и свистящие) в изменении заднеязычных перед гласными переднего ряда.

Во-вторых, памятники старославянской письменности обнаруживают переход заднеязычных в мягкие свистящие в том случае, когда *к, г, х* оказываются в положении после гласных переднего ряда *и, ь, ѧ*, а также после слогообразующего *р̥* с призвуком *ь* (*р̥ь*). Например: нарѣкати — нарицати; съжегѫ — съжизати; смѣхъ — насмисати сѧ; овьца из **ŏvĭka*, ср. *сскр. avika*; кънѧзь из **kuningъ*, ср. *др.-в.-нем. kuning*; мрькнѫти — мрьцати; врьгнѫти — врьзати.

Однако очень часто, несмотря на наличие заднеязычных в положении после указанных звуков, второе смягчение в словах данного типа не наблюдается. Обычно это бывает в том случае, когда заднеязычный находится в сочетании или с согласными звуками, или с гласными *ы* и *ъ*. Например: въсклицати, но въскликнѫти; подвизати, но двигнѫти; сътѧзати, но сътѧгнѫти; ниць, но никнѫти; стьꙁꙗ, но стьгна (дорога, улица), а также кънѧзь, но кънѧгыни; лице, но ликъ; тѧгъкъ, мѧкъкъ, льгъкъ.

Кроме того, переход *к, г, х* в свистящие согласные в положении после *и, ь, ѧ, р̥ь* постоянно осложняется воздействием грамматической аналогии. Так, в формах имен существительных могло происходить обобщение звукового вида основы то с

заднеязычным согласным, то с мягким свистящим согласным, т. е. под воздействием фонетически закономерной формы именительного падежа единственного числа **ликъ**, **оученикъ** и т. п. сохраняется заднеязычный звук и в форме других падежей: *Р. п.* **лика**, **оученика**; *Д. п.* **ликоу**, **оученикоу** и т. д.

И наоборот, под воздействием фонетически закономерных форм косвенных падежей (*Р. п.* **отьца**, **кънѧѕꙗ**, *Д. п.* **отьцю**, **кънѧѕю**) появлялась форма со свистящим согласным и в именительном падеже единственного числа: **отьць**, **кънѧѕь** из **otьkъ*, **kъnęgъ*, ср. **ликъ**. Осложненный грамматической аналогией переход *к, г, х* в мягкие свистящие после *н, ь, ѧ, р̥ь* является фонетическим изменением, не получившим еще бесспорного объяснения[1]. Заметим, что многие ученые называют подобное изменение третьей палатализацией. Вместе с тем хронология этого изменения окончательно не установлена, и весьма возможно, что оно происходило ранее изменения *k*, *g*, *ch* > *c'*, *d͡z'* *(z')*, *s'* перед *ě* и *i*, т. е. хронологически предшествовало второй палатализации.

§ **23.** В тех случаях, когда в словах данного типа за заднеязычным звуком следовал *е*, *i* или *j*, вместо мягких свистящих звуков появлялись мягкие шипящие: **отьць**, **отьцꙗ**, **отьцю**, но **отьче** *(зв. ф.)*, а также **отьчина** и притяжательное прилагательное **отьчь** из **otьkjь*; **кънѧѕь**, **кънѧѕꙗ**, **кънѧѕю**, но **кънѧже** *(зв. ф.)*, **кънѧжити**, притяжательное прилагательное **кънѧжь** из **kъnęgjь*; **овьца**, но притяжательное прилагательное **овьчь** из **ŏvĭkjь* и т. п. Следовательно, в период действия второго смягчения в формах, подобных **отьче**, заднеязычный уже перешел в мягкий шипящий. Тем самым можно утверждать, что первое смягчение и изменение *k*, *g*, *ch* под влиянием *j*, совпавшее по своим результатам с первым смягчением, происходили в более ранний период, чем второе смягчение.

Второе смягчение отражено, так же как и первое смягчение, всеми славянскими языками, однако не во всех славянских языках одинаково. Тот же самый результат, который наблюдался в старославянском языке, представлен в южнославянских и восточнославянских языках. Что касается западнославянских языков, то в них также имелось изменение *k* > *c'* и *g* > *d͡z'* > *z*, но вместо изменения *ch* > *s'* в этих языках представлено изменение *ch* > *š'*. Ср.:

---

[1] См.: *Мельничук А. С.* Роль аналогии в переходном смягчении общеславянских *g, k, x* в *dz, c, s (š)* // Питання слов'янського мовознавства. Кн. 5. Львів, 1958.

ст.-сл. отьць, *рус. отец, серб. ȍтац, чеш. otec, пол. ojciec;*
ст.-сл. цѣна, *рус. цена, серб. це́на, болг. цена, чеш. и пол. cena;*
ст.-сл. врази (*И. п. мн. ч.*), *др.-рус. ворози, серб. вра́зи, чеш. vrazi, ст.-пол. wrodzi;*
ст.-сл. вьсь, *рус. весь, серб. ва̏с* (и чаще *са̏в*), но *чеш. všecek, пол. wszystek;*
ст.-сл. вьсѩкъ, *рус. всякий, серб. сва̏к, болг. всеки,* но *чеш. všeliky, пол. wszelki.*

Кроме того, так же различна судьба древних групп *kv* и *gv* перед *и* и *ѣ* из дифтонгов. В то время как у западных славян эти группы не подвергались изменениям (например: *пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda*), у южных и восточных славян эти сочетания перешли: *kv > c'v* и *gv > d͡z'v > zv* (например: *ст.-сл.* звѣзда, цвѣтъ, *рус. звезда, цвет*). В старославянском языке подобное изменение одиночно коснулось и группы *chv > s'v*: влъхвъ — влъсви (*И. п. мн. ч.*). Памятники старославянской письменности отражают также изменение *kv > c'v, gv > d͡z'v > zv* в положении перед *ь* и *и* не из дифтонга: цвьтѫ, цвисти. Происхождение этого изменения неясно; возможно, что эти формы появились по аналогии[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что второе смягчение — явление более позднее, протекавшее в такой момент дописьменного периода, когда предки западных славян уже обособились от южных и восточных славян, что отразилось и в их языке.

Изменение звука *ѕ* (*d͡z'*) > *з*

§ 24. Аффриката *d͡z'*, появившаяся в дописьменный период во всех славянских языках в результате второго смягчения заднеязычного *g*, в разное время различными славянскими языками была утрачена. Из современных славянских языков она сохранилась только в польском (ср. *Д. п. рус. ноге* и *пол. nodze*). Изменение *d͡z' > z*, отраженное всеми славянскими языками, кроме польского, сводилось к утрате взрывного элемента. Отражается это изменение и в памятниках старославянской письменности.

В старославянском языке второй половины IX в. аффриката *d͡z'*, несомненно, имелась. Об этом говорит наличие в глаголической азбуке особой буквы для передачи этого звука — ⰸ, отличной от ⰷ (з). В кирилловских памятниках тот же звук

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 202.

передается буквой ꙃ, представлявшей собой слегка измененное написание кирилловского ꙁ.

Дошедшие до нас памятники старославянской письменности свидетельствуют об изменении в восточноболгарских и македонских говорах XI в. аффрикаты $\widehat{dz}'$ > *z'*. Лишь немногие памятники, с правильным употреблением букв ⰷ или ꙃ, позволяют предположить, что в говоре их писцов аффриката $\widehat{dz}'$ сохранилась еще и в XI в. К числу таких памятников относятся Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь, Хиландарские листки, Зографские листки, Листки Ундольского и Македонский листок, причем в Ассеманиевом евангелии и Листках Ундольского аффриката $\widehat{dz}'$ однажды употреблена вместо исконного *z*: прозѧбе вместо прозѧбе. В древнейшей части Зографского евангелия и в Мариинском евангелии наблюдается смешение букв для $\widehat{dz}'$ и *z'*, которое вызвано изменением $\widehat{dz}'$ > *z'*. В этих памятниках часты написания: кънѧзь, мнози, польза и т. п. В Сборнике Клоца и других памятниках особой буквы для этой аффрикаты нет, что также говорит об отсутствии $\widehat{dz}'$ в говоре писцов, об изменении ее в звук *z'*.

Изменение согласных в сочетании с *j*

§ 25. Изменение согласных в сочетании с *j*, происходившее в праславянский период и приведшее к появлению новых мягких согласных звуков, было вызвано, по-видимому, тенденцией к открытости слогов, так как при положении согласного звука перед *j* возникал закрытый слог: **nos-ja*, **zem-ja*, **vod-jь*; ср. **kou̯-jǫ* > коуѭ, **strou̯-ja* > строуꙗ (см. § 13). Изменение древнего закрытого слога в данном случае сводилось к тому, что предшествующий *j* согласный уподоблялся ему по месту образования, передвигался в палатальную зону (приближался к твердому нёбу) и сливался с *j* в одну артикуляцию[1].

Памятники старославянской письменности отражают следующие изменения согласных в сочетании с *j*.

1. **kj* > *č'*, **gj* > *ž'*[2], **chj* > *š'*: плакати — плачѫ (*1 л. наст. вр.*) из **plakjǫ*, плачь из **plakjь*; лъгати — лъжа из **lъgja*; доухъ — доуша из **duchja*.

---

[1] Однако существует и иное объяснение изменений этих сочетаний. См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 166–167.

[2] В этом случае также следует предположить переход *gj* > $\widehat{dž}'$ > *ž'*, см. § 21.

2. *sj > š', *zj > ž': носити — ношѫ (1 л. наст. вр.) из *nosjǫ, ноша из *nosja; казати — кажѫ (1 л. наст. вр.) из *kazjǫ; ножь из *nozjь, ср. рус. заноза.

3. *tj > š͡t', *dj > ž͡d': хотѣти — хоштѫ (1 л. наст. вр.) из *chotjǫ; ходити — хождѭ (1 л. наст. вр.) из *chodjǫ; сѫдити — сѫждѭ (1 л. наст. вр.) из *sǫdjǫ.

Такое изменение древних праславянских сочетаний *tj и *dj представлено, кроме старославянского языка, еще в языке болгарском. Например, при ст.-сл. свѣшта и межда — болг. свещ, где щ передает št', и межда.

Во всех остальных славянских языках имеются другие рефлексы древних праславянских *tj и *dj, а именно: в восточнославянских языках *tj > č', *dj > ž', ср. рус. свеча и межа; в западнославянских языках *tj > c', *dj > d͡z' > z, ср. пол. świeca, miedza, чеш. svíce, mez; в сербском языке *tj > ć' очень мягкое (в графике ћ), *dj > d͡ž' очень мягкое (в графике ђ), ср. серб. свéћа, мèђа; в словенском языке *tj > č', *dj > j, ср. словен. sveča, meja.

4. *stj > š͡t', *zdj > ž͡d': поустити — поуштѭ (1 л. наст. вр.) из *pustjǫ; мьстити — мьштениѥ из *mьstjenije; пригвоздити — пригвожденъ (страд. прич.) из *prigvozdjenъ.

5. *skj > š͡t', *zgj > ž͡d': искати — иштѭ (1 л. наст. вр.) из *iskjǫ, дъждь (дождь) из *dъzgjь, ср. ст.-лит. duzgeti (глухо стучать); розга (ветвь) — рождиѥ (собират. — ветви) из *rozgjije.

6. *rj > r', *lj > l', *nj > n': вечеръ — вечерꙗ из *večerja; велѣти — велѭ (1 л. наст. вр.) из *veljǫ, волꙗ из *volja; чинити — чинѭ (1 л. наст. вр.) из *činjǫ.

В памятниках старославянской письменности отражено также изменение s > š', z > ž' перед l', n' (из lj, nj), а также t > š͡t', d > ž͡d' перед r' (из rj). Например: мыслити, но мышлено; оугаснити, но оугашнꙗти; съблазнити, но съблажнꙗти; также при възлюбленъ имеется въжлюбленъ, при без него — беж него; кроме того, при съмотрѭ — съмоштрѭ, при оумѫдрѭ — оумѫждрѭ и т. п.

7. *pj > pl', *bj > bl', *vj > vl', *mj > ml': капати — каплꙗ из *kapja; любити — люблѭ (1 л. наст. вр.) из *l'ubjǫ; земьнъи — землꙗ из *zemja; ловити — ловлѭ (1 л. наст. вр.) из *lovjǫ.

Появление l' при p, b, v, m связано с тем, что непосредственно уподобление губного звука (p, b, v, m) язычному j не могло осуществляться; поэтому между губным и j развивался переходный язычный звук l', с которым j затем сливался.

Все памятники старославянской письменности, за исключением Киевского миссала, отражают изменение в болгарских говорах того времени групп *pl'*, *bl'*, *vl'*, *ml'*. Это изменение сводилось к тому, что не в начале слова в этих группах происходила утрата *l'*. В начале слова группы *pl'*, *bl'*, *vl'*, *ml'* во всех памятниках старославянской письменности сохраняются. Так, во всех памятниках мы находим **блюсти, плюнѫти, пльвати, плюѭ** и т. д. Но уже в Зографском евангелии, Мариинском евангелии, Сборнике Клоца и Синайском требнике *l'* отсутствует в середине слова перед гласными *и* и *ь*. Например: **корабь, авьша, оставьши, кораби, пристѫпь, корабиць, земи** вместо **корабль, авльша, оставльши, корабли, пристѫпль, кораблиць, земли.**

В прочих памятниках это явление наблюдается в середине слова и перед другими гласными: **любѣаше, възлюбенъ, възлюбѫ, земѧ** (Асс. ев.); **корабь, корабью, капьꙗ, дивьꙗхѫ** (Супр. рук.); **оуглЬбѭ, избавѭ, земьѩ, земьѭ** (Син. пс.); **ꙗвение, земьꙗ, земьѭ, ослабена** (Сав. кн.).

Ср. также данные современного болгарского языка: *блюдце*, *плювам* (плюю), *плюнка* (плевок), но *явявам се* (являюсь), *избавям се* (избавляюсь), *влюбен* (влюбленный), *земя* (земля). Вероятно, подобное изменение происходило, кроме болгарского языка, также и в западнославянских языках. Ср. *пол. plunąć*, *plewocina* (плевок), но *zjawiać się* (являться), *wybawienie* (избавление), *ziemia* (земля) и *чеш. plivnouti* (плюнуть), *plivátko* (плевательница), но *země*, *koráb* и т. д. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой в западнославянских языках развитие *l'* при губном не в начале слова в результате его сочетания с *j* вообще не происходило[1].

В восточнославянских языках, а также в сербском и словенском языках сочетания губного с *l'* в середине слова, появившиеся в дописьменный период в результате изменения губных согласных с *j*, изменению не подвергались. Ср. *рус. земля*, *серб. земља*, *словен. zemlja*. Поэтому в старославянских памятниках русского и сербского изводов (например, в Остромировом евангелии) утраты *l'* в сочетании с губным не наблюдается.

Чередования согласных звуков

§ 26. Чередования согласных, известные во всех современных славянских языках, сложились, как это видно из преды-

[1] См.: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. С. 72.

дущих параграфов, в результате первого и второго смягчения заднеязычных согласных и изменения согласных под влиянием *j*. В старославянском языке наблюдались следующие чередования согласных звуков.

к || *ч*, *к* || *ц*: око — очи (*И. п. дв. ч.*), оцѣ (*М. п. ед. ч.*)
г || *ж*, *г* || *ѕ* > *з*: дроугъ — дроуже (*зв. ф.*), дроуѕи (*И. п. мн. ч.*)
х || *ш*, *х* || *с*: доухъ — доуша, доуси (*И. п. мн. ч.*)
с || *ш*: носити — ношѭ (*1 л. ед. ч.*)
з || *ж*: возити — вожѭ (*1 л. ед. ч.*)
т || *шт*: вратити — врауштѭ (*1 л. ед. ч.*)
д || *жд*: видѣти — виждѭ (*1 л. ед. ч.*)
ст || *шт*: поустити — поуштѭ (*1 л. ед. ч.*)
ск || *шт*: блискъ — бльштати
зд || *жд*: пригвоздити — пригвожденъ
зг || *жд*: розга — рождиѥ
р || *р'*: варити — варѭ (*1 л. ед. ч.*)
л || *л'*: хвала — хвалѭ (*1 л. ед. ч.*)
н || *н'*: чинъ — чинѭ (*1 л. ед. ч.*)
м || *мл'*: срамъ — срамлѭ (*1 л. ед. ч.*)
п || *пл'*: коупити — коуплѭ (*1 л. ед. ч.*)
б || *бл'*: гоубити — гоублѭ (*1 л. ед. ч.*)
в || *вл'*: гавити — гавлѭ (*1 л. ед. ч.*)

Зависимость артикуляции гласных от артикуляции согласных звуков

§ 27. Образование в праславянском языке мягких согласных в результате изменения согласных под влиянием *j* вызвало нарушение праславянской тенденции к слоговому сингармонизму, так как эти звуки могли оказаться в положении перед лабиализованными (огубленными) гласными непереднего ряда *о* и *u*, перед которыми согласные были всегда твердыми. Поэтому в праславянском языке еще до монофтонгизации дифтонгов под влиянием предшествующего мягкого согласного происходит изменение в артикуляции **лабиализованных** гласных **непереднего** ряда: они в этом положении переходили в **нелабиализованные** гласные **переднего** ряда, т. е. *'o* > *'e*, *'u* > *'i*.

Обычно этот переход наблюдается в мягком варианте форм словоизменения и словообразования. Например: село — морѥ, плодомь — плачемь, того — ѥго, ведомъ — знаѥмъ, мѫдрость — боуесть и т. п.

Изменение *о* > *е* после мягкого согласного могло происходить и в составе дифтонга, т. е. *'oi̯* > *'ei̯*. В связи с этим изменением находится соответственное употребление *ѣ* из дифтонга *oi̯* в твердом варианте и *и* из дифтонга *ei̯* в мягком варианте. Например: *М. п. ед. ч.* плодѣ < **plodoi̯*, но плачи < **plakjoi̯* > **plač'ei̯*; *2 л. мн. ч. повел. накл.* берѣте < **beroi̯te*, но пишите < **pisjoi̯te* > **pišei̯te*.

Точно так же **лабиализованный непереднего ряда** *u* (краткий или долгий) после мягких согласных изменялся в **нелабиализованный переднего ряда** *'i* (краткий или долгий). Это изменение отражается в старославянском языке в соответственном употреблении ъ (из *ŭ*) и ꙑ (из *ū*) после твердых согласных, а также ь (из *ĭ*) и и (из *ī*) после мягких согласных. Например: плодъ — плачь, ржкъ — земль *(Р. п. мн. ч.)*, плодꙑ — плачи *(Т. п. мн. ч.)*.

Кроме того, в некоторых случаях на конце слова в старославянском языке отражается соответственное употребление ꙑ после твердых согласных и ѧ после мягких согласных. Например: женꙑ — землѩ *(Р. п. ед. ч.)*; плодꙑ — плачѧ *(В. п. мн. ч.)*; ведꙑ — знаѩ *(действ. прич. наст. вр.)*.

§ 28. Таким образом, в силу рассмотренных выше фонетических процессов (изменения согласных перед гласными переднего ряда, изменения согласных в сочетании с *j* и перехода лабиализованных гласных непереднего ряда в нелабиализованные переднего ряда) в старославянском языке установилось соотносительное употребление согласных и гласных звуков, которое может быть представлено в таблице (см. с. 92).

Дальнейшие изменения мягких согласных

§ 29. Памятники старославянской письменности дают указание на возможное отвердение некоторых мягких согласных в болгарских говорах XI в.

Так, можно думать, что в языке писцов Саввиной книги и Супрасльской рукописи произошло отвердение мягкого *r'*. Об этом говорят обычные для этих памятников написания ра вместо рꙗ, роу вместо рю, рж вместо рѭ: мороу, цр҃а (цѣсара), распьра, съмѣраетъ сѧ (Сав. кн.); покараемъ, твораста, сътворж (Супр. рук.).

Можно предполагать и отвердение мягких свистящих, так как написания ца, ѕа (за), са, цоу, ѕоу (зоу) и цж, ѕж (зж), сж встречаются в старославянских памятниках чаще, чем написания с йотованными буквами. Например: польѕа (польза), пьшеница, отьца, в'са, вьсакъ, отьцоу, кънѧѕоу (кънѧзоу), польѕж (пользж), пьшеницж, всж и т. п.

Однако написания с а, оу, ж не являются надежным критерием для определения отвердения этих согласных, так как гласные *а, оу, ж* могли употребляться в старославянском языке в положении после твердых и мягких согласных (см. табл.).

Согласные / Гласные		Твердые	Полумягкие	Мягкие	
		п, б, ф, в, т, д, с, з, м, н, р, л, к, г, х	*п̇, б̇, в̇, ф̇, т̇, д̇, с̇, з̇, м̇, н̇, р̇, л̇, к̇, г̇, х̇* (только в заимствованных словах)	*j', ш', ж', ч', шт', жд', н', р', л'*	*ц', ѕ', с'*
Переднего ряда	*и*	–	+[1] пити, китъ	+ шити	+ отьци
	є	–	+ пешти, кедръ	+ шесть	+ лицє
	ѧ	–	+ пѧть	+ бъішѧ (*3 л. мн. ч.*)	+ отьцѧ (*В. п. мн. ч.*)
	ь	–	+ пьнѫ (*1 л. ед. ч.*)	+ шьдъ	+ отьць
	ѣ	–	+ пѣти	–	+ цѣна
Непереднего ряда	*а*	+ пакъі	–	+ ноша (ношꙗ)	+ отьца (отьцꙗ)
	оу	+ поустъ	–	+ шоумъ (шюмъ)	+ отьцоу (отьцю)
	ѫ	+ пѫто	–	+ ношѫ (ношѭ)	+ овьцѫ (овьцѭ)
	о	+ полъ	–	–	–
	ъ	+ снопъ	–	–	–
	ъі	+ снопъі	–	–	–

Поэтому написания типа отьца, вьса, кънѧѕоу могут рассматриваться как неточные, не имеющие фонетического значения.

Более показательными в этом отношении являются написания с ъ вместо ь: ръібицъ, кошъницъ, сѫчецъ (Мар. ев.); конєцъ, срьдєцъ (Супр. рук.). Но и они, поскольку *ь* в этих словах был в слабой позиции (конец слова) и мог, следовательно, смешиваться с ъ, не вполне убедительны. Наибольшей доказательностью отвердения *ц* и *ѕ* обладают единичные написания, отмеченные в Мариинском евангелии, этих звуков с *ъі*, т. е. с таким гласным, который не мог употребляться после мягких согласных: старьцъі и пѣнѧѕъі.

---

[1] В таблице знак «–» указывает на невозможность сочетания данных звуков, а знак «+» — на возможность сочетания, что иллюстрируется примерами.

Что касается мягких шипящих *ч, ж, ш, шт, жд*, то написания их с нейотованными буквами **а**, **ѫ** и очень редкие с **оу**, имеющиеся также в старославянских памятниках, вряд ли говорят об отвердении этих звуков, так как в большинстве современных болгарских говоров шипящие согласные мягкие, в литературном языке твердыми являются лишь *št* и *žd*.

Происхождение *j*

§ 30. В старославянской фонетической системе *j* был близок к *i̯* неслоговому, между этими звуками не было резкого артикуляционного различия. Происхождение *j*, или *i̯*, в славянских языках было различно. Славянскому *j (i̯)* в других индоевропейских языках может соответствовать также *j (i̯)* или его замены. Например: *ст.-сл.* **юнъ** — *лит. jaunas*, *лат. juvenis*; *ст.-сл.* **трие** — *скр. trayah*; *ст.-сл.* **поꙗсъ** — *лит. jůstas*; *ст.-сл.* **лаѭ** — *лит. loju*. Следовательно, в этих словах *j (i̯)* унаследован славянами еще из общеиндоевропейского языкового состояния. В других случаях *j (i̯)* появляется уже на славянской языковой почве.

Во-первых, его развитие наблюдается в начале слова перед гласными переднего ряда, а также перед *a*[1]. Причем *ē* после *j* так же, как и после мягких шипящих *č', ž', š'* (см. § 21), изменяется в гласный *a*; сочетание *jь* > *ji* > *i*. Например: **възѧти**, но **ѩти**; **възьмѫ**, но **имѫ**, где *i* < *jь*; **обѣдъ**, **сънѣсти**, но **ꙗдь**, **ꙗсти**, где *ja* < *jē*. Сохранение в приставках звуков *z* и *b* (**възѧти**, **обѣдъ**) с несомненностью говорит о том, что *j* появляется только в начале слова, так как иначе было бы ***въжѧти** — *zj* > *ž'* и ***обльꙗдъ** — *bj* > *bl'*.

Ср. также: *ст.-сл.* **ѥсть**, *лат. est*, *лит. esti*; *ст.-сл.* **ѩтро** (печень), *греч.* ἔντερα (внутренности); *ст.-сл.* **ꙗгньць**, **ꙗгнѧ**, *лат. agnus*. Эти сопоставления также показывают, что появление *j* в начале слова есть специфически славянская языковая особенность.

Вместе с тем нужно отметить, что памятники старославянской письменности отражают непоследовательное употребление *j* перед *a* и *e* в начале слова. В ряде слов наблюдаются написания не только с начальным *j*, но и без него. Например: **ꙗвити** (Мар. ев., Зогр. ев., Сб. Кл., Син. пс., Супр. рук., Сав. кн., Л. Унд.,

---

[1] Кроме *j*, в начале славянского слова развивался согласный *v* перед гласными **ъ** и **ы**, что связано с их происхождением из лабиализованных гласных *ŭ* и *ū* (см. § 11). Например: **въпити** и **въз-ъп-ити**, **выдра** при *лит. udra*.

Ост. ев.), но **авити** (Мар. ев., Зогр. ев., Асс. ев., Син. пс., Супр. рук.); **ꙗзъ** (Мар. ев., единично), но **азъ** в остальных памятниках; **ꙗгньць** (Сб. Кл.), но **агньць** (Мар. ев., Син. пс., Сав. кн., Супр. рук.); **ꙗште** (Мар. ев., Син. пс.), но **аште** (Мар. ев., Син. пс., Супр. рук.); **ѥзеро, ѥлень, ѥгда** (Супр. рук.), но там же **езеро, елень, егда** и др.

Эти колебания в употреблении *j* в начале слова, имеющиеся в памятниках старославянской письменности, еще не получили в специальной литературе всестороннего объяснения. Большинство исследователей указывает на связь развития *j* с положением в предложении (в начале или середине его) слова с начальным *j* или без него[1].

Вероятно, первоначально *j* в начале слова развивался внутри предложения в положении после гласного переднего ряда, т. е. в сочетаниях типа *ovьca i agnę* > *ovьca i jagnę, i azъ* > *i jazъ*. Затем в разных славянских языках происходило обобщение данных слов или с начальным *j*, или без него.

Важно заметить, что протекавшее в дописьменный период развитие *j* в начале слова перед гласным переднего ряда *e* и перед *a* в старославянском языке второй половины IX в. уже не являлось фонетической закономерностью. Заимствованные из греческого языка слова с начальными *a* и *e* переданы преимущественно через **а** и **е**, а не через **ꙗ** и **ѥ**, например: **адъ, ангелъ, аминъ, елинъ, епископъ, ефратъ**, но возможны и **ꙗ** и **ѥ**, например: **ꙗнкѵра** (Супр. рук.) — *греч.* ἄγκυρα, **ѥлисеи** (Супр. рук.) — *греч.* Ἐλισσαῖος, **ꙗсоуръ** (Син. пс.) — *греч.* Ἀσσούρ.

Во-вторых, *j (i̯)* развивался в праславянском языке из гласного *i*, если этот гласный оказывался перед другим гласным. Этот процесс ярко представлен в образовании ряда форм от глаголов с основой на *-i* (*IV класс*): 1) 1 лица единственного числа настоящего времени: *ст.-сл.* **рождѭ** из **rodiǫ* > **rodjǫ*; 2) имперфекта: *ст.-сл.* **рождꙗахъ** из **rodiēachъ* > **rodjēachъ*; 3) действительных причастий прошедшего времени: *ст.-сл.* **рождь** из **rodiъs* > **rodjьs*; 4) страдательных причастий прошедшего времени: *ст.-сл.* **рожденъ** из **rodienъ* > **rodjenъ*; 5) глаголов со значением длительности, повторяемости действия: *ст.-сл.* **раждати** из **rōdiati* > **rōdjati*.

В-третьих, *j* развивался в праславянском языке из *i̯* при распаде дифтонгов в положении перед гласными звуками: **поѭ** из **poi̯ǫ*, ср. **пѣти** из **poi̯ti* (см. § 13).

---

[1] См.: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. С. 112–113; *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 220.

Наконец, развитие *j* на славянской почве наблюдалось при монофтонгизации дифтонга *eu̯*: рюти (реветь) из **reu̯ti* > **rjuti*; блюдѫ (*1 л. ед. ч.*) из **beu̯dǫ* > **bjudǫ*.

Утрата *j* и стяжение гласных звуков

§ 31. В памятниках старославянской письменности XI в. отразилась утрата *j (i̯)* в положении между гласными в сочетаниях *aja*, *aje*, *uje*, *ěje*. Следствием этой утраты явилось уподобление последующего гласного предыдущему и их стяжение.

1. *aja* > *aa* > *a*: злаꙗ > злаа, каꙗ > каа, покаꙗние > покаание, окаꙗнии > окаании > окании.

2. *aje* > *aa* > *a*: в глаголах III класса — имаѥши > имааши > имаши, раждаѥтъсѧ > раждаатъсѧ > раждатъсѧ; в родительном падеже единственного числа полных прилагательных мужского и среднего рода — небесьнаѥго > небесьнааго > небесьнаго. В Киевском миссале и Саввиной книге имеются только стяженные формы на -аго.

3. *uje* > *uu* > *u*: в глаголах III класса — радоуѥтъсѧ > радоуоутъсѧ > радоутъсѧ, съвѣдѣтельствоуѥтъ > съвѣдѣтельствоуоутъ > съвѣдѣтельствоутъ; в дательном падеже единственного числа полных прилагательных мужского и среднего рода — недѫжьноуѥмоу > недѫжьноуоумоу > недѫжьноумоу.

4. *ěje* > *ěě* > *ě*: в местном падеже единственного числа полных прилагательных мужского и среднего рода — июдеисцѣѥмь > июдеисцѣѣмь > июдеисцѣмь, поустѣѥмь > поустѣѣмь > поустѣмь. В этом случае, кроме описанного выше явления, памятники старославянской письменности отражают также изменение *ѣѥ* > *ѣа*. Например: добрѣам (Асс. ев.); добрѣа, оумѣатъ, цѣлѣатъ (Мар. ев.) вместо добрѣѥмь, добрѣѥ, оумѣѥтъ, цѣлѣѥтъ.

Кроме того, стяжение гласных наблюдалось в старославянском языке и в других случаях. Например: а) *ыи* > *ы*: добрыи > добры; добрыихъ > добрыхъ и т. п.; б) *ии* > *и*: ближьниихъ > ближьнихъ; сѫдии > сѫди; о спасении > о спасени; приидє > придє; в) *ѣа* > *ѣ*: видѣахъ > видѣхъ; живѣаше > живѣше; г) *аа* > *а*: въпраıцааше > въпрашаше; облачааше > облачаше.

Изменение *s* > *ch*

§ 32. Памятники старославянской письменности отражают переход звука *с* в *х*. Такой переход отражен, например, в фор-

мах аориста: *2 л. мн. ч.* рѣсте, бысте, любисте, но *1 л. мн. ч.* рѣхомъ, быхомъ, любихомъ. Это фонетическое изменение относится к праславянскому периоду и обусловлено положением звука s после звуков *i*, *u*, *r*, *k*. Причем переход этот осуществлялся в тот древнейший период, когда гласные *i* и *u* различались еще по долготе и краткости и могли находиться в составе дифтонгов. Следовательно, памятники старославянской письменности отражают изменения *s* в *ch* после *и* (из *ī* и дифтонгов *ei̯*, *oi̯*), *ь* (из *ĭ*), ы (из *ū*), ъ (из *ŭ*), *ѣ* (из дифтонгов *oi̯*, *ai̯*), *оу* (из дифтонгов *au̯*, *ou̯*, *eu̯*), *р*, *к*. Например: *1 л. аор.* молихъ из **molīsъ*; *М. п.* трьхъ из **trĭsъ*, ср. *лит. trisu*; мышь, где *š'* из *ch* по первому смягчению, из **mūsь*, ср. *лат. mūs*; блъха из **blŭsa*, ср. *лит. blusa*; соухъ из **sousъ*, ср. *лит. sausas*; врьхъ из **vьrsus*, ср. *лит. viršus*; рѣхъ из **reksъ*.

Однако изменение *s* в *ch* будет отсутствовать в том случае, если *s* окажется в сочетании с согласными *t*, *p*, *k*. Это наблюдается, например, при образовании аориста: при быхъ, рѣхъ — бысте, рѣсте, а также и в других случаях: при прахъ (пыль) из **porsъ* — прьсть (земля), то же в искати, истина.

Иногда, наоборот, в памятниках старославянской письменности наблюдается переход *s* в *ch* при отсутствии условий для такого изменения. Во всех этих случаях появление звука *ch* происходило по аналогии с другими близкими формами. Так, под влиянием фонетически закономерных форм аориста рѣхъ, быхъ, крыхъ, плоухъ, любихъ и т. п. появились формы знахъ, дахъ, видѣхъ (ѣ из *ē*), начѧхъ. Однако в этом случае в старославянском языке возможно сохранение и фонетически закономерных форм аориста без перехода *s* в *ch*: басъ, вѣсъ, начѧсъ.

Точно так же под влиянием фонетически закономерных форм местного падежа множественного числа рабѣхъ (ѣ из *oi̯*), сынъхъ, костьхъ появились формы с флексией -хъ и у основ на гласный *-а*: женахъ, водахъ и пр.[1]

История неполногласия (сочетания типа *трат*)

§ 33. 1. Так называемое **неполногласие**, т. е. сочетания *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*, находившиеся в положении между согласными в составе одной морфемы, являлось характерной чертой старосла-

---

[1] Нельзя смешивать переход звука *с* в *х* с законом второго смягчения заднеязычных, при котором *х* изменяется в *с'*. Взаимозаменяемость этих звуков обусловлена их артикуляционной близостью.

вянского языка. Подобного рода сочетания имеются и в других южнославянских языках, а также в чешском и словацком языках. Например, при *ст.-сл.* градъ, мразъ, глава, гладъ, брѣгъ, прѣдъ, млѣко в *болг. град, мраз, глава, глад, бряг, мляко*, где *'а (я)* из *ě*; в *серб. гра̂д, гла̂д, гла́ва, бре̂г, мле́ко*, где *е* из *ě*; в *словен. mraz, glava, glas, pred, mleko*, где *e* из *ě*; в *чеш. mráz, hlava, břeh, před, mleko*, где *e* из *ě*; в *словац. mraz, hlava, hlad, breh, mlieko*, где *e* и *ie* из *ě*.

В восточнославянских языках неполногласным сочетаниям южнославянских языков соответствует так называемое **полногласие**, т. е. сочетания *оро, ере, оло, ело*. Ср. *рус. город, мороз, голова, голод, берег, перед, молоко, др.-рус.* полонъ.

В прочих (северо-западных) славянских языках, за исключением не совсем ясных соответствий кашубского языка, неполногласным сочетаниям старославянского языка соответствуют сочетания типа *ro, lo, re, le*. Ср. *пол. głowa, gród, mróz, głód*, где *u (ó)* из *o*, *brzeg, przed, mleko*.

2. При помощи сравнительно-исторического метода установлено, что как неполногласие, так и соответственные ему сочетания других славянских языков развились из дифтонгических сочетаний с плавными типа *or, ol, er, el* в силу действия закона открытого слога и могут быть возведены к единой праславянской форме с древним закрытым слогом, к такой форме, в которой гласный предшествовал плавному, и это сочетание находилось в положении между согласными. Условно эту праславянскую форму передают как **tort, *tolt, *tert, *telt*, где *t* — любой согласный.

Восстановление праславянской формы типа **tort* основано, во-первых, на сопоставлении славянских фактов с фактами других индоевропейских языков и, во-вторых, на данных самих славянских языков. Так, в других индоевропейских языках неполногласным сочетаниям старославянского языка постоянно соответствуют слова с закрытым слогом. Например: *ст.-сл.* глава — *лит. galva*; *ст.-сл.* вранъ — *лит. varna*; *ст.-сл.* врата — *лит. vartai*; *ст.-сл.* градъ — *лит. gardas* (загородка), *нем. Garten*; *ст.-сл.* брѣгъ — *нем. Berg*; *ст.-сл.* злато — *нем. Gold*.

В самом же старославянском языке неполногласным сочетаниям *ра, ла, рѣ, лѣ* в определенных условиях также могут соответствовать сочетания *ор, ол, ер, ел*. Например: ст-ра-на и прост-ор-ъ, з-ра-къ и поз-ор-ъ, б-рѣ-мѧ и б-ер-ѫ *(1 л. наст. вр.)*.

Во всех подобных случаях сочетания *ор, ол, ел, ер* находятся в положении перед гласным звуком, т. е. в открытом слоге, и

поэтому они изменениям не подвергались. Наоборот, сочетания *ра, ла, рѣ, лѣ* находятся в положении перед согласным звуком и, следовательно, в праславянский период в данном положении сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* находились в закрытом слоге: **stor-na*, **zor-kъ*, **ber-mę* и должны были подвергнуться изменению в силу действия закона открытого слога.

3. Однако изменение древнего закрытого слога типа **tort* не было одинаковым в разных славянских языках.

У южных славян, а также в чешском и словацком языках, наблюдалось перемещение (метатеза) гласного и плавного и продление гласного звука, т. е. *ō > a*, *ē > ě* (ѣ). Таким образом, **tort > *trōt > trat*, **tolt > *tlōt > tlat*, **tert > *trēt > trět*, **telt > *tlēt > tlět*.

У восточных славян гласный перед плавным сохранялся, а открытие слога происходило путем развития в положении после плавного вторичного гласного такой же артикуляции, что и перед плавным. Таким образом, **tort > *torot*, **tolt > *tolot*, **tert > *teret*.

Сочетание **telt* в восточнославянских языках перед твердым согласным подвергалось изменению в **tolt*, которое затем давало **tolot*. Ср. *ст.-сл.* млѣко, влѣкѫ *(1 л. ед. ч. наст. вр.)*, плѣнъ и *рус. молоко, волоку*, *др.-рус.* полонъ. Однако у восточных славян возможно и иное изменение сочетания **telt*: ср. *ст.-сл.* шлѣмъ и *др.-рус.* шеломъ. Вариант **telot* развивался в древнерусском языке в положении после шипящих согласных.

Вероятно, гласный звук, который развивался у восточных славян после плавного, первоначально был короче обычных *о* и *е*. Об этом говорят факты украинского языка. В украинском языке гласные *о* и *е*, оказавшись в закрытом слоге после утраты слабых редуцированных, получив продление, подверглись переходу в гласный *і*. Ср., например: *рус. дом — укр. дім*, *рус. нож — укр. ніж*, *рус. печь — укр. піч*, *рус. лед — укр. лід*. В словах с полногласием это изменение обычно отсутствует. Ср. *рус. и укр. голос*, *город*, *голод*, *мороз*, *колос*, *берег* и т. д. Сохранение *о* и *е* в закрытом слоге в полногласных словах может говорить о том, что в полногласии вторичные *о* и *е* не были обычными гласными в количественном отношении: получая продление в результате утраты редуцированных, они достигали лишь степени обычных кратких *о* и *е*.

Наличие в украинском языке полногласных форм с изменением *о* и *е* в гласный *і* (например, *укр. поріг*, *корів*, *борін*, *голів*, *боліт*, *ворін* и т. п.) разные ученые объясняют по-разному.

Одни считают, что эти формы появились по аналогии с фонетически закономерными формами: *nopiг* — как *piг*, *копiв* — как *робiт*[1]. Другие объясняют их образование акцентологическими причинами — особым видом интонации[2].

Образование северо-западнославянских форм не получило еще общепринятого объяснения. Одни ученые полагают, что в северо-западных языках осуществлялся тот же процесс перестановки гласного и плавного, что и в языках южных (чешском и словацком), но только при этом процессе не наблюдалось продления гласных *о* и *е*[3]. Другие ученые, наоборот, считают, что в северо-западных языках протекал тот же процесс, что и в языках восточно-славянских. Но в данном случае образовавшиеся формы типа **torot* подвергались дальнейшему изменению, которое свелось к утрате гласного перед плавным: **torot* > **trot*[4].

4. Изменение праславянских форм типа **tort* было относительно поздним процессом. Оно осуществилось значительно позднее изменения групп согласных с *j*, так как в том случае, когда *or*, *ol*, *er*, *el* оказывались в положении перед *j*, наблюдалось иное раскрытие древнего закрытого слога, носившее общеславянский характер. Так, сочетания *rj* и *lj* во всех славянских языках изменились в *r'* и *l'* (см. § 25), например: **volja* > *vol'a*. Ср. также: *ст.-сл.* колѭ *(1 л. наст. вр.)* и клати, мелѭ *(1 л. наст. вр.)* и млѣти. И в том и в другом случае в праславянском языке были закрытые слоги: **koljǫ*, **meljǫ*, с одной стороны, **kolti*, **melti* — с другой. Но ко времени изменения форм типа **tolt* сочетания согласных с *j* уже упростились в мягкие согласные, и, следовательно, от глаголов **kolti* и **melti* в формах настоящего времени в тот период уже образовались открытые слоги — *ko-l'ǫ* (колѭ), *me-l'ǫ* (мелѭ). Этим и объясняется различие основы настоящего времени и основы инфинитива у данных глаголов.

5. Описанные выше изменения в формах типа **tort* отразились и в древнейших заимствованиях. Так, весьма характерна передача у разных славян имени крупного полководца и завоевателя раннего средневековья Карла Великого (768–814): у

---

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 170.

[2] См.: *Булаховский Л. А.* Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 6.

[3] См.: *Лескин А.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915. С. 106.

[4] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. С. 170–171.

южных славян, чехов и словаков появилась неполногласная форма — например, *болг. крал, чеш. král*; у восточных славян *король*; наконец, у поляков *król*, где *u (ó) < o*.

В более позднее время, в период создания старославянской письменности, наблюдается уже другой способ открытия слога в заимствованных словах с формой **tort*. Он заключается в том, что после плавного развивается редуцированный гласный. Ср., например: *греч.* βάρβαρος и *ст.-сл.* варъваръ, *греч.* Βαρτιμαῖς и *ст.-сл.* варьтимен, *греч.* Καπερναούμ и *ст.-сл.* капернаоумъ.

Эти факты говорят о том, что во второй половине IX в., несмотря на сохранение прежней тенденции к открытости слогов, процесс изменения форм типа **tort*, характерный для дописьменного времени, прекратился.

Изменение начальных *ort*, *olt*

§ 34. В начале слова сочетания *ort* и *olt* (для *ert* и *elt* нет достоверных примеров) также подверглись изменениям. В южнославянских языках, и отчасти в словацком языке, при изменении начальных *ort*, *olt* наблюдался тот же процесс, что и при образовании неполногласия, т. е. происходила перестановка гласного и плавного с одновременным продлением гласного ($\bar{o}$ > *a*): **ort* > **rōt* > *rat*, **olt* > **lōt* > *lat*.

Таково происхождение начальных ра, ла в следующих словах старославянского языка: ратаи (пахарь) из **ortai*, ср. *ст.-сл.* ор-ати (пахать), *греч.* ἀρότης, *лит.* *artojas*; рало (соха) из **ordlo*, ср. *греч.* ἄροτρον, *лат.* *ăratrum*, *лит.* *árklas*; рамо (плечо) из **ormo*, ср. *лат.* *armus*, *нем.* *Arm*; лакати (ощущать голод) из **olkati*, ср. *лит.* *álkti* (быть голодным); ладии (лодка) из **oldii*, ср. *лит.* *eldija*, *oldija*; лакътъ из **olkъtъ*, ср. *лит.* *alkune*; лании из **olnii*, ср. *лит.* *elnis*, *álnis* (олень); равьнъ из **orvьnъ*, ср. *др.-прус.* *arwis* (подлинный); таково же происхождение и глагола расти из **orsti*, и приставки раз- из **orz*.

В восточнославянских и западнославянских языках имеются два разных рефлекса древних *ort* и *olt*. Когда на сочетания *ort*, *olt* падало ударение восходящего тона, в этих языках происходило то же изменение, что и в южнославянских языках. Ср. *др.-рус.* рало, ратаи, рамо, лакомъıи.

Если же на сочетания типа *ort*, *olt* падало ударение нисходящего тона или они были безударными, то у восточных и западных славян при перестановке не наблюдалось продления гласного, т. е. появлялись формы типа *rot*, *lot*. Ср. *рус. лодка, локоть, ровный, роз-, рост* и т. д.

В памятниках старославянской письменности, обычно представляющих закономерные *ра, ла* в начале слова вместо общеславянских *ort, olt*, иногда встречаются отклонения. Так, в Супрасльской рукописи имеется начальное *ро* при преимущественном употреблении начального *ра* в следующих словах: робъ, розбити, розбоиникъ, розвѣ, розличьнъ, розмысливъ, ростворивъ, рошírити (из росширити). Начальное *ло* вместо *olt* в старославянских памятниках не засвидетельствовано. Но в ряде памятников старославянской письменности (Зографском евангелии, Мариинском евангелии, Саввиной книге, Супрасльской рукописи, Остромировом евангелии) встречается передача древнего *olt* как *алъ*. Например: при ладии — алъдии, при лакати — более обычно алъкати, алъчьнъ, алъчьба, при лании — алънии.

Тот же способ избежать закрытого слога отражается в старославянских памятниках при передаче заимствованных слов. Например: *лат.* *altare* — *ст.-сл.* алътарь или олътарь, *греч.* ὄργανον — *ст.-сл.* оръганъ.

Изменение групп согласных

§ 35. В старославянском языке второй половины IX в. употребление групп согласных в связи с общеславянской тенденцией к открытости слогов было ограничено. Употреблялись только такие группы согласных, которые не образовывали закрытого слога, т. е. только такие, которые входили в состав одного слога. Доказательством тому может служить их употребление в начале слова: снѣгъ, знати, сльза, хлѣбъ, братъ, трава, свѣтъ, квасъ и др. К таким группам прежде всего относились группы с предшествующим щелевым согласным *с* или *ꙁ*: *сп, ст, ск, сл, сн, см, св* — господь, нести, искати, мысль, весна, есмь *(1 л. ед. ч.)*, есвѣ *(1 л. дв. ч. от быти)*; *ꙁб, ꙁд, ꙁг, ꙁл, ꙁн, ꙁм, ꙁв* — разбити, мьзда, розга, жьзлъ, казнь, възмошти, газва.

Кроме того, не подвергались изменению некоторые группы согласных с последующими сонорными и *в*. Так, в старославянском языке сохранились еще и следующие группы согласных: *кн, гн, хн* — никнѫти, агньць, съхнѫти; *пл, бл, кл, гл, хл* — теплъ, добль, теклъ, мьгла, дрѧхлъ; *пр, бр, тр, др, кр, гр, хр* — вепрь, добръ, вѣтръ, мѫдръ, мокръ, игра; *тв, дв, кв, гв, хв* — клѧтва, квасъ, пригвоздити, влъхвъ.

Все эти группы согласных были унаследованы старославянским языком из праславянского. Прочие же группы согласных еще в праславянский период подвергались изменениям, приво-

дившим к открытию слога. Эти изменения были в основном двух типов: 1) один из согласных, обычно предшествующий взрывной, подлежал утрате: *dadmь > дамь *(1 л. ед. ч.)*; 2) предшествующий взрывной изменялся в соответствующий щелевой: *dadtъ > дастъ *(3 л. ед. ч.)*.

I. Изменение групп согласных с последующим *t*.

1. *pt, *bt, *vt > *t*: тепѫ *(1 л. наст. вр.)* — тети *(инф.)* из *tepti, гребѫ *(1 л. наст. вр.)* — грети *(инф.)* из *grebti, живѫ *(1 л. наст. вр.)* — жити *(инф.)* из *živti.

2. *tt, *dt > *st*: метѫ *(1 л. наст. вр.)* — мести *(инф.)* из *metti, ведѫ *(1 л. наст. вр.)* — вести *(инф.)* из *vedti, дадѧтъ *(3 л. мн. ч.)* — дастъ *(3 л. ед. ч.)* из *dadtъ.

3. Группы *kt, *gt имели двоякое изменение. Перед гласными переднего ряда *kt*, *gt* > *s͡t'*: рекѫ *(1 л. наст. вр.)* — решти *(инф.)* из *rekti; могѫ *(1 л. наст. вр.)* — мошти *(инф.)* из *mogti. Это изменение, безусловно, связано с первой палатализацией (см. § 21).

Перед гласными непереднего ряда *kt*, *gt* > *t*: пѧтъ *(пятый)* из *penktъ, ср. *лит.* penktas; плетѫ *(1 л. наст. вр.)* из *plektǫ, ср. *лат.* plectō.

II. Изменение групп согласных с последующим *s*.

1. *ps, *bs, *ts, *ds, *ss > *s*: оса из *opsa, ср. *лит.* vapsa; грѣсъ *(1 л. аор.)* из *grēbsъ, ср. гребѫ; чисъ *(1 л. аор.)* из *čītsъ, ср. чьтѫ; вѣсъ *(1 л. аор.)* из *vēdsъ, ср. ведѫ; ѥси *(2 л. наст. вр.)* из *jessi, ср. ѥс-тъ.

2. Группа *ks имела в истории славянских языков разную судьбу. Если далее шел согласный звук, то взрывной *k* подвергался утрате: *kst > *st*; но если согласный отсутствовал, то *ks > *kch > *ch* (см. § 32). Ср. формы аориста от решти: *1 л. мн. ч.* рѣхомъ из *reksomъ и *2 л. мн. ч.* рѣсте из *rekste.

III. Упрощение групп согласных с последующим *n*.

1. *pn*, *bn*, *tn*, *dn* > *n*: канѫти из *kapnǫti, ср. капати; сълънѫти из *sъgъbnǫti, ср. сългыбати; освьнѫти из *osvьtnǫti, ср. свѣтити; оуванѫти из *uvędnǫti, ср. оувѧдати.

2. *skn* > *sn*: плеснѫти из *plesknǫti, ср. плѣскати; бльснѫти из *blĭsknǫti, ср. блискъ.

IV. Изменение групп согласных с последующим *m*.

*bm, *dm, *tm > *m*: омъгти из *obmyti, вѣмь, ꙗмь, дамь *(1 л. наст. вр.)* из *vědmь, *jadmь, *dadmь, ср. вѣдѧтъ, ꙗдѧтъ, дадѧтъ *(3 л. наст. вр.)*; плема из *pledmen, ср. плодъ, плодити.

Изменение сочетания **tm* следует видеть в *ст.-сл.* врѣмѧ из **vertmen*, где корень — *vert-* || *vort-* (ср. *рус. вертеть, воротить*).

V. Изменение групп с последующим *l*.

**tl*, **dl* > *l*: мелъ из **metlъ*, ср. метѫ; велъ из **vedlъ*, ср. ведѫ; палъ из **padlъ*, ср. падѫ.

Этот процесс, отраженный памятниками старославянской письменности, протекал как в южнославянских, так и в восточнославянских языках, но в западнославянских языках сочетания **tl*, **dl* упрощению не подвергались. Ср. *рус. плела, горло, ель, мыло, шило, болг. плела, гърло, ела, шило, серб. плела, грло, јела, шило*; но *чеш. pletla, hrdlo, jedle, mydlo, šidlo* и *пол. plotła, gardło, jodła, mydło, szydło*.

VI. При упрощении группы **bv* утрачивался, в отличие от вышерассмотренных типов, не взрывной согласный, а длительный: *bv* > *b*. Например: облакъ из **obvolkъ*, облѣкати из **obvelkati*, облачити из **obvolčiti*, обратити из **obvortiti*, обитати из **obvitati*, область из **obvoldtь*, обѧзати из **obvęzati*.

§ 36. Памятники старославянской письменности, достаточно полно отразившие праславянские изменения в группах согласных, вместе с тем с определенностью свидетельствуют о том, что в XI в. вследствие утраты слабых ъ и ь в старославянском языке появились такие сочетания согласных, которые в дописьменный период подлежали упрощению. Таковы сочетания *тл, дл, пн, бн, тн, дн, пт, пс* и др. Например: подобно, дни, птица, пси *(И. п. мн. ч.)*, пса *(3 л. аор.)* и т. п. Кроме того, изредка памятники старославянской письменности отражают в группах согласных ассимиляционные процессы, которые являются следствием утраты редуцированных гласных: сьде > зде — уподобление по звонкости (позднейшая часть Зогр. ев.); кънигъчии > книхчии — уподобление по глухости (Супр. рук.).

Разнообразные ассимиляционные процессы в группах согласных наблюдались не только как следствие утраты слабых ъ и ь, но также и при соединении предлогов-приставок, не имевших в древности конечного ъ (*раз, без, въз, из*), со словами, начинавшимися с других согласных:

1) сочетание *зз* упрощалось в *з*: безаконие (без-законие), безлобы (без злобы);

2) перед глухими согласными происходило оглушение *з* > *с*: испытати (из-пытати), въстокъ (въз-токъ);

3) перед *с* наблюдалось не только оглушение, но также и стяжение согласных *зс* > *сс* > *с*: расъпати (раз-съпати), расѫдити (раз-сѫдити), бестраха (без страха);

4) перед *ш* происходило оглушение, затем ассимилятивный переход свистящего звука в шипящий и, наконец, стяжение: *зш* > *сш* > *шш* > *ш*: **ишьдъ** (*прич. прош. вр.*) (**из-шьдъ**), **раширити** (**раз-ширити**);

5) сочетание *з* с шипящими *ж* и *ч* вследствие уподобления з шипящим звукам изменялось в сложные согласные — *зж* > *жд*, *зч* > *шт*: **иштадие** (**из-чадие**), ср. **чадо**; **бештисльнъ** (**без-числьнъ**); **иждити** (**из-жити**); **иждизати** (**из-жизати**);

6) сочетание *зр* изменялось в *здр*: **без-д-ранъ, без-д-разоума, въздрадоватися, въздрасти, въздрастъ, въздрыдати, въздринѫти, издрещи, издрыти, издрадьныи, из-д-рѫкы, раздроушити, раздрѣшити, раздрѣшение** и т. п.; то же изменение отразилось на передаче заимствованных слов: **издраиль, издраилитѣнинъ, издраилевъ**.

Кроме того, некоторые ученые полагают, что такого же происхождения *д* в словах **ноздри** и **мѧздра** от **носъ** и **мѧсо**. Однако остается неясным, почему в этих случаях *s* изменился в *z*.

История предлогов-приставок **въ-, съ-, къ-**

§ 37. Предлоги-приставки **въ** и **съ** в памятниках старославянской письменности в положении перед гласными звуками иногда имеют на конце согласный *н*: **вън, сън**. Например: **вънити, сънити** от **ити**; **вънѧти, сънѧти** от **ѩти, сънѧтие**; **вънимати, сънимати** от **имати**; **сънѣдь, сънѣсти, сънѣдати** от **ѣд-**, ср. **ѣсти, ѣдь**; **вънoушити**, ср. **оухо**; **сньмъ, сньмище**, ср. **възьмѫ**; **вънѣдра, вънѣдрѣхъ** от **ѣдро**. Такая вариантность в употреблении данных предлогов-приставок также связана с тенденцией к открытости слогов.

Как показывает сравнение с другими индоевропейскими языками, в праславянский период старославянские предлоги-приставки **въ, съ**, а также предлог **къ** имели на конце согласный *n*: ср. *ст.-сл.* **вън** — *греч.* ἐν, *лат. in*; *ст.-сл.* **сън** — *сскр. săm*; *ст.-сл.* **кън** — *сскр. kăm*.

В том случае, когда эти предлоги-приставки присоединялись к слову, начинавшемуся с гласного звука, конечный согласный сохранялся, так как при этом закон открытого слога не нарушался. Слогоделение было такое: **въ-ни-ти, въ-ни-ма-ти, съ-нѣ-дь** и т. д.

Но если эти предлоги-приставки присоединялись к словам, которые начинались с согласных звуков, то образовывались за-

крытые слоги: **kъn-gorě*, **sъn-gory*, **vъn-gorě*; **sъnsědъ*, **sъn-prǫgъ*, **sъn-protivъ*; **kъn-jemu*, **sъn-jego*, **vъn-je*.

Упрощение этих закрытых слогов было различно. Обычно перед любым согласным, кроме *j*, конечный согласный предлога-приставки подвергался утрате. Таким путем образовались формы въ, съ, къ. Частота употребления этих форм в языке вызвала их аналогичное употребление и в положении перед гласными звуками: въобразити, въорѫжити, въ огнь, въ имѧ, въ оуста и т. д. В немногих случаях раскрытие древнего закрытого слога происходило путем образования носового гласного *ǫ*: сѫсѣдъ (ср. *рус. диал. сусед*), сѫпрѫгъ (упряжка двух волов), сѫпротивь.

Наконец, сочетание *nj* изменялось, как обычно, в мягкий согласный *n'*: въңєгда, въңємь, въңь, къңємоу, съңимь и т. д. Но так как в языке закрепилось употребление предлогов без конечного *n* (въ, къ, съ), то при сочетании данных предлогов с формами указательного местоимения конечный согласный предлога стал относиться к местоимению. Таким путем появились формы въ ңємь, въ ңь, къ ңємоу, съ ңимь, которые затем по аналогии стали употребляться и после других предлогов: на ңь, прѣдъ ңимь, до ңєго и т. д. Ср. также: отъңѧти, доңєлижє, доньдєжє.

Чередование гласных звуков

§ 38. Под чередованием гласных звуков понимается закономерная мена их в составе одной морфемы. Возникло чередование гласных в глубокой древности; представлено оно не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. Возникнув первоначально как фонетическое явление, оно с течением времени приобрело грамматическое значение, т. е. стало средством словообразования или словоизменения.

В древнем чередовании гласных звуков различают чередования качественные и количественные.

Качественные чередования — это чередования гласных, разных по артикуляции: *ĕ*‖*ŏ* или *ē*‖*ō*. Например: берѫ — съборъ, текѫ — въстокъ, где гласный *е* определяет глагольную основу, а гласный *о* — именную. Ср. то же в греческом языке: λέγω (говорю) — λόγος (слово), φέρω (несу) — φόρος (пóдать).

Количественные чередования — это чередования по долготе и краткости гласных одной артикуляции: *ĕ*‖*ē* или *ŏ*‖*ō*. Ср., например, количественное чередование *ŏ*‖*ō* в греческом языке: *И. п. ед. ч.* ποταμός (река), ἄνθρωπος (человек) — *И. п. дв. ч.* ποταμῶ (2 реки), ἀνθρώπω (2 человека), где гласный *ŏ* определяет форму

ед. ч., а гласный $\bar{o}$ — форму дв. ч. То же чередование получило отражение и в старославянском языке: *И. п. ед. ч.* чловѣкъ, где ъ из $\breve{o}s > \breve{u}s$ — *И. п. дв. ч.* чловѣка, где а из $\bar{o}$.

Качественное чередование гласных имело ступень редукции, т. е. ослабленную ступень чередующихся гласных, причем рефлексы ее в разных индоевропейских языках различны. Условно ступень редукции кратких гласных обозначают через α, ступень редукции долгих гласных — через $ə$. Таким образом, в качественном чередовании гласных могут быть установлены следующие ряды чередующихся гласных: $\breve{e} \| \breve{o} \| \alpha$ — ступень ослабления кратких гласных, $\bar{e} \| \bar{o} \| ə$ — ступень ослабления долгих гласных.

На ступени ослабления кратких гласных в праславянском языке могли быть представлены разные рефлексы: $\breve{i} >$ ь, реже $\breve{u} >$ *ъ* и в единичных случаях ноль звука. Следовательно, в старославянском языке возможен такой ряд чередований кратких гласных: *є*‖*о*‖*ь* (или ъ, или ноль звука). Например: берѫ‖съ-боръ‖бьрати; текѫ‖въстокъ‖тьци *(2 л. повел. накл.)*; женѫ (гоню)‖гонити‖гънати; єстъ *(3 л. ед. ч.)*‖сѫтъ *(3 л. мн. ч.)* — ноль звука.

Ступень ослабления кратких гласных в праславянском языке могла в чередовании получать продление, т. е. $\breve{i}$ (*ь*)‖$\bar{i}$ (*и*) либо $\breve{u}$ (ъ)‖$\bar{u}$(*ꙑ*). Например: рьци *(2 л. повел. накл.)*‖нарицати; льнѫти‖прилипати; съхнѫти‖засыхати; дъхнѫти‖дышати.

Часто чередование гласных в словах одного корня является качественно-количественным, и основной ряд его в старославянском языке следующий: *є*‖*о*‖*ѣ*‖*а*‖*ь* (или ъ, или ноль звука)‖*и* (или ꙑ). В этом ряду различаются ступень краткости *є*‖*о*, ступень долготы *ѣ*‖*а*, ступень редукции *ь* (ъ, ноль звука) и ступень продления редукции *и* (ꙑ). Например: по-гребѫ‖гробъ‖по-грѣбати‖грабити; текѫ‖токъ‖при-тѣкати‖рас-тачати‖тьци; рекѫ‖пророкъ‖на-рѣкати‖рьци‖на-рицати.

Если чередующийся гласный находился в составе дифтонгов (*ei̯*‖*oi̯* и *eu̯*‖*ou̯*) или дифтонгических сочетаний (*en*‖*on* и *er*‖*or*), то основной ряд чередований гласных в славянских языках осложнялся тем, что мог иметь два варианта на одной и той же ступени чередования в зависимости от того, в каком слоге (открытом или закрытом) оказался чередующийся гласный.

Связанными с тенденцией к открытости слогов оказались следующие ряды старославянских чередований.

I. *и, ьј* ‖ *ѣ, ој* ‖ *ај* ‖ *ь* ‖ *и*. Этот ряд чередований восходит к чередованию древних дифтонгов *eį* ‖ *oį*: гласные *и, ѣ* образовались из *eį, oį* в закрытом слоге; *ьј, ој, ај* — из тех же дифтонгов в открытом слоге; *ь* (*ĭ*) является рефлексом ступени редукции, *и* (*ī*) — рефлексом ступени продления редукции. Вот примеры данного ряда чередований: вити, вьѭ ‖ повои (повязка), где *и* из *jь* ‖ вѣнець; пити, пьѭ ‖ напои *(2 л. повел. накл.)* ‖ напаꙗти; гости *(Р. п. ед. ч.)*, где *и* из *eį* в закрытом слоге, гостьѥ *(И. п. мн. ч.)*, где *ьј* из *eį* в открытом слоге ‖ гость *(И. п. ед. ч.)*, где *ь* из *ĭ* ‖ гости *(И. п. дв. ч.)*, где *и* из *ī*.

II. *ю, ев* ‖ *оу, ов* ‖ *ав* ‖ *ъ* ‖ *ы*. Этот ряд чередований восходит к чередованию древних дифтонгов *eu̯* ‖ *ou̯*: гласный *оу (ю)* образовался из *eu̯, ou̯, au̯* в закрытом слоге; *ев, ов, ав* — из тех же дифтонгов в открытом слоге; *ъ* (*ŭ*) является рефлексом ступени редукции, *ы* (*ū*) — рефлексом продления редукции. Вот примеры данного ряда чередований: блюсти ‖ боудити ‖ бъдѣти, бъдръ; плоути, пловѫ ‖ плавати ‖ плъıти; кровъ, съкровище ‖ съкръвенъ ‖ съкръıти; съıноу *(Р. п. ед. ч.)*, где оу из *ou̯* в закрытом слоге ‖ съıнови *(Д. п. ед. ч.)*, где ов из *ou̯* в открытом слоге ‖ съıнъ, где ъ из *ŭ* ‖ съıнъı *(И. п. дв. ч.)*, где ы из *ū*.

III. *ѧ, ен* ‖ *ѫ, он* ‖ *ьн* ‖ *ин*[1]. Этот ряд чередований восходит к чередованию древних дифтонгических сочетаний *en(m)* ‖ *on(m)*: гласные *ѧ, ѫ* образовались из **en, *em* в закрытом слоге, *ен, он* — из тех же сочетаний в открытом слоге; *ьн* представляет собой ступень редукции, *ин* — ступень продления редукции. Вот примеры данного ряда чередований: звѧкъ ‖ звѫкъ, звонъ ‖ звьнѣти; запрѧгати ‖ сѫпрѫгъ (упряжка двух волов); трѧсти ‖ трѫсъ (землетрясение); начѧти, начѧло ‖ коньць ‖ начьнѫ ‖ начинати; мѧкъкъ ‖ мѫка.

IV. *рѣ, ер* ‖ *ра, ор* ‖ *р̥ь, ьр* ‖ *ир*[2]. Этот ряд чередований восходит к чередованию древних дифтонгических сочетаний *er(l)* ‖ *or(l)*: неполногласные сочетания *рѣ, ра* развились из **er, *ol* в закрытом слоге; *ер, ор* — из тех же сочетаний в открытом слоге; ступень редукции выражена либо слоговыми плавными *р̥ь* (в закрытом слоге), либо *ьр* (в открытом слоге); *ир* представляет со-

---

[1] В этом ряду гласный может сочетаться не только с *н*, но и с *м*.
[2] В этом ряду гласный может сочетаться не только с *р*, но и с *л*.

бой ступень продления редукции. Вот примеры данного ряда чередований: стрѣгѫ *(1 л. наст. вр.)* || стража; оумрѣти || моръ, морити || оумьрѫ, съмрьть || оумирати; позоръ, зракъ || зьрѣти, зрьцало || възирати; прострѣти || просторъ, страна || простьръ *(действ. прич. прош. вр.)*, прострьтъ *(страд. прич. прош. вр.)* || простирати.

§ 38. Как указывалось выше, древние чередования гласных имели грамматическое значение, являлись средством словообразования и словоизменения.

Так, древние **качественные** чередования кратких гласных первоначально имели в праславянском языке следующие грамматические значения.

1. При их помощи различались глагольные и именные основы: в глагольных основах — *е*, в именных — *о*. Например: везѫ || возъ; лежати || ложе; сѣсти || садъ; рѣзати || разъ; съмѧтѫ || съмѫта; мрѣти (из **merti*) || моръ; бити (из **beiti*) || бои; гнити || гнои.

2. При их помощи различались также первичные и вторичные глагольные основы, получившие в дальнейшем дополнительные значения: вести, везѫ || возити; нести || носити; вести, ведѫ || водити; пити (из **peiti*) || поити; мрѣти (из **merti*) || морити.

Древние **количественные** чередования гласных первоначально имели следующие грамматические значения.

1. Количественное чередование служило средством различения форм именительного падежа единственного и двойственного числа склонений с основами на *-ŏ*, *-ŭ*, *-ĭ*. Краткие гласные определяли форму именительного падежа единственного числа: плодъ (ъ из *ŏs*), сынъ (ъ из *ŭs*), гость (ь из *ĭs*); долгие гласные определяли форму именительного падежа двойственного числа: плода (*а* из *ō*), сыны (*ы* из *ū*), гости (*и* из *ī*).

2. Количественное чередование являлось одним из средств образования сигматического аориста древнего типа. Основу инфинитива характеризовали краткие гласные *е, о, ь*: нести, бости, чьсти, древний сигматический аорист — долгие гласные *ѣ* (*ē*), *а* (*ō*), *и* (*ī*): нѣсъ, басъ, чисъ *(1 л. ед. ч.)*.

3. Посредством того же чередования образовывались глагольные основы со значением длительности или повторяемости действия. В первичных глагольных основах были краткие гласные, в основах со значением длительности или повторяемости действия были долгие гласные: *ѣ* (из *ē*), *а* (из *ō*), *и* (из *ī*), *ы* (из *ū*). Например:

плести — съплѣтати оугнести — оугнѣтати	$\breve{e} \parallel \bar{e}$	въпросити — въпрашати въложити — вълагати	$\breve{o} \parallel \bar{o}$
жьдати — ожидати прильнѫти — прилипати	$\breve{\imath} \parallel \bar{\imath}$	зъвати — съзывати съхнѫти — засыхати	$\breve{u} \parallel \bar{u}$

4. В ряде случаев при образовании разных глагольных форм наблюдается чередование ступени краткости со ступенью редукции **є**‖**ь**: 1) в повелительном наклонении ряда глаголов: **рєшти**‖**рьци**, **пєшти**‖**пьци**, **тєшти**‖**тьци**, **жєшти**‖**жьзи**; 2) в причастиях прошедшего времени ряда глаголов: **оумрѣти**‖**оумьрлъ**, **прострѣти**‖**простьръ**. Ср. также: **ходити**‖**шьдъ**, **шьлъ**. Подобное чередование отражается и в других случаях: **бєрѫ** *(наст. вр.)* ‖ **бьрати** *(инф.)*; **дєрѫ** *(наст. вр.)* ‖ **дьрати** *(инф.)*.

Определение грамматических значений качественно-количественных чередований гласных в большинстве случаев затрудняется тем, что они представляют в старославянском языке лишь пережитки прежних отношений.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода

§ 39. В старославянском языке различались имена существительные трех родов — мужского, женского и среднего.

К **мужскому** роду относились все имена существительные, оканчивавшиеся в именительном падеже единственного числа на *-ъ*: плодъ, врагъ, сынъ, домъ; многие имена существительные, оканчивавшиеся на *-ь*: плачь, ножь, голѫбь, грътань, дьнь, клєнь, также имена существительные на *-и*, которое восходит к сочетанию *jь*: краи из **krajь*; немногие имена существительные со значением лица, оканчивавшиеся на *-а*: владыка, юноша; на *-ии*: сѫдии (судья), балии (врач); на *-чии*: кънигъчии (книжник).

Кроме того, два существительных мужского рода представлены в Супрасльской рукописи с архаическим окончанием *-ы*: камы (камень), пламы (пламень).

К **женскому** роду относилось большинство имен существительных, оканчивавшихся на *-а* в именительном падеже единственного числа: вода, рѫка, волꙗ; немногие существительные на *-ии* и *-ыни*: мльнии (молния), алъдии (ладья), поустыни, гръдыни, рабыни, самарꙗныни (самарянка); часть имен существительных с окончанием на *-ь*: дань, кость, нощь; немногие имена существительные, оканчивавшиеся на *-ы*: любы (любовь), боукы (буква, письмо), цръкы (церковь), свєкры (свекровь). Кроме того, два существительных женского рода имели архаичное окончание *-и*: мати, дъщи (дочь).

К **среднему** роду относились все имена существительные, оканчивавшиеся на *-о*, *-є*: сєло, вино, дѣло, полє, лицє, нєбо, чюдо, дрѣво, а также все имена существительные на *-ѧ*: сѣмѧ, имѧ, жрѣбѧ (жеребенок), козьлѧ (козленок) (ср. *рус. дитя*). Некоторые имена существительные имели в старославянском языке колебания в роде. Так, в памятниках старославянской письменности встречаются формы ѥзєро (*ср. р.*) и ѥзєръ (*муж. р.*).

§ 40. В старославянском языке наряду с непроизводными существительными типа рабъ, градъ, рыба имелись многочисленные производные существительные: рабыни, градьць, рыбарь и т. п. При этом образование новых слов осуществлялось разными способами, из которых наиболее активными были морфологический и синтаксико-морфологический.

Под **морфологическим** способом понимается образование новых слов при помощи разных аффиксов (приставок и суффиксов). Причем в старославянском языке наибольшее значение при именном словообразовании получила суффиксация.

Вот наиболее продуктивные в старославянском языке суффиксы имен существительных.

1. Суффиксы, образующие **названия лиц**:

-ьць — от глаголов и прилагательных: ловьць, льстьць, творьць; слѣпьць, старьць, чрьньць;

-тель — от глагольных основ названия деятелей по роду их деятельности: жѧтель, крьститель, съвѣдѣтель, оучитель;

-никъ, -ьникъ (*жен. р.* -ица, -ьница) — от основ прилагательных и страдательных причастий названия лиц по тому или иному свойству, признаку или черте характера: грѣшьникъ, длъжьникъ, кънижьникъ, мѫченикъ, грѣшьница, поуштеница;

-арь, -атаи, -чии — от основ существительных названия лиц по роду их занятий: вратарь, мытарь, рыбарь, ходатаи, кръмъчии, кънигъчии;

-инъ, -ѩнинъ, -ѣнинъ (*жен. р.* -ыни, -ѩнъıни, -ѣнъıни) — от основ существительных названия лиц по их принадлежности стране, городу, народу и т. п.: галилеанинъ, назарѩнинъ, поганинъ, самарѩнинъ, словѣнинъ, самарѩнъıни, магдалъıни;

-ица, -ыни — от соответственных основ существительных мужского рода названия лиц женского пола: любодѣица, пророчица, кънѧгыни, рабыни.

2. Суффиксы, образующие **конкретные** имена существительные:

-ло, -то — названия орудий: кадило, почрьпало, рало, рыло, пѫто, сито;

-иште, -лиште, -ьница — названия места нахождения или действия: жилиште, сънꙿмиште, сѫдиште, хранилиште, житьница, мытьница, тьмьница;

-ьникъ (*жен. р.* -ьница, -ица; *ср. р.* -ьцє) — названия конкретных предметов: свѣтильникъ, почрьпальникъ, ножьницѧ (*мн. ч.*), десница, срьдьцє, слъньцє.

3. Суффиксы, образующие **уменьшительные** наименования:

-ьць, -иць (*муж. р.*): градьць, сѫчьць, кораблиць;

-ьца, -ица (*жен. р.*): двьрьца, въдовица, дъштица, рыбица;

-ьцє (*ср. р.*): чѧдьцє;

-ьць, -ишть — названия молодых животных: агньць, жрѣбьць, тельць, юньць (теленок, молодой бычок); дѣтишть, козьлишть.

4. Суффиксы, образующие **абстрактные** имена существительные:

-ость (-ѥсть) — от основ прилагательных отвлеченные существительные со значением качества: благость, кротость, мрьзость, старость, хытрость, боуѥсть;

-ота (-ѥта), -ина, -ыни, -ьда, -оба — от основ прилагательных и существительных: тѣснота, чистота, соуѥта; глѫбина, истина, тишина; благостыни, гръдыни, свѧтыни; вражьда, правьда; зълоба;

-тва — от глагольных основ отвлеченные существительные женского рода: жрътва, клѧтва, молитва;

-иѥ, -ьство — от основ прилагательных существительные, обозначающие признак или свойство: веселиѥ, милосрьдиѥ, съдравиѥ, богатьство, коварьство, лѫкавьство;

-ьство (-ьствиѥ) — от основ существительных, являющихся названиями лиц, отвлеченные существительные среднего рода со значением состояния, положения или свойства определенного лица: блѫдьничьство, ѥпискоупьство (ѥпискоупьствиѥ), мьнишьство, цѣсарьство (цѣсарьствиѥ);

-тиѥ, -ниѥ, -єниѥ — от глаголов отвлеченные существительные (очень многочисленные) среднего рода: бъдѣниѥ, видѣниѥ, въскрьсєниѥ, желаниѥ, житиѥ, помышлєниѥ, пѣниѥ, съпасєниѥ.

Не менее продуктивным был **безаффиксный** способ образования отглагольных существительных, унаследованный старославянским языком из праславянского и часто сопровождаемый чередованием гласных: въстешти — въстокъ, избьрати — изборъ (выбор), разбити — разбои, съпасти — съпасъ. Многие из подобных образований были синонимичны суффиксальным существительным: въздвигъ — въздвижениѥ, искоусъ — искоушениѥ, проказа — прокажениѥ; другие же семантически различались: съпасъ (спаситель) — съпасениѥ (действие по глаголу съпасти).

Синтактико-морфологический способ лежит в основе образования сложных слов, которым в большинстве случаев соответствуют словосочетания. Среди сложных слов старославянского языка выделяются два разряда. К первому относятся сложные слова, образованные сложением основ: водоносъ, воѥвода, лицемѣръ, любодѣи. Ко второму, более многочисленному разряду относятся сложные слова, образованные сложением основ с суффиксами: боголюбьць, законопрѣстѫпьникъ, славословиѥ, страстотрьпьць.

В подавляющем большинстве случаев сложные слова старославянского языка являются кальками с греческого языка, т. е. представляют собой слова, созданные на основе греческой словообразовательной модели из славянских морфем. Таковы многие сложные слова с первыми компонентами благо-, бого-, добро-, законо-, зъло-, любо-, мъного-, само-, славо-. Например: *ст.-сл.* благодѣтель — *греч.* εὐεργέτης, *ст.-сл.* доброчьстиѥ — *греч.* εὐσέβεια, *ст.-сл.* зълодѣꙗниѥ — *греч.* κακοπραγία, *ст.-сл.* законоучитель — *греч.* νομοδιδάσκαλος.

Категория числа

§ 41. Для словоизменения существительных старославянского языка была характерна система трех чисел: **единственного, множественного и двойственного.** Понятию единичности противопоставлялось не только более общее понятие множественности предметов, но и более конкретное понятие двойственности. Двойственное число употреблялось в старославянском языке, когда речь шла о двух предметах или лицах. Обычно это было при обозначении парных предметов: нозѣ, ланитѣ (щеки), очи, ѹши, родителꙗ и при числительных дъва и оба: дъва слѣпьца, дъвѣ женѣ. Ср.: тогда посъла ·в҃· (дъва) ѹченика своꙗ гл҃а има. идѣта въ вьсь ꙗже прѣмо вама и абиѥ обрѧщета осьлѧ привѧзано... шъдъша же ѹченика. створиста ꙗкоже повелѣ има ис҃ (**Сав. кн.**) [тогда послал (Иисус) *двух* учеников своих, говоря им: «Идите в селение, которое перед вами, и найдете (там) привязанного осленка». ...пошли ученики и сделали, как повелел им Иисус]. Во всех случаях, где в переводе употреблены формы множественного числа, в Саввиной книге использованы формы д в о й с т в е н н о г о числа: ѹченика, своꙗ, има, идѣта, вама, обрѧщета, шъдъша, ѹченика, створиста, има.

Двойственное число в древнюю пору было свойственно не только старославянскому языку, но также и другим славянским языкам: оно было унаследовано ими из праславянского

языка. Однако с течением времени в большинстве славянских языков произошла утрата двойственного числа, лишь немногие славянские языки (словенский, лужицкие) сохранили эту грамматическую категорию до нашего времени.

§ 42. В старославянском языке имелись особые имена существительные — **собирательные**: камениѥ, жьзлиѥ, трьстиѥ, листиѥ, лозиѥ, рождиѥ, вѣтвиѥ, трьниѥ, корениѥ, братриꙗ (братиꙗ). Подобные существительные обозначали совокупность предметов или лиц, поэтому они очень часто употреблялись вместо форм множественного числа существительных: камы (камень, камыкъ), жьзлъ, трьсть, листъ, лоза, розга, вѣтвь, трьнъ, корень, братъ. Ср.: слъньцю въсиѣвъшю присвѧдѫ. зане не имѣхѫ корениѣ і исъхошѧ (Зогр. ев.) [когда солнце засияло, увяли, так как не имели *корней*, и засохли]; емъше же дѣлателе рабы его ...ового же оубишаового же камениемь побиша (Мар. ев.) [делатели же, схватив рабов его, ... одного убили, другого *камнями* побили].

Категория падежа

§ 43. В старославянском языке различались шесть падежей: **именительный, родительный, дательный, винительный, творительный** и **местный**. Местный падеж, имевший то или иное обстоятельственное значение, в отличие от современного предложного падежа, мог употребляться и в беспредложных конструкциях: ꙗко сѫтъ сохранены кости нашѧ семь мѣстѣ (в сем месте) (Супр. рук.); прикоснѫ сѧ ризѣ его (прикоснулась ризы) (Зогр. ев.); да не бѫдетъ бѣство ваше зимѣ (пусть не будет бегство ваше зимой) (Мар. ев.).

В ряде случаев в старославянском языке наблюдалось совпадение форм разных падежей, или, иначе, грамматическая омонимия. Так, первоначально совпадали формы именительного и винительного падежей единственного числа у всех имен существительных мужского рода с окончаниями -ъ и -ь: рабъ, градъ, сынъ, домъ, пѫть, отьць. Совпадали также именительный и винительный падежи множественного числа у имен существительных женского рода: жены, землѩ, кости, матери, свекръви.

У имен существительных среднего рода имелось совпадение форм именительного и винительного падежей всех трех чисел: мѣсто, око (*И. и В. п. ед. ч.*); мѣстѣ, очи (*И. и В. п. дв. ч.*); мѣста, очеса (*И. и В. п. мн. ч.*).

В двойственном числе различались лишь три формы — именительного и винительного падежей: раба, женѣ, лѣтѣ; ро-

дительного и местного падежей: рабоу, женоу, лѣтоу; дательного и творительного падежей: рабома, женама, лѣтома.

Кроме падежных форм, указывавших на отношения слов внутри предложения, в старославянском языке была особая форма обращения — **звательная форма**. Звательная форма употреблялась от имен существительных мужского и женского рода в единственном числе: владыко, дѣвице, наставьниче, оучителю, сыноу, господи.

Имена существительные типа камы, мати, свекры особой звательной формы не имели. Звательная форма от имен существительных среднего рода представлена лишь в единичных случаях: о плачоу и вьпнию (Супр. рук.). Обычно от имен существительных среднего рода и от существительных типа камы, мати, свекры, а также во множественном и двойственном числах от существительных всех родов в функции звательной формы употреблялся именительный падеж: чѧдо, чѧда, чѧдѣ, мати, дъщи, дъщери, цѣсаре.

Если звательная форма существительного имела при себе определение, выраженное кратким прилагательным, то прилагательное употреблялось как в звательной форме, так и в именительном падеже: б(ож)е вьседръжителю. ѥдинъи блаже и милосрьде (Супр. рук.); безоумьлю їюдо (Супр. рук.). Притяжательные прилагательные и прилагательные с суффиксом -ьск- обычно употребляются в именительном падеже: земле июдова, цѣсарю июдѣiскъ. Полные прилагательные также всегда употребляются в именительном падеже: добрыи рабе благыи... зълыи рабе и лѣнивыи (Сав. кн.); сыне сотонинъ, обьштьниче нечистыхъ бѣсовъ. бѣсныи пьсе. кръвопивыи змию. плътоꙗдивыи мечоу (Супр. рук.).

Звательная форма прилагательного обычна в случаях его субстантивного употребления: безоумьне (Мар. ев.), бестоудьче (Супр. рук.); та же флексия -е в мягком варианте: боуе (Мар. ев.); жроде и безоумьлю (Супр. рук.).

В этом случае возможно единичное образование звательной формы и от страдательного причастия прошедшего времени: не изволи любити насъ, неподобьне и завидьливе и покръвене тъмоѭ (Супр. рук.).

Система склонения имен существительных в старославянском языке

§ 44. Та система склонения имен существительных, которая отражена в памятниках старославянской письменности,

сложилась в глубокой древности и легко прослеживается в других индоевропейских языках. Следовательно, она была унаследована еще праславянским языком из индоевропейского языкового состояния.

Распределение существительных по типам склонения в праславянском языке находилось в зависимости от звукового вида древней основы слова. Так, в старославянском языке в зависимости от праславянского вида основы слова различались следующие типы склонения: склонение имен существительных с древней основой на *-ā, склонение имен существительных с древней основой на *-ŏ, склонение имен существительных с древней основой на *-ŭ > -ъ, склонение имен существительных с древней основой на *-ĭ > -ь, склонение имен существительных с основой на согласный звук.

Праславянская основа существительных, которая иногда может быть определена путем сопоставления одной падежной формы разных склонений (ср., например, жена-мъ, рабо-мъ, волъ-мъ, гость-мъ — *Д. п. мн. ч.*), в силу действовавших в праславянский период фонетических закономерностей, а также изменений по аналогии, в большинстве падежных форм затемнена и может быть восстановлена лишь путем сравнительно-исторического метода.

Например, в формах водѣ (*Д. п. ед. ч.*) и водѫ (*В. п. ед. ч.*) древняя основа этого существительного на *-ā (ср. вода — *И. п. ед. ч.* или вода-мъ — *Д. п. мн. ч.*) может быть восстановлена лишь при сравнении с другими индоевропейскими языками. Так, праславянские формы этих падежей **voda-i* (*Д. п. ед. ч.*) и **voda-m* (*В. п. ед. ч.*) восстанавливаются путем сравнения с другими языками. Ср., например, *лит. žmonai* (жене) или *греч.* χώραι (стране) (*Д. п. ед. ч.*); *лат. aquam* (воду) или *греч.* χώραν (страну) (*В. п. ед. ч.*).

Точно так же в формах градъ (*И. п. ед. ч.*) и гради (*И. п. мн. ч.*) древняя основа этого существительного на *-ŏ (ср. градомь — *Т. п. ед. ч.* или градо-ма — *Д.–Т. п. дв. ч.*) восстанавливается лишь путем сопоставления с другими индоевропейскими языками. Ср. *ст.-сл.* градъ из **gordŏs* и *греч.* ὕππος (конь), *ст.-сл.* гради из **gordo-i* и *греч.* ὕπποι (кони).

Таким образом, старославянский язык отражает переход древних элементов основы в категорию окончания и, следовательно, образование однотипной основы на согласный звук у всех имен существительных, первоначально различавшихся именно звуковым видом основы: град-ъ, град-а, град-оу и сын-ъ, сын-оу,

сын-ови. В силу этого процесса памятники старославянского языка широко отражают смешение древних типов склонения. (Описание этих изменений см. в § 51–57).

Склонение имен существительных с древней основой на *-$\bar{a}$ > -а

§ 45. К древним основам на *-$\bar{a}$ относились все имена существительные женского и мужского рода, оканчивавшиеся на -а в именительном падеже единственного числа: вода, жена, рѫка, волꙗ, землꙗ, слоуга, воевода, юноша, прѣдътеча и т. п.

Затем имена существительные женского рода с суффиксом -ыни, образованные или от имен прилагательных и обозначавшие отвлеченное качество: благостыни, гръдыни, милостыни, поустыни, свѧтыни, или от имен существительных и обозначавшие

Образец склонения основ на *-$\bar{a}$ > -а

	Твердый вариант		Мягкий вариант	
		Единственное число		
И.	рыба	рѫка	землꙗ	рабыни
Р.	рыбы	рѫкы	землѩ	рабынѩ
Д.	рыбѣ	рѫцѣ	земли	рабыни
В.	рыбѫ	рѫкѫ	землѭ	рабынѭ
Т.	рыбоѭ	рѫкоѭ	землеѭ	рабынеѭ
М.	рыбѣ	рѫцѣ	земли	рабыни
Зв. ф.	рыбо	рѫко	земле	рабыне
		Множественное число		
И.	рыбы	рѫкы	землѩ	рабынѩ
Р.	рыбъ	рѫкъ	земль	рабынь
Д.	рыбамъ	рѫкамъ	землꙗмъ	рабынꙗмъ
В.	рыбы	рѫкы	землѩ	рабынѩ
Т.	рыбами	рѫками	землꙗми	рабынꙗми
М.	рыбахъ	рѫкахъ	землꙗхъ	рабынꙗхъ
		Двойственное число		
И.–В.	рыбѣ	рѫцѣ	земли	рабыни
Р.–М.	рыбоу	рѫкоу	землю	рабыню
Д.–Т.	рыбама	рѫкама	землꙗма	рабынꙗма

лицо женского пола: **богыни, господыни, рабыни, кънѧгыни, сѫсѣдыни**. Сюда также относятся достаточно многочисленные слова, обозначавшие лицо по местности или стране: **магдалыни, самарianыни, ханаанъини** (жительница Магдал, Самарии, Ханаанской земли). Также немногие имена существительные женского и мужского рода с суффиксом -**ии**: **алъдии (ладии), млънии, сѫдии, балии, вѣтии**.

Наконец, немногие имена существительные мужского рода с суффиксом -**чии**: **корабьчии, кръмьчии, кънигъчии, самъчии, сокачии, шаръчии**.

В данном склонении в зависимости от артикуляции конечного согласного основы различались два варианта — твердый и мягкий. Существительные с конечным твердым согласным относились к твердому варианту: **рыба, рѫка**; существительные с конечным мягким согласным — к мягкому варианту: **землꙗ, ношꙗ**. Существительные с суффиксами -**ыни**, -**ии**, **чии** относились к мягкому варианту.

В основах на заднеязычные -*к*, -*г*, -*х* перед *ѣ* в силу его происхождения из дифтонга **ai̯* (ср. *лит. žmonai*) наблюдается второе смягчение: **рѫцѣ, нозѣ, моусѣ** при именительном падеже: **рѫка, нога, моуха**.

Склонение имен существительных с древней основой на *-ŏ > -о*

§ 46. К склонению имен существительных с древней основой на **-ŏ* относились имена мужского и среднего рода. В этом склонении, так же как и в склонении основ на **-ā*, различались два варианта — твердый и мягкий. Существительные мужского рода оканчивались в именительном падеже единственного числа после твердых согласных на -**ъ**: **рабъ, врагъ**, после мягких согласных — на -**ь**: **плачь, вождь** и на -**и** из *jь*: **краи, покои, бои**. Существительные среднего рода после твердых согласных оканчивались на -*о*: **село, вино, мѣсто**, а после мягких согласных — на -**є**: **полє, камениє, знамениє**.

В склонении с основами на **-ŏ* в именительном и винительном падежах всех трех чисел имелись родовые различия: формы среднего рода отличались от форм мужского рода.

1. В основах на заднеязычные звуки -*к*, -*г*, -*х* в ряде форм наблюдаются чередования согласных. Перед *и* и *ѣ* в силу их дифтонгического происхождения (из **oi̯*) наблюдалось второе

смягчение: вразѣ, вразѣ, оученици, оученицѣ, доуси, доусѣ при именительном падеже врагъ, оученикъ, доухъ. В звательной форме перед гласным *е* имелось первое смягчение: боже, наставьниче, доуше при именительном падеже богъ, наставьникъ, доухъ.

2. В словах с окончаниями на -ць, -ѕь > зь: отьць, старьць, кънѧзь — звательная форма образовывалась по твердому варианту: отьче, старьче, кънѧже (см. § 22–23).

3. В связи с отвердением мягких согласных *ц* и *з* в некоторых болгарских говорах XI в. в памятниках старославянской письменности изредка отражаются формы твердого варианта в словах на эти звуки. Так, в Мариинском евангелии имеются формы пѣнѧзъı (*В. п. мн. ч.*) вместо пѣнѧзѧ и старьцъı (*Т. п. мн. ч.*) вместо старьци.

Влияние форм мягкого варианта можно видеть в единичном употреблении местного падежа единственного числа с флексией -и вместо флексии -ѣ: о иоанни (Супр. рук.).

Образец склонения основ на *-ŏ > -о

	Твердый вариант	Мягкий вариант
	Единственное число	
И.	градъ, врагъ, мѣсто	отьць, ножь, краи, полѥ
Р.	града, врага, мѣста	отьцꙗ, ножꙗ, краꙗ, полꙗ
Д.	градоу, врагоу, мѣстоу	отьцю, ножю, краю, полю
В.	градъ, врагъ (врага), мѣсто	отьць (отьца), ножь, краи, полѥ
Т.	градомь, врагомь, мѣстомь	отьцемь, ножемь, краѥмь, полѥмь
М.	градѣ, вразѣ, мѣстѣ	отьци, ножи, краи, поли
Зв. ф.	граде, враже	отьче, ножю, краю
	Множественное число	
И.	гради, вразѣ, мѣста	отьци, ножи, краи, полꙗ
Р.	градъ, врагъ, мѣстъ	отьць, ножь, краи, поль
Д.	градомъ, врагомъ, мѣстомъ	отьцемъ, ножемъ, краѥмъ, полѥмъ
В.	градъı, врагъı, мѣста	отьцѧ, ножѧ, краѩ, полꙗ
Т.	градъı, врагъı, мѣстъı	отьци, ножи, краи, поли
М.	градѣхъ, вразѣхъ, мѣстѣхъ	отьцихъ, ножихъ, краихъ, полихъ
	Двойственное число	
И.–В.	града, врага, мѣстѣ	отьца, ножа, краꙗ, поли
Р.–М.	градоу, врагоу, мѣстоу	отьцю, ножю, краю, полю
Д.–Т.	градома, врагома, мѣстома	отьцема, ножема, краѥма, полѥма

Склонение имен существительных с древней основой на *-ŭ > -ъ

§ 47. К склонению с древней основой на *-ŭ > -ъ относились немногочисленные имена существительные мужского рода с окончанием -ъ в именительном падеже единственного числа: **сынъ, волъ, домъ, врьхъ, медъ, полъ, садъ, санъ, чинъ, ледъ, рѧдъ, грѣхъ, ꙗдъ, даръ** и нек. др.[1]

Только для немногих из этих слов имеются индоевропейские параллели, указывающие на древнюю основу *-ŭ > -ъ. Например: *ст.-сл.* **сынъ** — *лит. sūnŭs*, *ст.-сл.* **врьхъ** — *лит. viršŭs*, *ст.-сл.* **домъ** — *лат. domŭs*, *ст.-сл.* **медъ** — *греч.* μέθυ, *лит. medŭs*.

В других случаях на ту же основу могут указывать производные от данных слов прилагательные и существительные: **воловьнъ, грѣховьнъ, домовитъ, сановитъ, ꙗдовитъ, сыновьство**. Появление у этих производных слов основы, оканчивающейся на *-ов*, связано с тем, что гласный основы *-ŭ* мог чередоваться с дифтонгом *оu̯*, а дифтонг *оu̯* в положении перед гласным звуком изменялся в сочетание *оυ* (см. § 13).

Надо заметить, что ни одно из вышеперечисленных слов не сохранило без изменений древнюю систему склонения. Большинство слов утратило древние формы, и памятники старославянской письменности отражают их употребление лишь в единичных случаях. Так, например, от слова **садъ** засвидетельствованы только формы **садове** — *И. п. мн. ч.* (Супр. рук.) и **садовъ** — *Р. п. мн. ч.* (Супр. рук.); от слова **санъ** — **саноу** — *М. п. ед. ч.* (Супр. рук.) и **сановъ** — *Р. п. мн. ч.* (Супр. рук.); от слова **грѣхъ** — **грѣхъми** — *Т. п. мн. ч.* (Сб. Кл.) и **грѣховъ** — *Р. п. мн. ч.* (форма, употребляемая регулярно в разных старославянских памятниках).

Образец склонения основ на *-ŭ > -ъ

	Единственное число	Множественное число		Двойственное число
И.	сынъ	сынове	И.–В.	сыны
Р.	сыноу	сыновъ	Р.–М.	сыновоу
Д.	сынови	(сынъмъ)	Д.–Т.	сынъма
В.	сынъ	сыны		
Т.	(сынъмь)	сынъми		
М.	сыноу	(сынъхъ)		
Зв. ф.	сыноу	—		

[1] См.: *Эккерт Р.* К вопросу о составе группы имен существительных на *-ŭ* в праславянском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. М., 1959.

Формы, заключенные в скобки, засвидетельствованы лишь в памятниках русского извода.

Склонение имен существительных с древней основой на *-ĭ > -ь

§ 48. К склонению с основой на *-ĭ > -ь относились существительные женского рода, а также немногие существительные мужского рода, имевшие в именительном падеже единственного числа окончание -ь: дань, кость, казнь, гръдость, милость, нощь, пещь, рѣчь — женского рода; боль (больной), гвоздь, голѧбь, грътань, гость, гѫсь, дрьколь (палка, жердь), звѣрь, зѧть, ногъть, печать, пѫть, тать, тьсть, оушидь (беглец, изменник), чрьвь, ѫгль — мужского рода[1]. К этому склонению также относились немногие слова, употреблявшиеся лишь в формах множественного числа: людиѥ, дѣтиѥ, ꙗсли, гѫсли.

Образец склонения на *-ĭ > -ь

	Единственное число	Множественное число
И.	дань, пѫть	дани, пѫтьѥ (пѫтиѥ)
Р.	дани, пѫти	даньи (дании), пѫтьи (пѫтии)
Д.	дани, пѫти	даньмъ, пѫтьмъ
В.	дань, пѫть	дани, пѫти
Т.	даньѭ (даниѭ), пѫтьмь	даньми, пѫтьми
М.	дани, пѫти	даньхъ, пѫтьхъ
Зв. ф.	дани, пѫти	

Двойственное число

И.–В.	дани, пѫти
Р.–М.	данью (данию), пѫтью (пѫтию)
Д.–Т.	даньма, пѫтьма

В словах мужского рода данного склонения конечный согласный в положении перед *-ĭ > -ь становился лишь позиционно смягченным, полумягким (см. § 19), что и определяло отличие данных существительных от слов мужского рода с осно-

[1] В некоторых случаях старославянским словам мужского рода в современном русском языке соответствуют слова женского рода: *гортань, печать*. Изменение грамматического рода у этих существительных произошло в историческом развитии русского языка. В современном болгарском языке слова *гъртан* и *печат*, как и в старославянском языке, мужского рода.

вой на *-ŏ мягкого варианта, где конечный согласный был мягким по природе. Ср. голѫбь, зѧть, где согласные *б* и *т* полумягкие в положении перед *ь*, и плачь, вождь, где согласные *ч* и *жд* мягкие из *kj* и *dj*. Следовательно, в словах боль, грътань, гѫсь, дрьколь, звѣрь, жгль конечный согласный (*л, р, н, с*) был не мягким, а полумягким.

В творительном падеже единственного числа и именительном падеже множественного числа в данном склонении имелись родовые различия: формы мужского рода не совпадали с формами женского рода.

Имеющиеся в ряде падежей дублетные формы, например, пѫтьк и пѫтик (*И. п. мн. ч.*), объясняются переходом *ь* в *и* в положении перед *j* и *i* (см. § 5).

Склонение имен существительных с древней основой на согласный звук (*-*n*, *-*r*, *-*s*, *-*nt*)

§ 49. Основы на согласный звук имелись у имен существительных всех трех родов.

1. Основа имен существительных мужского рода оканчивалась на согласный *-*n*: дьн-ь, корен-ь, ремен-ь, степен-ь, клен-ь, камен-ь, пламен-ь. Имена существительные камень и пламень в Супрасльской рукописи употребляются в архаичной форме именительного падежа единственного числа — камъı, пламъı; остальные памятники старославянской письменности такой формы не сохранили.

Во множественном числе к этому склонению относились также имена существительные мужского рода с суффиксами -тель и -арь: оучитель, житель, жѧтель, рыбарь, мытарь и под.

Образец склонения мужского рода

	Единственное число	Множественное число
И.	дьнь, камъı	дьне, камене
Р.	дьне, камене	дьнъ, каменъ
Д.	дьни, камени	дьньмъ, каменьмъ
В.	дьнь, камень	дьни, камени
Т.	дьньмь, каменьмь	дьньми, каменьми
М.	дьне, камене	дьньхъ, каменьхъ

Двойственное число

И.–В.	дьни, камени
Р.–М.	дьноу, каменоу
Д.–Т.	дьньма, каменьма

Имена существительные мужского рода с суффиксом единичности -инъ во множественном числе, утрачивая этот суффикс, склонялись тоже по основам на согласный звук: гражданинъ — граждане, галилѣанинъ — галилѣане и под.

Памятники старославянской письменности в силу разносклоняемости имен существительных с суффиксами -инъ, -арь, -тель часто отражают в формах множественного числа влияние склонения с основами на *-ŏ. Так, в именительном падеже множественного числа при обычной флексии -є употребляется и -и: мытари, цѣсари, єтиопѣни; в родительном падеже при окончании -ъ чаще употребляется окончание -ь: гонитель, дѣлатель, родитель, оучитель, цѣсарь; в винительном и творительном падежах употребляются лишь формы склонения с основами на *-ŏ: гражданы, дѣлатела, мытара, цѣсара, родитела, състажатела (*В. п.*); гражданы, цѣсари, мытари (*Т. п.*).

2. Основа имен существительных женского рода оканчивалась на согласный *-r: мати — матер-є, дъшти — дъштер-є (*Р. п. ед. ч.*).

Образец склонения женского рода

	Единственное число	Множественное число
И.	мати	матери
Р.	матере	матеръ
Д.	матери	матерьмъ
В.	матерь	матери
Т.	матерьѭ, материѭ	матерьми
М.	матери	матерьхъ

Формы двойственного числа от имен существительных мати и дъшти в памятниках старославянской письменности не засвидетельствованы.

3. Имена существительные среднего рода были трех типов:

1) с основой на *-s: дрѣво — дрѣвес-є, коло — колес-є, око — очес-є, слово — словес-є, тѣло — тѣлес-є, оухо — оушес-є, чюдо — чюдес-є, небо — небес-є, люто (зло, мерзость) — лютес-є и нек. др.;

2) с основой на *-n: брѣма — брѣмен-є, врѣма — врѣмен-є, има — имен-є, плема — племен-є, писма (буква) — писмен-є, сѣма — сѣмен-є, числа (число) — числен-є;

3) с основой на *-nt; это были семантически однородные имена существительные, называвшие детенышей животных и человека: агна — агнат-є, жрѣба — жрѣбат-є, козьла — козь-

лѧт-є, овьча — овьчѧт-є, осьлѧ — осьлѧт-є, отрочѧ (младенец) — отрочѧт-є.

Образец склонения среднего рода

	Единственное число	Множественное число
И.	слово, имѧ, отрочѧ	словєса, имєна, отрочѧта
Р.	словєсє, имєнє, отрочѧтє	словєсъ, имєнъ, отрочѧтъ
Д.	словєси, имєни, отрочѧти	словєсьмъ, имєньмъ, отрочѧтьмъ
В.	слово, имѧ, отрочѧ	словєса, имєна, отрочѧта
Т.	словєсьмь, имєньмь, отрочѧтьмь	словєсы, имєны, отрочѧты
М.	словєсє, имєнє, отрочѧтє	словєсьхъ, имєньхъ, отрочѧтьхъ

Двойственное число

И.–В.	словєсѣ, имєнѣ, отрочѧтѣ
Р.–М.	словєсѹ, имєнѹ, отрочѧтѹ
Д.–Т.	словєсьма, имєньма, отрочѧтьма

1. Окончания творительного падежа множественного числа -ы и именительного-винительного падежей двойственного числа -ѣ указывают на древнюю связь данного склонения с основами на *-ŏ: словєсы, отрочѧты — как сєлы, мѣсты; словєсѣ, отрочѧтѣ — как сєлѣ, мѣстѣ.

2. Склонение имен существительных с основой на согласный звук обнаруживает также древнюю связь с основами на *-ĭ > -ь. Эта связь обнаруживается в творительном падеже единственного числа, в дательном, творительном и местном падежах множественного числа и в дательном-творительном падежах двойственного числа. Окончания этих падежей -ьмь (*муж. и ср. р.*), -ьѭ, -иѭ (*жен. р.*), ьмъ, -ьми, -ьхъ, -ьма появились по аналогии с формами основ на *-ĭ > -ь.

3. От имен существительных око и ѹхо в памятниках старославянской письменности обычно употребляются формы не множественного числа, а двойственного. Формы двойственного числа этих существительных архаичны и близки по образованию к формам существительных с основами на *-ĭ > -ь:

И.–В.	очи, ѹши
Р.–М.	очию, ѹшию
Д.–Т.	очима, ѹшима

4. Тот примечательный факт, что именительный падеж единственного числа существительных данного типа (камы, мати, сѣмѧ, слово) отличается от форм остальных падежей (камєн-є, матєр-є, сѣмєн-є, словєс-є) и древняя основа этих слов оказыва-

ется в именительном падеже затемненной, связан с действием закона открытого слога. Первоначально в праславянском языке именительный падеж у слов данного типа представлял собой так называемую чистую основу, т. е. основу, не осложненную окончанием: *kamōn (ср. греч. ἄκμων), *sēmen (ср. лат. sēmen) и т. д. Следовательно, эти формы, оканчивавшиеся некогда на согласный звук, нарушали закон открытого слога и должны были в праславянском языке подвергнуться изменениям, приводившим к образованию конечного открытого слога. Таким образом, *kamōn > камꙑ, *sēmen > сѣмѧ и т. д.

В остальных же падежах закон открытого слога не нарушался, так как согласный основы оказывался перед гласным окончания. Поэтому основа слов данного типа в остальных формах сохранялась без изменения.

Склонение имен существительных типа цръкꙑ

§ 50. Немногочисленные имена существительные женского рода, оканчивавшиеся в именительном падеже единственного числа на -ꙑ: брадꙑ (топор), боукꙑ (буква, письмо), жрънꙑ (жернов), цѣлꙑ (исцеление), неплодꙑ (бесплодная женщина), свекрꙑ (свекровь), цръкꙑ (церковь), хорѫгꙑ (знамя), ꙗтрꙑ (невестка), любꙑ (любовь), образовывавшие в праславянском языке особый тип склонения с основой на *-ū, в старославянском языке его уже утратили и являются разносклоняемыми существительными.

Гласный основы *-ū > -ꙑ в остальных падежах чередовался с сочетанием *йц > ъв. Например: боукꙑ — боукъв-е, свекрꙑ — свекръв-е, цръкꙑ — цръкъв-е (Р. п. ед. ч.). В силу этого чередования склонение существительных данного типа оказалось близким к склонению существительных с основами на согласный звук. Кроме того, в дательном, творительном, местном падежах множественного числа памятники старославянской письменности отражают влияние склонения основ на *-ā:

	Единственное число	Множественное число
И.	цръкꙑ	цръкъви
Р.	цръкъве	цръкъвъ
Д.	цръкъви	цръкъвамъ
В.	цръкъвь	цръкъви
Т.	цръкъвьѭ, -иѭ	цръкъвами
М.	цръкъве	цръкъвахъ

Двойственное число в памятниках старославянской письменности у таких слов не засвидетельствовано.

К этому склонению относились имена существительные **кръвь** и **бръвь**. Памятники старославянской письменности не сохранили от этих слов древнюю форму именительного падежа на -**ъı**. Однако архаичная форма **kry*, во-первых, засвидетельствована старопольскими памятниками XIV–XVII вв. и, во-вторых, употребляется до настоящего времени в ряде славянских говоров. Засвидетельствованная форма именительного падежа слов **кръвь** и **бръвь** по происхождению является древним винительным падежом. Та же замена архаичной формы именительного падежа на -**ъı** формой винительного падежа отражается в истории и других слов данного типа (ср. *рус. свекровь, любовь, церковь*).

Изменения в системе склонения имен существительных

§ 51. Та система именного склонения, которая описана в предыдущих параграфах, отражена в памятниках старославянской письменности в значительно измененном виде. Как уже отмечалось выше (§ 47), вследствие образования у всех имен существительных однотипной основы на согласный звук в старославянском языке происходит смешение древних склонений, их перегруппировка, формирование новой системы славянского склонения, основанной на общности грамматического рода при совпадении формы именительного падежа. Так, в памятниках старославянской письменности наблюдается смешение следующих склонений:

1) склонения существительных мужского рода типа **градъ** с древней основой на **-ŏ* твердого варианта и склонения существительных мужского рода типа **сынъ** с древней основой на **-ŭ* > -**ъ**;

2) склонения существительных мужского рода типа **отьць** с древней основой на **-ŏ* мягкого варианта и склонения существительных мужского рода типа **гость** с основой на **-ĭ* > -**ь**;

3) склонения существительных мужского рода типа **гость** с древней основой на **-ĭ* > -**ь** и склонения существительных мужского рода типа **дьнь** с основой на согласный;

4) склонения существительных женского рода типа **дань** с древней основой на **-ĭ* > -**ь** и склонения существительных женского рода типа **мати** (с основой на согласный) и типа **црькъı**;

5) склонения существительных среднего рода типа **мѣсто** с древней основой на **-ŏ* твердого варианта и склонения существительных среднего рода типа **слово** с основой на **-s*.

§ 52. Смешение склонений имен существительных мужского рода типа градъ и типа сынъ наблюдается в двух случаях.

1. Влияние склонения основ на *-ŭ > -ъ отражено памятниками старославянской письменности в следующих формах.

Единственное число

Изредка в родительном падеже: гласоу, родоу, длъгоу; постоянно в дательном падеже, причем преимущественно в именах существительных со значением лица: рабови, богови, диѣволови, чловѣкови, сътьникови, архитриклинови, кесарови, патриархови, иѥмонови, архисинагогови, адамови, давидови, иоанови, иосифови, иродови, исоусови, паоулови, петрови, симонови, адови, львови, мирови, доухови.

Та же флексия в единичных случаях употребляется в словах с основой на *-ŏ мягкого варианта: иереови, мосеови. Обычно же в словах мягкого варианта под влиянием форм склонения с основой на *-ŭ > -ъ употребляется окончание -еви: благодѣтелеви, винареви, вратареви, врачеви, кесареви, мѫжеви, цѣсареви, издраилеви. Единичное употребление этого окончания встречается у существительного с основой на *-ĭ > -ь: господеви, а также у существительного среднего рода с основой на *-ŏ мягкого варианта: мореви.

Относительно часто наблюдаются формы творительного падежа на -ъмь: оплатъмь, образъмь, гласъмь, сънъмь, слоухъмь, гладъмь, трепетъмь и др. Реже наблюдается употребление окончания -оу в местном падеже: дѫбоу, станоу, громоу.

Множественное число

В именительном падеже: доухове, попове, сѫдове, а также в мягком варианте: змиеве, зноеве. Значительно чаще отражается влияние форм склонения с основой на *ŭ > -ъ в родительном падеже: родовъ, бѣсовъ, цвѣтовъ, потовъ, троудовъ, градовъ, сѫдовъ, гадовъ. Также в мягком варианте: врачевъ, змиевъ, зноевъ. Очень редко в творительном падеже: апостолъми, сѫпостатъми.

2. Обратное влияние склонения с основой на *-ŏ твердого варианта отразилось в следующих формах.

Единственное число

В родительном падеже: сына, врьха, меда, чина; в дательном падеже: сыноу, домоу, медоу, полоу, рѧдоу; в творительном паде-

же: домомь, сыномь, медомь; в местном падеже: сынѣ, врьсѣ; в звательной форме: сыне, чине.

Множественное число

В именительном падеже: сынови, волови; в дательном падеже: сыномъ, садомъ. Под воздействием форм домомь (*Т. п. ед. ч.*) и домомъ (*Д. п. мн. ч.*) появились подобные формы и в местном падеже: сыноҳъ, домоҳъ. Единично в родительном падеже: сынъ и творительном падеже: сынъı.

Двойственное число

В именительном–винительном падежах: сына.

§ 53. Смешение склонений имен существительных мужского рода типа отьць и типа гость также наблюдается в двух случаях.

1. Влияние склонения с основой на **-ŏ* отражено памятниками старославянской письменности в следующих формах.

Единственное число

В родительном падеже: звѣрa, господa (-а); в дательном падеже: огню, господю (-оу); в творительном падеже: господемь, пѫтемь, болемь, голѫбемь; в звательной форме: господоу вместо господи.

Множественное число

В именительном падеже: пѫти, звѣри; в дательном падеже: огнемъ, гостемъ, людемъ. Под воздействием форм пѫтемь (*Т. п. ед. ч.*) и людемъ (*Д. п. мн. ч.*) подобные формы появляются в местном падеже: людеҳъ, пѫтеҳъ. Употребление у существительных мужского рода с основой на **-ĭ* > -ь в дательном и местном падежах множественного числа форм на -емъ и -еҳъ вызвало появление подобных форм и у существительных женского рода того же склонения: болезнемъ, двьремъ, вештеҳъ, двьреҳъ.

Единично в памятниках старославянской письменности отражаются формы, возникшие под влиянием твердого варианта склонения с основами на **-ŏ*: господа (*Р. п. ед. ч.*); господоу (*Д. п. ед. ч.*); пѫтоу (*Д. п. ед. ч.*); печатомъ (*Д. п. мн. ч.*); ногътъı (*Т. п. мн. ч.*).

2. Обратное влияние склонения с основой на **-ĭ* > -ь отражено памятниками старославянской письменности в творительном падеже единственного числа: сѫпьрьмь, ножьмь, плачьмь; а также в ряде форм множественного числа — в именительном падеже: стражие, коумирие, вождие; в родительном

падеже: врачеи, где є из ь; в дательном падеже: отьцьмъ; в творительном падеже: стражьми, възпльми, злодѣими. То же влияние отражено единично в форме дательного-творительного падежей двойственного числа существительных среднего рода: крильма, плєштьма.

§ 54. Смешение склонений существительных мужского рода типа гость и дьнь отмечается в двух случаях.

1. Влияние склонения основ на *-ĭ > -ь отразилось в формах родительного и местного падежей единственного числа: дьни, клени, камени (*Р. п. ед. ч.*); дьни, камени, пламени, корени (*М. п. ед. ч.*).

Под воздействием этих форм мужского рода окончание -и распространяется на существительные среднего рода: небеси, словеси, осьлѧти, врѣмени, имени, сѣмени (*Р. п. ед. ч.*); дрѣвеси, колеси, тѣлеси, отрочѧти, жрѣбѧти, осьлѧти, сѣмени, врѣмени, имени (*М. п. ед. ч.*).

Во множественном и двойственном числах влияние основ на *-ĭ > -ь отразилось в формах именительного падежа: деньѥ, дениѥ и родительного падежа: дьнии, дьнеи, где є из ь (*мн. ч.*); дьнью, дьнию, клению (*дв. ч.*).

2. Случаи обратного влияния единичны. Так, в Супрасльской рукописи имеется форма именительного падежа множественного числа печатє.

§ 55. Смешение склонений имен существительных женского рода типа дань и типа мати, цр̑ькꙑ наблюдается в случае влияния склонения имен существительных женского рода с основой на *ĭ > -ь на склонение существительных женского рода с основой на согласный и типа свекрꙑ, что отразилось в следующих формах: в родительном падеже единственного числа: матери, дъштери, кръви, любъви, црькъви; в местном падеже единственного числа: црькъви, любъви, смокъви; в родительном падеже множественного числа: кръвии, дъштереи, где є из ь; в дательном, творительном и местном падежах множественного числа: кръвьмъ, кръвьми, кръвьхъ.

§ 56. Смешение склонений существительных среднего рода типа мѣсто и типа слово наблюдается в случае влияния склонения с основами на *-ŏ, которое особенно широко отразилось в формах единственного числа. При этом происходила утрата древней основы на *-es. Во множественном числе преимущест-

венно сохраняются старые формы, употребление форм, аналогичных основам на *-ŏ, единично.

Единственное число

В родительном падеже: **дрѣва, ока, слова, тѣла**; в дательном падеже: **небоу, чюдоу, тѣлоу, словоу, оухоу**; в творительном падеже: **окомь, словомь, тѣломь, дрѣвомь, чоудомь**; в местном падеже: **дрѣвѣ, оцѣ, тѣлѣ**.

Множественное число

В именительном-винительном падежах: **дрѣва, кола**; в родительном падеже: **колъ**; в дательном падеже: **тѣломъ**; в местном падеже: **колѣхъ, брѣменѣхъ**. Обратное влияние представляет собой явление исключительное и отражено лишь в некоторых словах. Так, в Супрасльской рукописи от существительного **дѣло** наряду с формами основ на *-ŏ употребляются формы основ на согласный: **дѣлесе** (*Р. п. ед. ч.*), **дѣлесемь** (*Т. п. ед. ч.*), **дѣлеса** (*И. п. мн. ч.*), **дѣлесъ** (*Р. п. мн. ч.*), **дѣлесемъ** (*Д. п. мн. ч.*) и др., то же — от существительного **лице**: **личесе** (*Р. п. ед. ч.*), **личеса** (*И. п. мн. ч.*).

Таким образом, памятники старославянской письменности свидетельствуют о распаде праславянской системы склонения вследствие перехода древних основ в категорию окончания. В них отразились тенденция к объединению первоначально разных типов склонения, тенденция к созданию новой системы славянского склонения, в основе которой лежит принцип грамматического рода, той системы, которая сохраняется без существенных различий во всех современных славянских языках, за исключением болгарского.

§ 57. Кроме вышеописанных морфологических изменений в именном склонении памятники старославянской письменности широко отражают в словах мужского рода **замену** в единственном числе древней формы **винительного** падежа, совпадавшей с именительным падежом, формой **родительного** падежа. Таковы формы: **брата, бога, врага, кесара, крьстителꙗ, мѫжа, назарѣнина, отьца, пастоуха, подроуга, разбоиника, оученика, чловѣка, льва, змиꙗ, конꙗ**.

Эта замена была вызвана синтаксическими причинами. По-видимому, первоначально подобные формы появились в предложениях, где подлежащее и прямое дополнение имели значение лица. Например: **Авраамъ роди Исака; вари Петра Исоусъ; и прѣходѧ ис... видѣ чловѣка** (Зогр. ев.)...

Вследствие совпадения формы именительного падежа (падежа подлежащего) и винительного падежа (падежа прямого дополнения) в предложениях данного типа создавалась синтаксическая и логическая неопределенность, стремление избежать которую приводило к замене древней формы винительного падежа формой родительного падежа. Постепенно форма винительного–родительного падежей распространилась и на другие случаи — например, на конструкции с предлогами: на исоуса, за грѣшьника и т. п.

Изредка это новообразование старославянского языка отражено и в названиях животных: на аспидѫ и васильскаа настѫпиши... И попереши льва и змьѣ (Син. пс.); и имъ за оуздѫ конѣ юго (Супр. рук.).

По аналогии с формами мужского рода возникло употребление формы винительного–родительного падежей и от имен существительных женского рода с основой на согласный звук (мати, дъщи) и в словах типа свекры. Например: чьти оца своего и матере (Сав. кн.); ис҃ же видѣвъ матере и оученика (Сав. кн.); любѧи сына ли дъщере (Сав. кн.); невѣстѫ на свекръве своѩ (Зогр. ев.). Отражается это грамматическое новообразование и на употреблении местоимений: аште мене изгънашѧ и васъ ижденѫтъ (Зогр. ев.); тъгда видѣ юда прѣдавы его (Зогр. ев.); и оставльше его отидѫ (Сав. кн.).

МЕСТОИМЕНИЕ

Разряды местоимений

§ 58. В старославянском языке различались следующие семантические разряды местоимений.

Личные: 1 лицо — азъ (или реже ꙗзъ), мы, вѣ; 2 лицо — ты, вы, ва. В функции личного местоимения 3 лица в старославянском языке употреблялось указательное местоимение, которое указывало на предшествующее слово, отсылало к ранее сказанному: въ оно врѣмѧ призъва ис҃. оученикы своѧ и рече имъ (ученикам)... глаголашѧ емоу (Иисусу) оученици его (Иисуса) (Сав. кн.). Именительный падеж этого местоимения (и, ꙗ, ѥ) в памятниках старославянской письменности не встречается, обычно он заменяется указательным местоимением онъ, она, оно: тогда иродъ таи призъвавъ вльхвы... посълавъ ѩ (волхвов) въ виѳлеомъ... они (волхвы) же послоушавъше цѣсара идошѧ (Сав. кн.).

Возвратное: себе. Не имело, как и в современном русском языке, именительного падежа.

Указательные: сь, си, се; онъ, она, оно; тъ, та, то; овъ, ова, ово. Местоимение сь указывало на близкий предмет (ср. *рус. этот*), местоимение онъ — на отдаленный (ср. *рус. тот*). Местоимение тъ тоже было противопоставлено указательному сь, но без подчеркивания отдаленности того, на что указывалось: сь естъ иоанъ крьститель. тъ въскрьсе отъ мрътвъıхъ (Мар. ев.). Указательное местоимение овъ употреблялось только при противопоставлении: овъ... инъ; овъ... овъ; овъ... дроугъıи: ова оубо падошѧ при пѫти... дроугаа же падошѧ на земли добрѣ. і даахѫ плодъı. ово съто. ово шесть десѧтъ (Зогр. ев.).

Притяжательные: мои, моꙗ, моѥ; твои, твоꙗ, твоѥ; свои, своꙗ, своѥ; нашь, наша, наше; вашь, ваша, ваше.

Определительные: вьсь, вьсꙗ, вьсе; вьсꙗкъ, вьсꙗка, вьсꙗко; такъ, така, тако; сиць, сица, сице; ꙗкъ, ꙗка, ꙗко; самъ, сама, само.

Вопросительные: къто, чьто, кън, каꙗ, коѥ, чии, чиꙗ, чиѥ.

Неопределенные: инъ, ина, ино; етеръ, етера, етеро (некий); которъıи (и котеръıи), котораꙗ, котороѥ (какой-нибудь). То же значение приобретали вопросительные местоимения с приставкой нѣ-: нѣкъто, нѣчьто, нѣкъıи, нѣкоторъıи.

Отрицательные: никътоже (реже никъто), ничьтоже (реже ничьто).

Относительные: иже, ꙗже, ѥже, образованные от указательного местоимения и, ꙗ, ѥ с частицей же.

Количественные: коликъ, толикъ, селикъ, кликъ: къде оу насъ въ поустѣ мѣстѣ хлѣбъ толико. ако насъıтити народъ толикъ (столький народ) (Сав. кн.).

Склонение местоимений

§ 59. Словоизменение местоимений в старославянском языке было нескольких типов.

Склонение личных и возвратного местоимений

Склонение личных и возвратного местоимений в старославянском языке было очень архаичным. Характерной его особенностью являлось то, что разные падежные формы образовывались от разных основ.

Единственное число

И.	азъ	ты	—
Р.	мене	тебе	себе
Д.	мьнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си
В.	мѧ, мене	тѧ, тебе	сѧ, себе
Т.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ
М.	мьнѣ	тебѣ	себѣ

Множественное число

И.	мы	вы
Р.	насъ	васъ
Д.	намъ, ны	вамъ, вы
В.	ны, насъ	вы, васъ
Т.	нами	вами
М.	насъ	васъ

Двойственное число

И.	вѣ	ва
В.	на, ны	ва, вы
Р.–М.	наю	ваю
Д.–Т.	нама	вама

1. Формы дательного падежа ми, ти, си, ны, вы были в старославянском языке **энклитиками**, т. е. словами, не имевшими самостоятельного ударения, но примыкавшими в отношении ударения к предшествующему слову. Поэтому они не могли употребляться с предлогами, так как предлоги были **проклитиками**, т. е. также не имели самостоятельного ударения, но примыкали к последующему слову. В конструкции с предлогами употреблялись лишь формы мьнѣ, тебѣ, себѣ, намъ, вамъ. Ср.: господи. аще ты еси повели ми прити къ себѣ (Сав. кн.).

2. Формы мѧ, тѧ, сѧ, ны, вы были архаичными формами винительного падежа и энклитиками не являлись. Поэтому они могли употребляться и в конструкции с предлогами: и даждъ имъ. за мѧ и за сѧ (Сав. кн.). Употребление форм мене, тебе, себе, насъ, васъ, являющихся по происхождению родительным падежом, в функции винительного падежа связано с заменой древних форм винительного падежа формой родительного падежа (см. § 57). Поэтому эти новые формы чаще употребляются без предлогов (в функции прямого дополнения), чем с предлогами: приемлѩи васъ мене приемлетъ (Сав. кн.); аще изгониши насъ. повели намъ ити въ стадо свиное (Сав. кн.). Ср. то же в употреблении указательного местоимения: юда, прѣдавы его (Зогр. ев.); оуподобл'ѫ его... оучѧ ихъ (Сав. кн.).

3. Употребление при глаголе винительного падежа возвратного местоимения сѧ было в старославянском языке еще свободным, не закрепленным в постпозиции по отношению к глаголу. Ср.: ѣко слѣпъ сѧ роди (родился) (Мар. ев.); маловѣре. почто

сѧ сѫмнѣ (усомнился) (Сав. кн.); **при одежди что сѧ печете** (печетесь) (Сав. кн.).

Склонение неличных местоимений

Большинство неличных местоимений имеет однотипное склонение с различением твердого и мягкого вариантов.

	Твердый вариант			Мягкий вариант		
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
			Единственное число			
И.	тъ	то	та	(и)	(ѥ)	(ꙗ)
Р.	того		тоѩ	ѥго		ѥѩ
Д.	томоу		тои	ѥмоу		ѥи
В.	тъ	то	тѫ	и, нь	ѥ	ѭ
Т.	тѣмь		тоѭ	имь		ѥѭ
М.	томь		тои	ѥмь		ѥи
			Множественное число			
И.	ти	та	ты	(и)	(ꙗ)	(ѩ)
Р.		тѣхъ			ихъ	
Д.		тѣмъ			имъ	
В.	ты	та	ты	ѩ	ꙗ	ѩ
Т.		тѣми			ими	
М.		тѣхъ			ихъ	
			Двойственное число			
И.–В.	та	тѣ	тѣ	(ꙗ)	(и)	(и)
Р.–М.		тою			ѥю	
Д.–Т.		тѣма			има	

1. Наличие второй формы винительного падежа единственного числа мужского рода (**нь**) обусловлено положением после предлога: **vъn-jь* > **vъn'ь* > *vъ-nь* (см. § 37). Таким образом, форма **и** (из *jь*) употребляется в качестве прямого дополнения: **съвѣтъ сътворишѧ. вси архиереи. и старьци... на ис҃а. ꙗко оубити ꙇ** (его). **ꙇ** (и — *союз*) **сьвѧзавъше и** (его) **ведошѧ** (Зогр. ев.); а форма **нь** — в качестве косвенного дополнения: **нъ никтоже не възложи на нь** (на него) **рѫкѫ** (Сав. кн.).

Некоторые неличные местоимения имеют определенные особенности в склонении. Так, определительные местоимения **вьсь** и **сиць** склонялись то по мягкому (**вьсего, вьсемоу..., сицего, сицемоу...**), то по твердому (**вьсѣхъ, вьсѣмъ..., сицѣхъ, сицѣмъ...**) варианту. Эта особенность в склонении данных местоимений была обусловлена фонетическими причинами, происхождени-

ем звуков *с* из *х*, а *ц* из *к* по второму смягчению: то в положении после *ь* и *и* (вьсего, сицего), то в положении перед *ѣ* (вьсѣхъ, сицѣхъ) (см. об этом § 22, 23).

Вопросительные местоимения къто, чьто не различали рода и не изменялись по числам. Местоимение къто склонялось по твердому варианту, местоимение чьто — по мягкому:

И.	къто	чьто
Р.	кого	чесо, чьсо, чесого, чьсого
Д.	комоу	чемоу, чесомоу, чьсомоу
В.	кого	чьто
Т.	цѣмь	чимь
М.	комь	чемь, чесомь

В значении винительного падежа местоимения къто издавна употреблялась форма родительного падежа кого. Форма творительного падежа этого местоимения цѣмь возникла по второму смягчению перед *ѣ* (из дифтонга *oi̯*), ср. сицѣмь, вьсѣмь.

Форма родительного падежа чесо (чесо ради муро се не продано бысть — Сав. кн.) представляет собой архаичное образование; все остальные формы с той же основой — аналогического происхождения. Так же, как вопросительные местоимения къто, чьто, склонялись образованные от них отрицательные и неопределенные местоимения никъто, нѣкъто, ничьто, нѣчьто. Если эти местоимения употреблялись с предлогами, то предлог мог ставиться после частицы: ни о чесомъ же спасеши ѩ (ничем не спасешь их) (Син. пс.).

Вопросительное местоимение кыи склонялось то по мягкому варианту (от основы кои-): коего, коемоу, то как полное прилагательное: кыихъ, кыимъ.

Неопределенное местоимение которыи (котерыи) склонялось тоже как полное прилагательное, а местоимение етеръ — как краткое прилагательное (по именному склонению).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Разряды прилагательных

§ 60. В старославянском языке различались следующие семантические разряды прилагательных.

Качественные: бѣлъ, зълъ, малъ, нищь, новъ, поустъ, слѣпъ, соухъ и др. Некоторые из них были образованы при помощи разных суффиксов:

-окъ:	высокъ, глѧбокъ;
-ък:	крѣпъкъ, льгъкъ;
-ивъ:	лѣнивъ, милостивъ;
-икъ:	великъ;
-лъ, -ѣлъ:	гнилъ, кысѣлъ и др.

Относительные прилагательные, которые образовывались от существительных в основном при помощи следующих суффиксов:

-ьнъ:	вѣрьнъ, вѣчьнъ, чьстьнъ;
-ьскъ:	морьскъ, небесьскъ, земьскъ;
-ѣнъ (-анъ):	дрѣвѣнъ, камѣнъ, пѣсъчанъ.

Притяжательные прилагательные, образовывавшиеся при помощи следующих суффиксов:

-овъ (-евъ):	адамовъ, китовъ, кесаровъ (кесаревъ), ноевъ;
-инъ:	маринъ, сотонинъ, иониинъ;
-*jь*:	кънѧжь (из **kъnęgjь*), чловѣчь (из **člověkjь*);
-ии:	божии, вражии;
-ьнь:	владычьнь, господьнь.

Краткие и полные формы прилагательных

§ 61. В старославянском языке имелись краткие (или иначе — именные, нечленные, неопределенные) и полные (или иначе — местоименные, членные, определенные) формы имен прилагательных. Имена прилагательные качественные и относительные употреблялись в той и другой форме: поустъ и поустыи, вѣчьнъ и вѣчьныи. Имена прилагательные притяжательные употреблялись лишь в краткой форме: жениховъ, иониинъ, отьчь.

Причем в старославянском языке не только полная форма прилагательных, но и краткая употреблялась в функции определения: градъ самаренскъ, гладъ крѣпъкъ, гора елионьска, въдовица оубога, добро сѣмѧ, вино ново, ср. имѣше... хлѣбы чисты и топлы... млады сыры (Супр. рук.).

При этом первоначально полные формы прилагательных имели значение признака определенного предмета, выделенного из подобных ему предметов, индивидуализированного и отличного от других, равных ему по роду. Краткая же форма имела значение признака неопределенного, нейтрального предмета, ничем не отличавшегося от равных ему по роду[1]. Кроме

[1] См.: *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М.,

того, краткие формы прилагательных употреблялись предикативно, в качестве именной части составного сказуемого: **стоуденьць глѫбокъ ѥсть** (Ост. ев.).

Склонение кратких прилагательных

§ 62. Краткая форма имен прилагательных, как положительной, так и сравнительной степени, склонялась по именному склонению.

Имена прилагательные **мужского** и **среднего** рода склонялись по основам имен существительных на **-ŏ*: **добръ** как **рабъ**, **отьчь** как **конь**, **добро** как **село**, **отьче** как **поле**.

Имена прилагательные **женского** рода склонялись по основам имен существительных на **-ā*: **добра** как **жена**, **отьча** как **землꙗ**.

Образование и склонение полных прилагательных

§ 63. Имена прилагательные полные образовывались путем присоединения к краткой форме местоимений **и**, **ꙗ**, **ѥ**[1]:

и — мужской род: **добръ-и** > **добрꙑи**, **ништь-и** > **ништии** (об изменении **ъ** и **ь** перед ***и*** в **ꙑ** и **и** см. § 5);

ꙗ — женский род: **добра-ꙗ**, **ништа-ꙗ**;

ѥ — средний род: **добро-ѥ**, **ниште-ѥ**.

Первоначально указательное местоимение служило определенным постпозитивным членом и сохраняло самостоятельную систему склонения, но затем еще в праславянский период в ряде форм произошли изменения, затемнившие первоначальные отношения между именем и местоимением.

В памятниках старославянской письменности отражена следующая система склонения полных прилагательных (см. с. 138).

В склонении полных прилагательных можно установить следующие способы образования падежных форм.

Первый способ (архаичный) состоит в закономерном изменении обеих составных частей полного прилагательного (имени и местоимения). Он представлен в следующих падежах: именительном и винительном всех родов и всех чисел; родительном,

---

1957; *Бородич В. В.* О категории определенности (неопределенности) в старославянском языке // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963.

[1] Подобным же образом образовывались полные формы прилагательных и в балтийских языках.

Твердый вариант

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
	Единственное число		
И.	добрыи	доброѥ	добраꙗ
Р.	добраѥго		добрыѩ
Д.	доброуѥмоу		добрѣи
В.	добрыи	доброѥ	добрѫѭ
Т.	добрыимь		доброѭ, добрѫѭ
М.	добрѣѥмь		добрѣи
	Множественное число		
И.	добрии	добраꙗ	добрыѩ
Р.		добрыихъ	
Д.		добрыимъ	
В.	добрыѩ	добраꙗ	добрыѩ
Т.		добрыими	
М.		добрыихъ	
	Двойственное число		
И.–В.	добраꙗ	добрѣи	добрѣи
Р.–М.		доброую	
Д.–Т.		добрыима	

Мягкий вариант

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
	Единственное число		
И.	ништьи, -ии	ништеѥ	ништꙗꙗ
Р.	ништаѥго		ништѩѩ
Д.	ништюѥмоу		ништии
В.	ништьи, -ии	ништеѥ	ништѭѭ
Т.	ништиимь		ништеѭ, -ѭѭ
М.	ништиѥмь		ништии
	Множественное число		
И.	ништии	ништаꙗ	ништѩѩ
Р.		ништиихъ	
Д.		ништиимъ	
В.	ништѩѩ	ништꙗꙗ	ништѩѩ
Т.		ништиими	
М.		ништиихъ	
	Двойственное число		
И.–В.	ништꙗꙗ	ништии	ништии
Р.–М.		ништюю	
Д.–Т.		ништиима	

дательном, местном единственного числа мужского и среднего рода; родительном множественного числа всех родов; творительном множественного числа мужского и среднего рода. Например: добра-кго (*Р. п. ед. ч. муж. и ср. р.*); доброу-кмоу (*Д. п. ед. ч. муж. и ср. р.*); добрѫ-ѭ (*В. п. ед. ч. жен. р.*); добръ-ихъ > добрыихъ (*Р. п. мн. ч. муж., жен. и ср. р.*).

Второй способ состоит в закономерном изменении именной части, к которой присоединяется усеченная форма местоимения. Причем усечению подвергается основа местоимения к-. Этот способ представлен в следующих падежах: родительном, дательном, местном единственного числа женского рода; родительном–местном двойственного числа всех родов. Так, добры-ѩ (*Р. п. ед. ч. жен. р.*), добрѣ-и (*Д.-М. п. ед. ч. жен. р.*), доброу-ю (*Р.–М. п. дв. ч.*) при соответствующих формах местоимения к-ѩ, к-и, к-ю.

Третий способ — это соединение неизменяемой основы прилагательного (в твердом варианте основа прилагательного оканчивается на *-ꙑ*, в мягком — на *-и*) с закономерно измененной формой местоимения. Этот способ представлен в следующих падежах: творительном единственного числа мужского и среднего рода, дательном и местном множественного числа всех родов; творительном множественного числа женского рода; дательном–творительном двойственного числа всех родов. Например: добры-имь (*Т. п. ед. ч. муж. и ср. р.*), добры-ихъ (*М. п. мн. ч.*), добры-има (*Д.–Т. п. дв. ч.*) при соответствующих формах кратких прилагательных добромь, добрѣхъ или добрахъ, доброма или добрама.

Вероятно, появление таких форм было связано с воздействием местоименного склонения: в этих падежах и в склонении местоимений представлена однотипная основа на *-ѣ* в твердом варианте и на *-и* в мягком варианте: тѣмь, тѣмъ, тѣми, тѣхъ, тѣма; симь, симъ, сими, сихъ, сима.

Образование неизменяемой именной основы прилагательного на *-ꙑ* (добры-) или на *-и* (ништи-), видимо, происходило по аналогии с формами, в которых *ꙑ* и *и* появлялись закономерно. Ср. такие формы первого способа образования, как добрыѩ (*В. п. мн. ч. муж. р.*), добрыими (*Т. п. мн. ч. муж. и ср. р.*), добрыихъ из добръихъ (*Р. п. мн. ч. муж., жен. и ср. р.*).

В творительном падеже единственного числа женского рода памятники отражают употребление двух форм: доброѭ и добрѫѭ. Форма доброѭ по происхождению является именной; форма добрѫѭ может рассматриваться как форма второго способа образования, в которой добрѫ- представляет диалектную

форму творительного падежа именного склонения, а -ѭ — усеченную форму местоимения; ср. ѭ (*Т. п. ед. ч. жен. р. указательного местоимения*).

Изменения в склонении полных форм прилагательных

§ 64. Памятники старославянской письменности отражают ряд более поздних изменений в склонении полных прилагательных.

1. В тех формах, где имелись сочетания *ъи* (твердый вариант) или *ии* (мягкий вариант), наблюдается стяжение гласных: *ъи* > *ъ*, *ии* > *и*. Например: благъıи > благъı, чловѣческъıи > чловѣчьскъı, праведьнъıи > праведьнъı, недѫжьнъıихъ > недѫжьнъıхъ, мрьтвъıихъ > мрьтвъıхъ, праздьнъıимъ > праздьнъıмъ и т. п. Ср. то же в причастиях: доѩштиимъ > доѩштимъ, възлежѧщиихъ > възлежѧщихъ и т. п.

2. В формах родительного, дательного и местного падежей единственного числа мужского и среднего рода наблюдалась утрата *j*, последующее уподобление гласных и затем стяжение их. Например: чловѣчьскаѥго > чловѣчьскааго > чловѣчьскаго; вышьнꙗѥго > вышьнꙗаго > вышьнꙗго; чловѣчьскоуѥмоу > чловѣчьскоуоумоу > чловѣчьскоумоу; вышьнюѥмоу > вышьнюоумоу > вышьнюмоу; небесцѣѥмь > небесцѣѣмь > небесцѣмь; вышьниѥмь > вышьниимь > вышьнимь. Ср. то же в причастиях: нарицаѥмаго, оумеръшаго (*Р. п. ед. ч.*); ослабленоумоу, глаголѭштюмоу (*Д. п. ед. ч.*); нарицаемѣмь (*М. п. ед. ч.*) и т. п.

3. В местном падеже твердого варианта в результате утраты *j* наблюдается, кроме того, изменение *е* в *а*: вѣчьнѣѥмь > вѣчьнѣамь.

4. Изредка в старославянских памятниках употребляются формы, которые образовались по аналогии со склонением местоимений. Таковы живого (**Сав. кн.**); благовѣрномоу (**Асс. ев.**); пръвомоу, послѣдьнемоу (**Зогр. ев.**); с҃томоу (свѧтомоу) (**Л. Унд.**).

Несклоняемые прилагательные

§ 65. В старославянском языке имелись немногочисленные несклоняемые прилагательные, близкие по значению к наречиям. Оканчивались эти прилагательные на *-ь*:

исплънь (полный): седмь кошьницъ исполънь (**Зогр. ев., Мар. ев.**), а в **Сав. кн.**: плънъ (*Р. п. мн. ч.*); дъва на десѧте коша исплънь (**Мар. ев., Зогр. ев.**), а в **Сав. кн.**: плънѣ (*В. п. дв. ч.*);

прѣпрость (простой, краткий): житиѥ прѣпрость отьца иоана (Супр. рук.); и ѥсть покаанне прѣпрость (Супр. рук.);

различь (разный): стада различь воловъ. кобълъ (Супр. рук.); миро же ѥсть различь вонꙗми оустроѥно (Супр. рук.);

свободь (свободный): въ-истинѫ свободь бѫдете (Мар. ев., Зогр. ев.); нѣстъ рабъ ни свободь, нѣстъ богатъ (Супр. рук.); свободь отъ грѣха (Супр. рук.).

Сравнительная степень прилагательных

§ 66. Сравнительная степень употреблялась в старославянском языке от имен прилагательных качественных и относительных. Образовывалась сравнительная степень при помощи двух суффиксов: -'ьш- и -ѣиш- (-'аиш-). Суффикс -'ьш- являлся архаичным и употреблялся при образовании сравнительной степени от немногих непроизводных качественных прилагательных, суффикс -ѣиш- был продуктивным.

Старославянские суффиксы сравнительной степени образовывались в праславянском языке из *-*jьs*- и *-*ējьs*-, которые, по-видимому, были унаследованы из общеиндоевропейского, ср. латинский суффикс *-jos-* > *-jus-*. Во всех формах, за исключением именительного падежа единственного числа мужского рода и именительного-винительного падежей единственного числа среднего рода, эти праславянские суффиксы распространялись именными суффиксами: *-*jō* для мужского и среднего рода и *-*jā* для женского рода. Следовательно, **jьs* + *j* > **jьš* и **ējьs* + *j* > **ēiš*. При образовании сравнительной степени с суффиксом *-*jьš*- происходило чередование согласных звуков, обусловленное изменением согласных под влиянием *j* (см. § 26). Например: от хоуда сравнительная степень хоуждьши (*И. п. ед. ч. жен. р.*), где жд из *dj*; от люта — люштьши, где шт из *tj*; от лиха — лишьши, где ш из *chj*; от грѫба — грѫбльши и т. п.

При образовании сравнительной степени с суффиксом *-*ēiš*- от основ прилагательных на заднеязычные согласные наблюдалось изменение заднеязычного в мягкий шипящий звук, после которого *ē* переходило в *'а* (см. § 21). Например: от сильна сравнительная степень сильнѣиши (*И. п. ед ч. жен. р.*), от грѣшьна — грѣшьнѣиши, но от мънога — множаиши, где *ж* из *г* по первому смягчению, а *'а* из *ē* в положении после мягкого *ж*.

Если имя прилагательное имело в положительной степени суффиксы -ок-, -ък-, -ьк-, то суффикс сравнительной степени

-'ьш- присоединялся к корню прилагательного, а суффикс -ѣиш- (-'аиш) — к основе прилагательного. Например: от выс-ок-а сравнительная степень вышьши (*И. п. ед. ч. жен. р.*), где *ш* из *sj*; от крѣп-ък-а — крѣпльши (пл из *pj*); от слад-ък-а — слаждьши (жд из *dj*); от тѧж-ьк-а — тѧжьши (*ж* из *gj*); но от тън-ък-а — тънъчаиши; от мѧк-ък-а — мѧкъчаиши; от крот-ък-а — кротъчаиши, от гор-ьк-а — горьчаиши, где *к* > *ч* перед *ē* > *'а*.

Ряд имен прилагательных образовывали сравнительную степень от другой основы. Таковы: малъ — мьнии; великъ, вел̂ии — болии, вѧштии; зълъ — го̂рии, поуштии; добръ — лоучии, оун̂ии, соул̂ии.

§ 67. Краткие формы сравнительной степени склонялись так же, как краткие формы положительной степени, т. е. по именному склонению мягкого варианта. Однако образование некоторых форм требует специальных примечаний.

1. В формах именительного падежа единственного числа мужского рода и именительного–винительного падежей единственного числа среднего рода в силу тенденции к открытости слогов конечный согласный суффиксов подвергался утрате. Таким образом появились формы сильнѣи, старѣи, мъножаи (*И. п. ед. ч. муж. р.*) и сильнєѣѥ, старѣѥ, мъножаѥ (*И.–В. п. ед. ч. ср. р.*).

2. Именительный падеж единственного числа мужского рода сравнительной степени прилагательных, образованных при помощи суффикса -'ьш-, по аналогии с формами сильнѣи, старѣи, мъножаи получил то же окончание -и: хоуждьи > хоуждии, крѣпльи > крьплии, мьньи > мьнии и т. д.

3. В именительном падеже множественного числа мужского рода имелось окончание -є, как в склонении с основами на согласный звук: мьньшє, хоуждьшє, старѣишє как дьнє, каменє.

4. В именительном падеже единственного числа женского рода имелось окончание -и, как у существительных женского рода с основой на *-ā типа богыни: мьньши, мъножаиши, мѫдрѣиши.

Образец склонения

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
	Единственное число		
И.	болии	болѥ	больши
Р.	больша		большѧ
Д.	большю		больши
В.	большь	болѥ	большѫ
Т.	большемь		большеѭ
М.	больши		больши

Множественное число

И.	больше	больша	большѧ
Р.		большь	
Д.	большемъ		большамъ
В.	большѧ	больша	большѧ
Т.	больши		большами
М.	большихъ		большахъ

Двойственное число

И.–В.	больша	больши	больши
Р.–М.		большю	
Д.–Т.	большема		большама

Полные формы сравнительной степени образуются и склоняются подобно полным формам положительной степени:

Единственное число

И.	болии	болеѥ	большиꙗ
Р.	большаѥго		большѧѩ
Д.	большюѥмоу		большии и т. д.

(См. склонение полных прилагательных, § 63.)

§ 68. В памятниках старославянской письменности отражается ряд изменений в употреблении форм сравнительной степени.

1. Изредка формы сравнительной степени с архаичным суффиксом -'ьш- заменяются формами с суффиксом -ѣиш-. Например, при люштии употребляется лютѣи, при крѣплии — крѣпѣи, при мьнии — мьнѣи и под.

2. В винительном падеже единственного числа мужского рода вместо архаичной формы типа большь употребляются формы именительного падежа болии, старѣи, мъножаи и т. п.

3. В именительном падеже множественного числа мужского рода под воздействием форм основ на *-ŏ появляется окончание -и: больши, старѣиши, мъножаиши.

4. Форма именительного–винительного падежей единственного числа среднего рода стала употребляться в функции наречия: болѥ, мьнѥ, старѣѥ и т. д. В связи с этим в именительном–винительном падежах единственного числа среднего рода появились формы, образованные по аналогии с остальными формами: больше, мьньше, старѣише.

5. Изредка в старославянском языке встречаются формы сравнительной степени, образованные от наречий: пакы — паче,

местоимений: такъ — тачѣе и причастий, употребляемых как прилагательные: съвръшенъ — съвръшенѣи.

Превосходная степень прилагательных

§ 69. Значение превосходной степени, не содержащей сравнения с чем-нибудь (абсолютная превосходная степень), выражается в старославянском языке разными способами:

а) при помощи наречия ѕѣло: бꙑшѧ ризꙑ его... бѣлꙑ ѕѣло (Мар. ев.); іродъ... радъ бꙑстъ ѕѣло (Мар. ев.);

б) посредством увеличительной приставки прѣ-: прѣлѫкавꙑи врагъ (Супр. рук.); прѣвеликъ звѣрь (Супр. рук.); прѣтьмьнꙑи мракъ (Супр. рук.); тꙑ ги благъ кротокъ и прѣмилостивъ (Син. пс.);

в) изредка посредством приставки наи-, присоединяемой к сравнительной степени: наивѧште, наипаче, наискорѣе. Эти формы имеют значение наречия.

Значение превосходной степени, заключающей в себе сравнение (относительная превосходная степень), передается описательно: сочетанием сравнительной степени с родительным падежом множественного числа: съгрѣшеньѥ вьсѣхъ горьшеѥ (Супр. рук.); сами сѫште вьсѣхъ нечистѣиши (Супр. рук.); мьните ли ѣко галилѣане сии грѣшьнѣиши паче вьсѣхъ чл҃къ бѣша (Мар. ев.).

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные

1	— единъ (едьнъ), -а, -о	30	— три десѧте
2	— дъва, дъвѣ; оба, обѣ	40	— четꙑре десѧте
3	— трие, три	50	— пѧть десѧтъ
4	— четꙑре, четꙑри	60	— шесть десѧтъ
5	— пѧть	70	— седмь десѧтъ
6	— шесть	80	— осмь десѧтъ
7	— седмь	90	— девѧть десѧтъ
8	— осмь	100	— съто
9	— девѧть	200	— дъвѣ сътѣ
10	— десѧть	300	— три съта
11	— единъ на десѧте	400	— четꙑри съта
12	— дъва (оба) на десѧте	500	— пѧть сътъ и т. д.
13	— три на десѧте	1000	— тꙑсѧшта, тꙑсѧща
14	— четꙑре на десѧте	2000	— дъвѣ тꙑсѧшти
15	— пѧть на десѧте	3000	— три тꙑсѧштѧ

16 — шесть на десѧте	4000 — четꙑри тꙑсѧштѧ
17 — седмь на десѧте	5000 — пѧть тꙑсѧшть и т. д.
18 — осмь на десѧте	10000 — десѧть тꙑсѧшть,
19 — девѧть на десѧте	тьма, несъвѣда
20 — дъва десѧти	

§ **70.** Числительные ѥдинъ (ѥдьнъ), дъва и оба склонялись так же, как указательные местоимения. Например: ѥдинъ, ѥдиного, ѥдиномоу и т. д. Числительные дъва и оба, естественно, употреблялись только в формах двойственного числа:

	Муж. р.	Жен. и ср. р.
И.–В.	дъва, оба	дъвѣ, обѣ
Р.–М.	дъвою, обою	
Д.–Т.	дъвѣма, обѣма	

Наоборот, числительные три, четꙑре употреблялись в формах множественного числа. Числительное триѥ, три склонялось подобно существительным с основой на *-ĭ > -ь:

	Муж. р.	Жен. и ср. р.
И.	триѥ	три
Р.	трии	
Д.	трьмъ	
В.	три	
Т.	трьми	
М.	трьхъ	

Числительное четꙑре, четꙑри склонялось подобно существительным с основой на согласный звук:

	Муж. р.	Жен. и ср. р.
И.	четꙑре	четꙑри
Р.	четꙑръ	
Д.	четꙑрьмъ	
В.	четꙑри	
Т.	четꙑрьми	
М.	четꙑрьхъ	

Количественные числительные 1–4 являлись в старославянском языке именами прилагательными и поэтому согласовывались с именем существительным, обозначавшим предмет счета, в роде и падеже, число же существительного определялось числительным:

ѥдинъ, -а, -о: ѥдинъ пастоухъ, ѥдино стадо, ѥдина жена, ѥдинъ богъ, ѥдиного бога (*ед. ч.*);

дъва, -ѣ: дъва брата, дъвѣ ризѣ, дъвою дьноу, двою ризоу, дъвѣма пѣнѧѕема, дъвѣма господьма (*дв. ч.*);

трие, -и: трие дьне, три ношти, трии съвѣдѣтель, трьмъ мѣтрамъ, трьми дьньми, трьхъ дьньхъ (*мн. ч.*);

четыре, -и: четыре мѣсѧци, четыръ вѣтръ, четыри дьни (*мн. ч.*).

§ **71.** Количественные числительные 5–9 склонялись подобно именам существительным женского рода с основой на *-ĭ > -ь:

И.	пѧть	В.	пѧть
Р.	пѧти	Т.	пѧтиѭ
Д.	пѧти	М.	пѧти

Числительное десѧть склонялось как имена существительные с основой на согласные звуки:

	Ед. ч.	Мн. ч.		Дв. ч.
И.	десѧть	десѧте, -и	И.–В.	десѧти
Р.	десѧте, -и	десѧтъ	Р.–М.	десѧтоу
Д.	десѧти	десѧтьмъ	Д.–Т.	десѧтьма
В.	десѧть	десѧти		
Т.	десѧтиѭ	десѧты		
М.	десѧте, и	десѧтьхъ		

Количественные числительные 5–10 были в старославянском языке существительными. В памятниках старославянской письменности изредка сохраняется их употребление с определяющим словом: г҃и пѧть таланътъ ми еси прѣдалъ. се дроугѫѭ пѧть (другую пятерку) таланътъ приобрѣтъ ими (Мар. ев., Зогр. ев., Сав. кн.); и приемъ седмь тѫ (ту семерку) хлѣбъ (Мар. ев.); даждъ емоу дроугѫѭ •ѕ҃• (6) (другую шестерку) златицъ (Супр. рук.).

Являясь существительными, числительные 5–10 управляли родительным падежом множественного числа: пѧть хлѣбъ, пѧти хлѣбъ, о пѧти хлѣбъ; десѧть рабъ, надъ десѧтьѭ градъ, о десѧти прокаженъ.

§ **72.** Числительные 11–19 образовывались посредством присоединения к названиям единиц первого десятка местного падежа с предлогом на от числительного десѧть: 11 — единъ на десѧте, 12 — дъва на десѧте и т. п.

При образовании числительного 11 изредка употребляется полная форма числительного единъ: едины на десѧте оученикъ, единоуемоу на десѧте оученикоу, въ единѫѭ на десѧте годинѫ

(Мар. ев.). Числительное **12** образуется как с числительным дъва, дъвѣ, так и с числительным оба, обѣ. Например: оба на десѧте оученика, обѣма на десѧте колѣнома.

Склоняются числительные от **11** до **19** лишь в первой части, причем числительные **11–14** сохраняют согласование с существительным, обозначающим предмет счета, а числительные **15–19** — управление родительным падежом множественного числа. Например:

12 — дъва на десѧте коша (*В. п. дв. ч.*), дъвѣ на десѧте лѣтѣ (*В. п. дв. ч.*), дъвѣ на десѧте годинѣ (*И. п. дв. ч.*), дъвою на десѧте дѣтоу (*Р. п. дв. ч.*), на дъвою на десѧте прѣстолоу (*М. п. дв. ч.*);

15 — пѧть на десѧте стадии (*Р. п. мн. ч.*), до пѧти на десѧте поприштъ (*Р. п. мн. ч.*);

16 — шесть на десѧте лѣтъ (*Р. п. мн. ч.*).

Однако изредка числительные **11–14** в соответствии со своим значением тоже управляют родительным падежом множественного числа: и възѧшѧ избывъшее имъ кошъ (*Р. п. мн. ч.*) •в҃і• (12) (Мар. ев.); дъва на десѧте легеонъ (*Р. п. мн. ч.*) аггелъ (Супр. рук.); ср. дъва на десѧте леѓеона (*И.–В. п. дв. ч.*) анѓлъ (Мар. ев.).

§ **73**. Числительные **20–90** образуются посредством присоединения к названиям единиц первого десятка закономерной, т. е. соответствующей синтаксическим связям числительных, формы числительного десѧть. Поэтому при образовании числительных **20**, **30**, **40** наблюдается согласование: дъва десѧти (*дв. ч.*), три десѧте (*мн. ч.*), четыре десѧте (*мн. ч.*), а при образовании числительных **50–90** наблюдается управление родительным падежом множественного числа: пѧть десѧтъ, шесть десѧтъ и т. п.

При склонении числительных **20**, **30**, **40** изменяются обе формы: съ дъвѣма десѧтьма (*Т. п. дв. ч.*), трьмъ десѧтьмъ (*Д. п. мн. ч.*), на три десѧти (*В. п. мн. ч.*), четырьми десѧты (*Т. п. мн. ч.*). При склонении числительных **50–90** изменяется лишь первая часть: по пѧти десѧтъ (*Д. п.*), пѧтьѭ десѧтъ (*Т. п.*), о авлении седми десѧтъ (*Р. п.*), до осми десѧтъ (*Р. п.*).

Числительные **20**, **30**, **40** в именительном–винительном падежах управляют, подобно числительным **50–90**, родительным падежом множественного числа: три десѧте сърebрьникъ (*Р. п. мн. ч.*). В остальных падежах числительные **20**, **30**, **40** обычно сохраняют древнее согласование с именем существительным, обозначающим предмет счета: съ дъвѣма десѧтьма тысѧштама (*Т. п. дв. ч.*) (Мар. ев.); на трехъ десѧтехъ сьребрьницѣхъ (*М. п.*

мн. ч.) (Супр. рук.); **въ четырехъ десѧтехъ лѣтѣхъ** (*М. п. мн. ч.*) (Супр. рук.).

Однако в единичных случаях эти числительные управляют родительным падежом множественного числа, подобно числительным **50–90**: **тремъ десѧтемъ лѣтъ** (Мар. ев.).

§ **74**. Числительное **съто** — имя существительное среднего рода с основой на **-ŏ*, управляющее родительным падежом множественного числа: **съто овьць, сътомь мѣръ, сътомь корецъ, сътомь пѣнѧѕь, о сътѣ овець** и т. п.

Числительные **200–900** образуются подобно названиям десятков: к названию единиц первого десятка присоединяется закономерная, т. е. соответствующая синтаксическим связям числительных, форма числительного **съто**. Таким образом, при образовании числительных **200, 300, 400** наблюдаются формы согласования: **дъвѣ сътѣ** (*дв. ч.*), **три съта** (*мн. ч.*), **четыри съта** (*мн. ч.*). При образовании числительных **500–900** наблюдается управление родительным падежом множественного числа: **пѧть сътъ, шесть сътъ** и т. д.

При склонении числительных **200, 300, 400** изменялись обе формы: **дъвѣ сътѣ** (*И.–В. п.*), **дъвою сътоу** (*Р.–М. п.*), **дъвѣма сътома** (*Д.–Т. п.*); **три съта** (*И.–В. п.*), **трии сътъ** (*Р. п.*), **трьмъ сътомъ** (*Д. п.*), **трьхъ сътѣхъ** (*М. п.*). При склонении числительных **500–900** изменялась лишь первая часть: **пѧти сътъ** (*Д. п.*), **пѧтиѭ сътъ** (*Т. п.*), **по девѧти сътъ** (*Д. п.*).

Числительные **500–900** управляли родительным падежом множественного числа: **пѧти сътъ воинъ** (Супр. рук.), **пѧтиѭ сътъ сърѣбрьникъ** (Супр. рук.), **пѧтиѭ сотъ динарь** (Мар. ев.).

Числительные **200, 300, 400** в именительном–винительном падежах, подобно числительным **500–900**, управляли родительным падежом множественного числа: **дъвѣ сътѣ лакътъ, три съта златицъ** и т. п. В прочих падежах эти числительные согласуются с именем существительным, обозначающим предмет счета: **трьмъ сътомъ динаремъ** (Супр. рук.), **на трехъ сътѣхъ динарихъ** (Супр. рук.).

Однако встречается и управление родительным падежом множественного числа: **дъвѣма сътома пѣнѧѕъ** (Мар. ев.).

§ **75**. Числительное **тысѫшта (тысѧшта)** — имя существительное с основой на **-ā*. Названия тысяч образуются подобно названиям десятков и сотен: к названиям единиц первого десятка присоединяется соответствующая синтаксическим связям числительных форма числительного **тысѫшта**:

Согласование	2000 — дъвѣ тысѧшти *(дв. ч.)* 3000 — три тысѧшта *(мн. ч.)* 4000 — четыри тысѧшта *(мн. ч.)*		
Управление	5000 — пѧть тысѧшть 6000 — шесть тысѧшть 10000 — десѧть тысѧшть 20000 — дъвѣ десѧти тысѧшть		*(Р. п. мн. ч.)*

Числительные **2000, 3000, 4000** при склонении изменяют обе части: четыремъ тысѧштамъ (*Д. п. мн. ч.*) (Мар. ев.).

Числительные **5000–10000** при склонении изменяют лишь первую часть: пѧти тысѧштъ (*Д. п.*) (Мар. ев.), съ десѧтиѭ тысѧштъ (*Т. п.*) (Мар. ев.).

Для передачи **10000** служили также имена существительные тьма и реже несъвѣда: привѣсѧ емоу длъжьникъ единъ. тъмоѭ таланътъ (Мар. ев.); и бяви стадо се. и оумъножи е на тысѧщѧ и на тъмы (Син. тр.). Те же существительные могли обозначать бесчисленное количество, не поддающееся счету: не оубоѭ сѧ отъ тьмы людеі: нападаѭщихъ на мѧ (Син. пс.); козы овьцѧ многы тъмами пасомы въ горахъ (Супр. рук.); тъмѫ имамъ добрыхъ дѣлъ (Сб. Кл.); и несьвѣдами покмлѧ плѣнникы (Супр. рук.). Ср. употребление в том же значении заимствованного слова легеонъ: въпроси же и ісъ... что ти имѧ естъ. он же рече леѓеонъ. ѣко бѣси мъноѕи вънидѫ во нь (Мар. ев.).

§ 76. Числительные, состоявшие из сотен, десятков и единиц, передавались следующим образом: между названиями сотен, десятков и единиц ставился соединительный союз, обычно и и реже ти: **930** — по девѧти сътъ и три десѧти лѣтѣхъ (Супр. рук.); **46** — четыри десѧти ти шесть (Супр. рук.); **84** — до осми десѧтъ и четыръ лѣтъ (Мар. ев.).

При передаче числительных от **21** до **29** применялся и другой способ: **24** — четыре междю десѧтьма, **25** — пѧть междю десѧтьма, т. е. к названию единиц присоединялся с наречием междю творительный падеж двойственного числа от десѧть.

Порядковые числительные

1-й — прьвыи
2-й — вторыи
3-й — третии
4-й — четврьтыи
5-й — пѧтыи
17-й — седмыи на десѧте, седмьнадесѧтыи, седмьнадесѧтьныи
18-й — осмыи на десѧте, осмонадесѧтыи

6-й — шестꙑи
7-й — седмꙑи
8-й — осмꙑи
9-й — девѧтꙑи
10-й — десѧтꙑи
11-й — прьвꙑи на десѧте; ѥдинꙑи на десѧте, ѥдинонадесѧтꙑи
12-й — въторꙑи на десѧте, дъванадесѧтꙑи, дъванадесѧтьнꙑи
13-й — третии на десѧте, тринадесѧтꙑи
14-й — четврьтꙑи на десѧте, четꙑренадесѧтꙑи, четꙑренадесѧтьнꙑи
15-й — пѧтꙑи на десѧте, пѧтьнадесѧтьнꙑи
16-й — шестꙑи на десѧте, шестонадесѧтьнꙑи
19-й — девѧтꙑи на десѧте, девѧтьнадесѧтьнꙑи
20-й — дъва(дъво)десѧтꙑи, дъва(дъво)десѧтьнꙑи
30-й — тридесѧтьнꙑи
40-й — четꙑридесѧтꙑи, четꙑридесѧтьнꙑи
50-й — пѧтьдесѧтꙑи, пѧтьдесѧтьнꙑи
60-й — шестьдесѧтꙑи
70-й — седмодесѧтьнꙑи, седмьдесѧтьнꙑи
80-й — осмьдесѧтꙑи, осмьдесѧтьнꙑи
90-й — девѧтьдесѧтꙑи, девѧтьдесѧтьнꙑи
100-й — сътьнꙑи
200-й — дъвосътьнꙑи
500-й — пѧтьсътьнꙑи
1000-й — тꙑсѫштьнꙑи, тꙑсѧштьнꙑи

§ 77. Порядковые числительные являлись прилагательными, поэтому они имели краткую и полную формы. Обычно в памятниках старославянской письменности они употребляются в полной форме, однако возможно их употребление в краткой форме: прьвъ, въторъ, пѧтъ, шестъ и т. п. Некоторые из них образовывались при помощи суффикса -ьн-: дъванадесѧтьнꙑи, сътьнꙑи, тꙑсѧштьнꙑи.

Будучи прилагательными, порядковые числительные склонялись как прилагательные: краткие формы — по именному склонению с основами на *-$\bar{a}$ и *-$\breve{o}$; полные формы — по местоименному склонению (см. § 62 и 63).

Собирательные числительные

дъвоѥ, обоѥ	пѧторо, пѧтеро	осморо, осмеро
троѥ	шесторо, шестеро	девѧторо, девѧтеро
четворо, четверо	седморо, седмеро	десѧторо, десѧтеро

§ 78. Собирательные числительные употреблялись в единственном числе в форме среднего рода, во множественном и

двойственном числах — в формах всех родов. Склонялись они как неличные местоимения: дъвок, дъвокго, дъвокмоу и т. д.

При словах, имевших только формы множественного числа, собирательные числительные употребляются в формах множественного числа: дъвои людьк.

При именах собирательных они употреблялись в формах единственного числа, причем собирательное существительное стояло в родительном падеже единственного числа: дъвок братиѩ[1].

ГЛАГОЛ

Грамматические категории и формы глагола

§ 79. Все глагольные формы старославянского языка делятся на спрягаемые и неспрягаемые. К неспрягаемым формам относятся неизменяемые инфинитив и супи́н[2] и склоняемые причастия. Спрягаемые глагольные формы, называемые иначе личными, так как спряжение — это изменение глагола по лицам, имели систему трех наклонений: изъявительного, сослагательного и повелительного.

Изменение глаголов по временам, которое происходило в изъявительном наклонении, является наибольшим отличием системы старославянского глагола от глагольной системы современного русского языка.

Так, в старославянском языке различались следующие временны́е формы: настоящее время, будущее простое, будущее первое сложное, будущее второе сложное; прошедшие времена: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект[3]. Эта сложная система времен глагола была унаследована старославянским языком из праславянского и в значительной степени была обусловлена тем, что видовые различия глагола в праславянском языке в древнейший период его существования не были развиты в той степени, которую они с течением времени получили в

---

[1] О старославянских числительных см.: *Супрун А. Е.* Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.

[2] Эти термины происходят от *лат. infinitivus* (неопределенный) и *лат. supinum* (безразличный) и связаны с тем, что и в латинском языке это были неизменяемые формы именного причастия.

[3] Термины, употребляемые для названия форм прошедшего времени, — греческого и латинского происхождения. Название *аорист* произошло от *греч.* ἀόριστος (неопределенный, неограниченный), *имперфект* — от *лат. imperfectum* (несовершенное), *перфект* — от *лат. perfectum* (совершенное), *плюсквамперфект* — от *лат. plusquamperfectum* (более, чем совершенное).

разных славянских языках, в том числе и в старославянском. В старославянском глаголе уже отчетливо выражены противопоставления основ совершенного и несовершенного вида. Почти 98% старославянских глаголов употребляются однозначно: или только в совершенном, или только в несовершенном виде.

Основными способами образования видовых пар глагола в старославянскм языке были префиксация и суффиксация. Можно отметить следующие видовые пары славянского глагола:

1) бесприставочный глагол несовершенного вида — глагол с формальной приставкой, не изменявшей лексического значения, совершенного вида: дѣлати — сътворити, творити — сътворити, хвалити — похвалити;

2) бесприставочный глагол совершенного вида — глагол с суффиксом -а- несовершенного вида: пасти — падати, сѣсти — сѣдати, лишити — лишати, поустити — поуштати, ꙗвити — ꙗвлꙗти;

3) глагол совершенного вида с приставкой, изменявшей его лексическое значение, — приставочный глагол с суффиксом -а- несовершенного вида: избавити — избавлꙗти, отъвѣтити — отъвѣштати, възмѫтити — възмѫштати, ср. мѫтити;

4) однократный глагол с суффиксом -нѫ- совершенного вида[1] — глагол с суффиксом -а- несовершенного вида: коснѫти сѧ — касати сѧ, тъкнѫти — тъкати;

5) иногда видовые пары глаголов в старославянском языке образуются от разных основ: рещи (сказать) — глаголати (говорить), оузьрѣти (увидеть) — видѣти (видеть), врѣшти (бросить) — метати (бросать).

Кроме того, в старославянском языке имелись и иные различия в семантике глаголов, не связанные с противопоставлением по виду. Некоторые глаголы выражали различие по определенности и неопределенности действия:

определенные	неопределенные
вести	водити
нести	носити
ити	ходити

Другие глаголы, более многочисленные, выражали различие по кратности. Одни из этих глаголов просто называли действие, другие выражали его многократность, повторяемость (итеративные глаголы): плоути — плавати, родити — раждати,

[1] Некоторые глаголы с суффиксом -нѫ- не имели значения однократности, а передавали переход из одного состояния в другое: съхнѫти, гаснѫти. Подобные глаголы были несовершенного вида.

тъкати — тыкати, ходити — хаждати и т. п. При этом оба глагола одной пары и в том и в другом случае являются глаголами несовершенного вида.

Образование подобных семантически различающихся пар глаголов происходило не только посредством суффиксации, но также посредством чередования гласных звуков в корне глагола: нести || носити; ходити || хаждати (см. § 38).

По-видимому, эти случаи с чередованием гласных в корне отражают более архаичные различия славянского глагола, чем различия по виду, которые в более позднее время стали определять морфологию глагола[1].

Основы глагола

§ **80.** Глагольные формы старославянского языка, как спрягаемые, так и неспрягаемые, образованы от двух основ, которые условно называют основой настоящего времени и основой инфинитива. Обычно эти основы в старославянском языке не совпадают.

Основа настоящего времени	Основа инфинитива
несе-тъ	нес-ти
двигне-тъ	двигнѫ-ти
стражде-тъ	страда-ти
види-тъ	видѣ-ти

От основы настоящего времени, кроме форм настоящего времени, в старославянском языке были образованы причастия настоящего времени и формы повелительного наклонения. Все прочие формы образовывались от основы инфинитива.

Все старославянские глаголы по основе настоящего времени делятся на пять групп, называемых глагольными классами. При этом первые четыре класса имели основообразующий, или тематический, элемент. Это были **тематические** глаголы.

I класс составляют глаголы с основой настоящего времени на тематические гласные *е* || *о*: несе-тъ (|| несо-мъ), иде-тъ;

II класс составляют глаголы с основой на *ne* || *no*: мине-тъ, съхне-тъ;

III класс составляют глаголы с основой на *je* || *jo*: знаѥ-тъ, пише-тъ (из **pisje-tъ*);

---

[1] Об употреблении времени и вида старославянского глагола см.: *Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.

IV класс составляют глаголы с основой на тематический гласный *i*: води-тъ, види-тъ.

V класс составляют архаичные глаголы с основой настоящего времени без тематического гласного, личное окончание в которых присоединялось непосредственно к глагольному корню; таких **нетематических** глаголов в старославянском языке было всего четыре: ѥстъ, дастъ, вѣстъ и ꙗстъ.

По основам инфинитива все старославянские глаголы могут быть разделены на две группы: глаголы производные и глаголы непроизводные.

Производные глаголы были образованы при помощи разных суффиксов, основа инфинитива у них всегда оканчивалась на гласный звук: видѣ-ти, носи-ти, бьра-ти, дага-ти, бъıва-ти, дарова-ти, съхнѫ-ти.

Непроизводные глаголы имели равную корню основу, которая могла оканчиваться и на гласный, и на согласный звук. При этом надо учитывать, что в самом инфинитиве могли происходить фонетические изменения, связанные с упрощением групп согласных (см. § 35–36). Непроизводные глаголы на согласный звук: нес-ти, пас-ти (пасетъ), лѣс-ти из **lēz-ti* (лѣзетъ), вес-ти из **ved-ti* (ведетъ), решти из **rek-ti* (речетъ). Непроизводные глаголы на гласный звук: зна-ти, пи-ти, пѣ-ти, ꙙ-ти (взять), крꙑ-ти, бꙑ-ти, да-ти.

Между основами настоящего времени и основами инфинитива имеются определенные соотношения, которые могут быть представлены в следующей таблице (см. с. 155).

Данные этой таблицы позволяют сделать следующие выводы:

1) все глаголы с непроизводной основой инфинитива на согласный звук, кроме ꙗсти, а также обрѣсти, сърѣсти, являются глаголами I класса, ср. пасти — пасе-тъ; глагол ꙗсти — V класса, глаголы обрѣсти, сърѣсти — III класса: обрꙙште-тъ из **obrętje-tь*;

2) все глаголы с производной основой инфинитива с суффиксом -нѫ- являются глаголами II класса: гаснѫ-ти — гасне-тъ;

3) все глаголы с производной основой инфинитива с суффиксами -ва- и -ова- являются глаголами III класса: трѣбовати — трѣбоуѥ-тъ;

4) все глаголы с производной основой инфинитива с суффиксом -и- являются глаголами IV класса: хвалити — хвалитъ.

Класс	Основа настоящего времени	Основа инфинитива	Примеры (*3 л. ед. ч. наст. вр. — инф.*)
I	*-е-* ‖ *-о-*	1) непроизводная на согласный 2) непроизводная на гласный 3) *-а-*	пасетъ — пасти идетъ — ити беретъ — бьрати
II	*-nе-* ‖ *-nо-*	*-nѫ-*: 1) с корнем на согласный 2) с корнем на гласный	гаснетъ — гаснѫти минетъ — минѫти
III	*-je-* ‖ *-jo-* 1) *-je-* 2) *-je-* 3) *-je-* 4) *-je-* 5) *-aje-* 6) *-ěje-* 7) *-uje-* 8) *-vaje-*	*-а-* непроизводная на *-r*, *-l* непроизводная на *-i-*, *-y-*, *-u-* на *-ja-* на *-а-* на *-ě-* на *-ova-* на *-va-*	чешетъ < **česjetъ* — чесати кол̑етъ < **koljetъ* — клати < **kolti* пиѥтъ — пити сѣѥтъ — сѣꙗти отъвѣштаѥтъ — отъвѣштати разоумѣѥтъ — разоумѣти трѣбоуѥтъ — трѣбовати бываѥтъ — бывати
IV	*-i-*	1) *-i-* 2) *-ě-* 3) *-'а-*	хвалитъ — хвалити видитъ — видѣти слышитъ — слышати
V	Нетематическая основа на согласный звук	разнотипные основы	ѥстъ — быти дастъ — дати вѣстъ — вѣдѣти ꙗстъ — ꙗсти < **jědti*

§ 81. Хотя в большинстве форм, как это видно из вышеприведенных примеров, древние глагольные основы в старославянском языке сохранены, однако в некоторых случаях и в глаголе, так же как и в имени существительном, наблюдается процесс переразложения элементов основы, образование и в глагольных формах однотипной основы на согласный звук.

Особенно часто этот процесс переразложения наблюдается при образовании ряда глагольных форм от основ с тематическим гласным -о. Таковы, например, формы повелительного наклонения, причастий действительного залога настоящего времени, 3 лица множественного числа настоящего времени от

глаголов I класса. В этих формах в силу фонетических изменений древняя тематическая основа уже затемнена и может быть восстановлена лишь при помощи сравнительно-исторического анализа. Например:

пас-ѣ-те (*2 л. мн. ч. повел. накл.*) восходит к **paso-i-te*, где дифтонг *oi̯*, возникший из гласного основы *o* и праславянского суффикса повелительного наклонения *-i-*, монофтонгизировался перед согласным в *ě* (ѣ);

пас-жщ-и (*И. п. ед. ч. жен. р. действ. прич. наст. вр.*) восходит к **paso-nt-ji*, где дифтонгическое сочетание *on*, возникшее из гласного основы *o* и архаичного суффикса действительных причастий *-nt-*, изменялось перед согласным в *ǫ* (ж), ср. пасо-ма (*И. п. ед. ч. жен. р. страд. прич. наст. вр.*);

пас-жтъ (*3 л. мн. ч. наст. вр.*) восходит к **paso-ntъ*, где дифтонгическое сочетание *on*, возникшее из гласного основы *o* и архаичного окончания 3 лица множественного числа *-ntъ*, изменилось перед согласным в *ǫ* (ж); ср. то же в глаголах IV класса, где тематический гласный основы *i* в сочетании с последующим *n* изменялся в *ę* (ѧ): **vidi-ntъ* > *vidętъ* (вид-ѧтъ).

Таким образом, в старославянском языке наряду с глагольными формами, сохранившими древнюю основу без изменения, имеются и такие формы, в которых представлена новообразованная основа на согласный звук.

ЗНАЧЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Настоящее время

§ 82. Основным грамматическим временем, по отношению к которому определяются все остальные грамматические времена, является **настоящее время**.

В старославянском языке настоящее время образовывалось преимущественно от глаголов несовершенного вида и обозначало как действие, одновременное с моментом речи, так и действие постоянное, обычно совершающееся вне временных ограничений: отъвѣштасте же имъ родителѣ его... вѣвѣ (знаем) ѣко сь естъ сынъ наю. і ѣко слѣпъ сѧ роди. како же нынѣ видитъ не вѣвѣ (не знаем) (Мар. ев.); и рече авраамъ чадо... (лазаръ)... нынѣ же съде оутѣшаетъ сѧ. а ты страждеши (Сав. кн.); онъ отвѣштавъ рече оц҃ю своемоу. се колико лѣтъ работаѭ тебѣ (Зогр. ев.).

Настоящее время образовывалось от основы настоящего времени, к которой присоединялись личные окончания. В зависимости от глагольного класса в некоторых формах имелись варианты личных окончаний.

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	-ѫ (-ѭ) *(III кл.)* -мь *(V кл.)*	-мъ	-вѣ
2 л.	-ши, -си *(V кл.)*	-те	-та
3 л.	-тъ	-ѫтъ, -ѧтъ *(IV, V кл., кроме* быти*)*	-те

1. Окончание 1 лица единственного числа тематических глаголов -ѫ (-ѭ) возникло в I, II и III классах из сочетания **от* неясного происхождения. То же окончание по аналогии с прочими глагольными классами обобщилось и у глаголов IV класса, в которых гласный основы *i* в положении перед другим гласным (*ǫ*) переходил в *j*, вызывавший изменение артикуляции предшествующего согласного. Ср. носиши (*2 л. ед. ч.*) — ношѫ (*1. л. ед. ч.*) из **nosi-ǫ* > **nosjǫ* > *nošǫ*.

2. Старославянские окончания 3 лица множественного числа -ѫтъ (*I, II, III кл.*) и -ѧтъ (*IV кл.*), как об этом было сказано выше, возникли в праславянском языке из гласного основы и древнего окончания *-ntъ*, таким образом: **paso-ntъ* > *pasǫtъ* (пасѫтъ); **nosi-ntъ* > **nosętъ* (носѧтъ).

Спряжение тематических глаголов I, II, III, IV классов

	I	II	III	IV
	пасти	съхнѫти	знати	носити
		Единственное число		
1 л.	пасѫ	съхнѫ	знаѭ	ношѫ
2 л.	пасеши	съхнеши	знаѥши	носиши
3 л.	пасетъ	съхнетъ	знаѥтъ	носитъ
		Множественное число		
1 л.	пасемъ	съхнемъ	знаѥмъ	носимъ
2 л.	пасете	съхнете	знаѥте	носите
3 л.	пасѫтъ	съхнѫтъ	знаѭтъ	носѧтъ
		Двойственное число		
1 л.	пасевѣ	съхневѣ	знаѥвѣ	носивѣ
2 л.	пасета	съхнета	знаѥта	носита
3 л.	пасете	съхнете	знаѥте	носите

Спряжение нетематических глаголов V класса

К спряжению нетематических глаголов в настоящем времени примыкал глагол **имѣти**.

	бꙑти	дати	вѣдѣти	ꙗсти	имѣти
			Единственное число		
1 л.	ѥсмь	дамь	вѣмь	ꙗмь	имамь
2 л.	ѥси	даси	вѣси	ꙗси	имаши
3 л.	ѥстъ	дастъ	вѣстъ	ꙗстъ	иматъ
			Множественное число		
1 л.	ѥсмъ	дамъ	вѣмъ	ꙗмъ	имамъ
2 л.	ѥсте	дасте	вѣсте	ꙗсте	имате
3 л.	сѫтъ	дадѧтъ	вѣдѧтъ	ꙗдѧтъ	имѫтъ
			Двойственное число		
1 л.	ѥсвѣ	давѣ	вѣвѣ	ꙗвѣ	имавѣ
2 л.	ѥста	даста	вѣста	ꙗста	имата
3 л.	ѥсте	дасте	вѣсте	ꙗсте	имате

1. Изредка в памятниках старославянской письменности встречаются формы 3 лица единственного и множественного числа без окончания -тъ: **може, повѣдоуѥ, ѥ, прозираѭ, вѣроуѭ** вместо **можетъ, повѣдоуѥтъ, ѥстъ, прозираѭтъ, вѣроуѭтъ**. Подобные формы не получили еще общепринятого объяснения: одни ученые считают их архаизмами, другие, наоборот, новообразованиями.

2. В 1 лице множественного числа настоящего времени, а также аориста в памятниках старославянской письменности наряду с флексией -**мъ** встречается флексия -**мꙑ**: **вѣмꙑ, имамꙑ, позьримꙑ, прѣбѫдемꙑ, снидохомꙑ** (*аор.*) и т. п. По-видимому, это окончание по происхождению — форма именительного падежа множественного числа местоимения 1 лица **мꙑ**.

Будущее время

§ 83. Будущее простое и будущее первое сложное время передавали в старославянском языке действие, которое должно совершиться после момента речи.

Будущее простое по образованию совпадало с настоящим временем. Это было настоящее время от глаголов совершенного вида: **глагола ѥмоу хоштеши ли** (хочешь ли — *несов. вид, наст. вр.*) **цѣлъ бꙑти... ѥи господи чловѣка же не имамъ** (не имею — *несов.*

вид. наст. вр.) да егда възмѫтитъ сѧ (всколыхнется — *сов. вид. буд. вр.*) вода. въвръжетъ (бросит — *сов. вид. буд. вр.*) мѧ въ кѫпѣль (Мар. ев.). Ср. также: несѫ (*наст. вр.*) — принесѫ (*буд. вр.*), вѣмь (знаю — *наст. вр.*) — дамь (дам — *буд. вр.*).

От глагола быти будущее простое образовывалось от особой основы бѫд- по образцу спряжения I первого класса:

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	бѫдѫ	бѫдемъ	бѫдевѣ
2 л.	бѫдеши	бѫдете	бѫдета
3 л.	бѫдетъ	бѫдѫтъ	бѫдете

§ 84. **Будущее первое сложное** время образовывалось при помощи вспомогательного глагола имѣти, спрягавшегося в настоящем времени, к формам которого присоединялся инфинитив спрягаемого глагола (ср. *рус. буду читать*).

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	имамь пити	имамъ пити	имавѣ пити
2 л.	имаши пити	имате пити	имата пити
3 л.	иматъ пити	имѫтъ пити	имате пити

Изредка в памятниках старославянской письменности употребляются в качестве вспомогательных глаголы хотѣти и начѧти (въчати): і мьнѣахѫ ѣко авие хощетъ црcтвие бжие авити сѧ (Мар. ев.); и ненавидѣти сѧ начънѫтъ (Сав. кн.). Однако в большинстве случаев эти глаголы сохраняют свое прямое лексическое значение.

§ 85. **Будущее второе сложное** время образовывалось при помощи вспомогательного глагола быти, спрягавшегося в будущем простом времени, к формам которого присоединялось причастие с суффиксом -л- спрягаемого глагола. Естественно, что причастие, не являясь личной формой глагола, не изменялось по лицам. Употребляясь в форме именительного падежа, оно имело родовые окончания мужского и среднего рода по основам на *-ŏ: пилъ, пило, женского рода по основам на *-ā: пила, которые изменялись по числам.

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	бѫдѫ пилъ, -ла, -ло	бѫдемъ пили, -лы, ла	бѫдевѣ пила, лѣ, лѣ
2 л.	бѫдеши — " —	бѫдете — " —	бѫдета — " —
3 л.	бѫдетъ — " —	бѫдѫтъ — " —	бѫдете — " —

Будущее второе сложное было в старославянском языке относительным временем, его значение определялось по отношению к иным формам будущего времени. Оно передавало будущее предварительное действие, т. е. такое, которое предшествует другому будущему действию: аще ли бѫдет(ъ) недобрѣ покаалъ с(ѧ), тогда не приꙗтъ бѫдетъ въ свое отечество (Син. тр.) [если недобро покается, то не будет принят...]. Будущее второе сложное обычно употреблялось в придаточных условных предложениях.

Формы прошедшего времени

Аорист, имперфект и перфект передавали в старославянском языке прошедшее действие, совершавшееся или совершившееся до момента речи.

Имперфект

§ 86. Имперфект, как и настоящее время, образовывался преимущественно от глаголов несовершенного вида и передавал длительное, повторявшееся в прошлом и не завершенное в своем течении действие: и по немъ идѣаше (шел — *длительное действие*) народъ мъногъ. ꙗко видѣахѫ (видели — *повторяющееся действие*) знамениꙗ ꙗже творѣше (творил — *повторяющееся действие*) на недѫжъныхъ (Мар. ев.). Причем эта форма употребляется или для обозначения одновременного с другой формой прошедшего времени (аористом) действия, или для описания постоянных и обычных ситуаций, относящихся к плану прошлого (ср. значение форм настоящего времени): въ оно врѣмѧ чловѣкъ единъ приде (пришел — *аор.*) къ і҃соу... молѣше (молил — *имп., выражающий одновременность с аористом*) и вьнити въ домъ свои (Сав. кн.); сърѣте (встретил — *аор.*) и мѫжъ единъ от града. иже имѣше (имел — *имп.*) бѣсъ отъ лѣтъ многъ. и въ ризѫ не облачаше сѧ (не одевался — *имп.*) и в храминѣ не живѣше (не жил — *имп.*) (Сав. кн.). Формы имперфекта в данном предложении выражают постоянно протекавшее в прошлом действие, что подчеркивается в контексте словами: отъ лѣтъ многъ (в течение многих лет). В редких формах имперфекта от глаголов совершенного вида значение простой длительности действия трансформируется в значение многократности, повторяемости в прошлом ряда действий: егда бо вь ратехъ обрѣтахомъ сѧ (*аор.*) и помолꙗхомъ (*имп.*) бога (Супр. рук.) [когда мы в битвах находились, то *каждый раз молили* бога]; бѣ иногда и въ жидохъ кѫпѣль водьнаꙗ... сьнидѣаше

(*имп.*) **тамо рече ангелъ** (Супр. рук.) [был некогда у иудеев источник водный... туда, говорят, *неоднократно сходил* ангел]. В евангелиях, откуда заимствован этот отрывок, в данном случае употреблена форма имперфекта от глагола совершенного вида: **съхождааше** (сходил), а многократность действия выражена контекстуально: **на вьсѣ лѣта** (всякий год)[1].

§ **87.** Имперфект был унаследован старославянским языком из праславянского языка, где он образовывался от основы инфинитива, к которой присоединялся суффикс имперфекта, тематический гласный и личное окончание: **пас-ѣах-о-мъ** (*1 л. мн. ч.*) от **пасти**.

В зависимости от звукового вида основы инфинитива при образовании имперфекта употреблялись разные суффиксы.

Суффикс -**ѣах**- (-'**аах**-) употреблялся при образовании имперфекта от непроизводных основ инфинитива на согласные звуки: **пас-ти** — **пас-ѣахъ** (*1 л. ед. ч.*), от основ с суффиксом -**нѫ**-: **съхнѫ-ти** — **съхн-ѣахъ** (*1 л. ед. ч.*) и от основ с суффиксом -**и**-: **носи-ти**.

При образовании имперфекта от глаголов с производной основой на -*i* наблюдалось фонетическое преобразование суффикса имперфекта: в положении перед гласным суффикса гласный основы *i* переходил в *j* (см. § 30), вызывавший изменение в артикуляции предшествующего согласного, которое, в свою очередь, приводило к изменению в артикуляции гласного: **nosi-ēachъ* > **nosj-ēachъ* > *noš'aachъ* (**ношаахъ** — *1 л. ед. ч.*).

При образовании имперфекта от глаголов с основой на заднеязычные звуки происходило их первое смягчение, а в положении после мягкого шипящего вместо *ѣ* образовывался гласный **а**: **течаахъ** (*1 л. ед. ч.*) из **tek-ēachъ* > *tečaachъ*; **можаахъ** (*1 л. ед. ч.*) из **mog-ēachъ* > *mož'aachъ* (см. § 21). Следовательно, вариант суффикса -'**аах**- возник в силу фонетических изменений.

Суффикс -**ꙗах**- употреблялся при образовании имперфекта от непроизводных основ инфинитива на гласные звуки — -*и*: **пити** — **пиꙗахъ** (*1 л. ед. ч.*), -*ѹ*: **чоу-ти** — **чоуꙗахъ** (*1 л. ед. ч.*), -*ы*: **крыти** — **крыꙗахъ** (*1 л. ед. ч.*), а также от основ с неполногласием в корне: **млѣти** < **melti* — **мелꙗахъ** (*1 л. ед. ч.*), **брати сѧ** < **borti sę* — **борꙗахъ сѧ** (*1 л. ед. ч.*).

Суффикс -**ах**- употреблялся при образовании имперфекта от основ инфинитива на гласные звуки -*а* и -*ѣ*: **зна-ти** — **знаахъ**, **видѣ-ти** — **видѣахъ**.

---

[1] См.: *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 99–101, 135–137.

Тематических гласных, употреблявшихся при образовании имперфекта, было два: гласный *о* для 1 лица всех чисел и 3 лица множественного числа и гласный *е* в остальных формах. В формах, образованных с тематическим гласным *е*, в суффиксе происходило чередование согласных, вызванное первым смягчением: пас-ѣаш-е-те (*2 л. мн. ч.*).

Личные окончания имперфекта в ряде форм совпадали с личными окончаниями настоящего времени, ср. пасе-мъ и пасѣахо-мъ (*1 л. мн. ч.*), пасе-те и пасѣаше-те (*2 л. мн. ч.*).

Но во всех формах единственного числа и в 3 лице множественного числа первоначально в праславянском языке при образовании имперфекта, а также аориста и повелительного наклонения употреблялись иные окончания, получившие название «вторичных»: **-m* (*1 л. ед. ч.*), **-s* (*2 л. ед. ч.*), **-t* (*3 л. ед. ч.*), **-nt* (*3 л. мн. ч.*).

Понятно, что в силу закона открытого слога эти согласные-окончания не могли сохраниться и формы, в которых они употреблялись, подвергались фонетическим преобразованиям, приводившим к открытию слога. Так, в 1 лице единственного числа *-om* > -ъ: **pasēachom* > пасѣахъ; во 2 и в 3 лице единственного числа вторичные окончания *-s* и *-t* отпадали: **pasēašes* > пасѣаше, **pasēašet* > пасѣаше; в 3 лице множественного числа возникающее сочетание **-o-nt* переходило в носовой гласный *ǫ*, а конечный согласный *t* утрачивался: **pasēachont* > пасѣахѫ.

Образец спряжения

	I	II	III	IV
	пасти	съхнѫти	знати	носити
		Единственное число		
1 л.	пасѣахъ	съхнѣахъ	знаахъ	ношаахъ
2 л.	пасѣаше	съхнѣаше	знааше	ношааше
3 л.	пасѣаше	съхнѣаше	знааше	ношааше
		Множественное число		
1 л.	пасѣахомъ	съхнѣахомъ	знаахомъ	ношаахомъ
2 л.	пасѣашете	съхнѣашете	знаашете	ношаашете
3 л.	пасѣахѫ	съхнѣахѫ	знаахѫ	ношаахѫ
		Двойственное число		
1 л.	пасѣаховѣ	съхнѣаховѣ	знааховѣ	ношааховѣ
2 л.	пасѣашета	съхнѣашета	знаашета	ношаашета
3 л.	пасѣашете	съхнѣашете	знаашете	ношаашете

1. От глагола быти имперфект образовывался не от основы инфинитива, а от особой основы имперфекта бѣ- при помощи суффикса -ах-.

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	бѣахъ	бѣахомъ	бѣаховѣ
2 л.	бѣаше	бѣашете	бѣашета
3 л.	бѣаше	бѣахѫ	бѣашете

2. Памятники старославянской письменности отражают в имперфекте стяжение гласных *аа* > *а*, *ѣа* > *ѣ* (см. § 31): хождаахъ > хождахъ, видѣахъ > видѣхъ. Относительно редкие в Зографском, Мариинском и Остромировом евангелиях, эти формы часто встречаются в Синайской псалтыри и Синайском требнике и исключительно в Саввиной книге.

3. Изредка в памятниках старославянской письменности встречаются формы имперфекта, образованные от основы настоящего времени: зовѣахѫ (Супр. рук.), женѣахѫ (Супр. рук.), плюѣхѫ (Асс. ев.) вместо зъваахѫ, гънаахѫ, пльваахѫ.

4. Во 2 лице множественного числа и 2 и 3 лице двойственного числа в памятниках старославянского языка отразилась замена древних «окончаний» имперфекта «окончаниями» аориста: *помышл'ѣасте* (Асс. ев., Ост. ев.), *поношаасте* (Мар. ев.), въпигаста (Сав. кн.) вместо помышл'ѣашете, поношаашете, въпигашета и т. п.

Аорист

§ 88. Аорист, в отличие от имперфекта, обозначал прошедшее действие лишь как конкретный факт, совершившийся до момента речи и служивший продвижением в повествовании. Поэтому по отношению к формам аориста правомерны вопросы: ч т о с т а л о? ч т о с л у ч и л о с ь? ч т о п р о и з о ш л о?, а по отношению к формам имперфекта — ч т о б ы л о? Ср.: чловѣкъ етеръ сънхождааше (*имп.*) отъ иероусалима въ ерихѫ. и въ разбоиникы въпаде (*аор.*) (Зогр. ев.) [некий человек *шел* (ч т о б ы л о?) из Иерусалима в Ерихон и *попал* (ч т о п р о и з о ш л о?) к разбойникам]. Аорист мог образовываться от глаголов обоих видов, но в памятниках старославянской письменности он чаще образуется от основ совершенного вида[1].

Аорист в старославянском языке имел несколько способов образования.

---

[1] См.: *Бородич В. В.* К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке // Славянская филология. М., 1951.

Простой (несуффиксальный) аорист

§ 89. Простой аорист образовывался в старославянском языке от немногих основ на согласный звук посредством присоединения к основе тех же тематических гласных и личных окончаний, что и в имперфекте: пас-о-мъ (*1 л. мн. ч.*) от пасти.

Основы, от которых образовывался простой аорист, могли относиться к I классу: ид-, мог-, пад-, ко II классу: двиг-, иштез-, постиг-, прозѧб- и к III классу: обрѣт-, сърѣт-.

В тех формах простого аориста, которые были образованы в праславянском языке при помощи «вторичных окончаний», в связи с законом открытого слога происходили те же изменения, что и при образовании имперфекта: **pasom* > пасъ (*1 л. ед. ч.*); **pases* > пасе (*2 л. ед. ч.*); **paset* > пасе (*3 л. ед. ч.*); **pasont* > пасѫ (*3 л. мн. ч.*).

Образец спряжения

приити постигнѫти

	Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1 л.	придъ	постигъ	придомъ	постигомъ	придовѣ	постиговѣ
2 л.	приде	постиже	придете	постижете	придета	постижета
3 л.	приде	постиже	придѫ	постигѫ	придете	постижете

1. От глагольных основ с корневым гласным *е* (нести, вести, решти) простой аорист в памятниках старославянской письменности употребляется только в форме 2 и 3 лица единственного числа: несе, веде, рече.

2. Формы простого аориста являются в старославянском языке уже архаичными образованиями: в памятниках старославянской письменности обнаруживается несомненная тенденция к замене их сигматическими формами. Так, по данным А. М. Селищева, в Супрасльской рукописи, самом большом по объему памятнике, имеется только один случай употребления простого аориста[1].

3. Однако во 2 и 3 лице единственного числа от основ на согласные звуки в памятниках старославянской письменности не известны другие формы, кроме форм простого аориста: иде, паде, постиже, прозѧбе, сърѣте, веде, рече.

Сигматический (суффиксальный) аорист

§ 90. Суффиксальный аорист образовывался в старославянском языке от любых основ инфинитива посредством присое-

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 170.

динения к ним суффикса, за которым следовали личные окончания: носи-с-те (*2 л. мн. ч.*) от носити.

Славянский суффикс аориста соответствовал суффиксу греческого языка, а поскольку в греческом языке буква для звука *s* называлась *сигма*, то данный тип аориста получил название сигматического. Так как образование сигматического аориста от разных основ не вполне совпадало, то следует отдельно рассмотреть его образование от основ на гласные и согласные звуки.

§ 91. При образовании в праславянском языке сигматического аориста от основ инфинитива на гласные звуки (первоначально на *-i* и *-u*, а затем по аналогии с ними и на остальные гласные) происходило изменение суффикса аориста *-s-* > *-ch-*, если далее не было согласного *t* (о переходе *s* > *ch* см. § 32). Следовательно, носи-с-те (*2 л. мн. ч.*), но носи-х-омъ (*1 л. мн. ч.*), также зна-с-те и по аналогии зна-х-омъ.

В форме 3 лица множественного числа, где в окончании образовался *ę* (ѧ), происходило первое смягчение: *ch* > *š'* — носи-ш-ѧ, зна-ш-ѧ. Таким образом, в старославянском языке представлено следующее чередование согласных в суффиксе аориста: *с*||*х*||*ш*.

В формах единственного числа, где и в сигматическом аористе употреблялись «вторичные» окончания, происходили те же преобразования, что в имперфекте и простом аористе, т. е. изменение *-om* > *-ъ* и отпадение конечных согласных: **nosi-s-om* > носихъ (*1 л. ед. ч.*), **nosiss* > носи (*2 л. ед. ч.*), **nosist* > носи (*3 л. ед. ч.*).

Образец спряжения

	быти	приносити	познати
		Единственное число	
1 л.	быхъ	приносихъ	познахъ
2 л.	бы	приноси	позна
3 л.	бы	приноси	позна
		Множественное число	
1 л.	быхомъ	приносихомъ	познахомъ
2 л.	бысте	приносисте	познасте
3 л.	бышѧ	приносишѧ	познашѧ
		Двойственное число	
1 л.	быховѣ	приносиховѣ	познаховѣ
2 л.	быста	приносиста	познаста
3 л.	бысте	приносисте	познасте

Изменения в форме 3 лица множественного числа были более сложными: в силу того, что окончание *-nt* присоединялось непосредственно к суффиксу (**nosisnt*), сонорный согласный *n* оказывался в положении между согласными, что неизбежно приводило к развитию у него слоговой функции: **nosisn̥t*. Однако слогообразующие носовые были чужды славянской фонетической системе, поэтому при сонорном носовом развивался гласный *ĭ*: **nosisĭnt*. Последняя же форма совершенно закономерно изменялась следующим образом: **nosisĭnt* > **nosichĭnt* (*s* > *ch*) > **nosišĭnt* (первое смягчение) > *nosišę* (образование *ę* — утрата конечного *t*): **носишѧ**.

1. От глагола **бꙑти** в памятниках старославянской письменности, кроме аориста от основы инфинитива, употребляются аористичные формы от основы имперфекта **бѣ-**.

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	**бѣхъ**	**бѣхомъ**	**бѣховѣ**
2 л.	**бѣ**	**бѣсте**	**бѣста**
3 л.	**бѣ**	**бѣшѧ**	**бѣсте**

Однако эти формы аориста от основы имперфекта употребляются в значении имперфекта, т. е. передают прошедшее длительное действие: **бѣ же тоу единъ чловѣкъ... бѣ же собота въ тъ дьнь (Мар. ев.).**

2. От нетематических глаголов **бꙑти** и **дати** во 2 и 3 лице единственного числа, кроме форм, представлявших чистую основу **бꙑ-**, **да-**, в памятниках старославянской письменности употребляются формы на **-стъ**: **бꙑстъ, дастъ.**

Точно так же от некоторых непроизводных основ на гласные звуки *-и, -ѣ, -ѧ*, а также от основ с неполногласием в корне в тех же формах имеется окончание **-тъ**: **битъ, въспѣтъ, ѩтъ, клѧтъ.** Подобные формы не имеют бесспорного объяснения, однако многие ученые видят в их образовании влияние форм настоящего времени[1].

3. От глаголов с основой инфинитива на *-ѧ* в памятниках старославянской письменности, кроме форм, возникших по аналогии с другими основами, изредка встречаются фонетически закономерные формы без перехода *s* в *ch*: **ѩсъ, ѩсомъ, начѧсъ, начѧсѧ, пропѧсѧ** и т. п.

---

[1] См., например: *Селищев А. М.* **Старославянский язык. Ч. 2. С. 171.**

§ 92. Сигматический аорист от основ на согласные звуки представлен в старославянском языке двумя типами: сигматическим аористом древнего (архаичного) типа и новообразованным аористом.

Сигматический аорист от основ на согласные звуки древнего типа

Сигматический аорист древнего типа образовывался от некоторых основ на согласные звуки, состав которых почти не совпадает с теми основами, от которых образовывались формы простого аориста. Так, в старославянском языке нет сигматического аориста древнего типа ни от глаголов II класса, ни от основы ид-. Напротив, в памятниках старославянской письменности широко представлены формы сигматического аориста древнего типа от глаголов с гласным *е* в корне: нести, вести, решти, от которых неизвестны формы простого аориста.

При образовании форм этого типа в корне глагола наблюдалось количественное чередование гласных: *е*||*ѣ*, *о*||*а*, *ь*||*и*, которое, возможно, возникло как заменительное продление гласного в силу утраты согласного корня перед согласным суффикса: **vĕd-s-om* > **vēsom* > вѣсъ (*1 л. ед. ч.*) от вести < **vĕdti*; **bŏd-s-om* > **bōsom* > басъ (*1 л. ед. ч.*) от бости < **bŏdti*.

Переход *s* > *ch* в формах этого аориста наблюдался фонетически закономерно лишь в основах на заднеязычный звук *k*: **rek-s-om* > **rekchom* > **rēchom* > рѣхъ (*1 л. ед. ч.*), но рѣсте < **rĕkste* (*2 л. мн. ч.*) от решти < **rĕkti*.

Образец спряжения

	привести	пробости	решти
	Единственное число		
1 л.	привѣсъ	пробасъ	рѣхъ
2 л.	—	—	—
3 л.	—	—	—
	Множественное число		
1 л.	привѣсомъ	пробасомъ	рѣхомъ
2 л.	привѣсте	пробасте	рѣсте
3 л.	привѣсѧ	пробасѧ	рѣшѧ
	Двойственное число		
1 л.	привѣсовѣ	пробасовѣ	рѣховѣ
2 л.	привѣста	пробаста	рѣста
3 л.	привѣсте	пробасте	рѣсте

Сигматические формы 2 и 3 лица единственного числа в старославянских памятниках не засвидетельствованы, вместо них употребляются формы простого аориста: приведе, проводе, рече.

Сигматический аорист от основ на согласные звуки нового типа

Сигматический аорист нового типа образовывался от всех основ на согласные звуки: как тех, от которых известны формы простого аориста, так и тех, от которых образовывались формы сигматического аориста древнего типа. По общепринятому мнению, этот тип аориста является славянским новообразованием довольно позднего времени, развившимся под влиянием сигматического аориста на гласные звуки[1].

В этом типе аориста обобщились те же формальные элементы, что и в основах на гласные звуки, причем между основой и суффиксом развился соединительный гласный *о*: придохъ, постигохъ, рекохъ — как быхъ, носихъ, познахъ.

Образец спряжения

	прити	постигнѫти	привести	решти
	Единственное число			
1 л.	придохъ	постигохъ	приведохъ	рекохъ
2 л.	—	—	—	—
3 л.	—	—	—	—
	Множественное число			
1 л.	придохомъ	постигохомъ	приведохомъ	рекохомъ
2 л.	придосте	постигосте	приведосте	рекосте
3 л.	придошѧ	постигошѧ	приведошѧ	рекошѧ
	Двойственное число			
1 л.	придоховѣ	постигоховѣ	приведоховѣ	рекоховѣ
2 л.	придоста	постигоста	приведоста	рекоста
3 л.	придосте	постигосте	приведосте	рекосте

Перфект

§ 93. Перфект был сложной формой прошедшего времени. Он образовывался при помощи вспомогательного глагола быти,

[1] О соотношениях между разными формами аориста от основ на согласные звуки существует и иная точка зрения, рассматривающая их как параллельные образования. См.: *Откупщиков Ю. В.* О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1963. Т. 27.

спрягавшегося в настоящем времени, к формам которого присоединялось причастие с суффиксом -л- спрягаемого глагола.

Образец спряжения

	Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1 л.	кємь носилъ, -ла, -ло		кємъ носили, -лы, ла		кєвѣ носила, лѣ, лѣ	
2 л.	кєси	– " –	кєстє	– " –	кєста	– " –
3 л.	кєстъ	– " –	сѫтъ	– " –	кєстє	– " –

Место вспомогательного глагола относительно причастия было свободным, но чаще вспомогательный глагол употребляется после причастия: нє далъ єси (Зогр. ев.), сѣѣлъ єси (Л. Унд.), сє съхранилъ тѧ кєстъ богъ (Супр. рук.). Некоторые старославянские памятники обнаруживают тенденцию к утрате формы вспомогательного глагола. Чаще всего эта тенденция обнаруживается в форме 3 лица, наиболее последовательно — в Супрасльской рукописи: въ ꙗже въста гь҃. въсталъ бо и вьсєлєнѫѭ съвьставилъ. то оубо въсталъ ѫзы съмрьтьнꙑѧ растрьгнѫвъ. ни жє вьскрѣсилъ. плѣницѧ нашихъ грѣховъ раздрѣшивъ.

Перфект по значению близок к аористу, но, в отличие от него, передавал такое прошедшее действие, которое в своем результате связано с настоящим, результат которого проявляется в настоящем. Перфект обозначал состояние в настоящем как результат действия в прошлом: глагола им. чьто... плачєтє сѧ отроковица нѣстъ оумръла (*перф.*) нъ спитъ (Зогр., Мар. ев.) [сказал им: зачем плачете? Девочка не умерла (сейчас не мертвая, не в состоянии смерти), но спит]. Но в подобном же эпизоде в другом случае стоит форма аориста: нє оумрѣтъ (Зогр. ев.), что свидетельствует о близости перфекта и аориста.

Перфект в старославянских памятниках употребляется почти исключительно при передаче прямой речи, что, по-видимому, связано с его значением прошедшего результативного. Так же как и аорист, перфект преимущественно образуется от глаголов совершенного вида.

Плюсквамперфект

§ **94.** Плюсквамперфект был также сложной формой прошедшего времени и имел в старославянском языке несколько типов образования в зависимости от формы вспомогательного глагола быти, к которой, так же как в перфекте, присоединялось причастие с суффиксом -л-.

1. Вспомогательный глагол бꙑти спрягался в имперфекте: бѣахъ носилъ, -ла, -ло (*1 л. ед. ч.*).

2. Вспомогательный глагол употреблялся в аористе от основы имперфекта: бѣхъ носилъ, -ла, -ло (*1 л. ед. ч.*).

Образец спряжения

Единственное число

1 л.	бѣахъ	(бѣхъ)	носилъ, -ла, -ло
2 л.	бѣаше	(бѣ)	– " –
3 л.	бѣаше	(бѣ)	– " –

Множественное число

1 л.	бѣахомъ	(бѣхомъ)	носили, -лꙑ, -ла
2 л.	бѣашете	(бѣсте)	– " –
3 л.	бѣахѫ	(бѣшѧ)	– " –

Двойственное число

1 л.	бѣаховѣ	(бѣховѣ)	носила, -лѣ, -лѣ
2 л.	бѣашета	(бѣста)	– " –
3 л.	бѣашете	(бѣсте)	– " –

Плюсквамперфект, так же как и будущее второе сложное, был в старославянском языке относительным временем. Его значение определялось по отношению к другим формам прошедшего времени: старославянский плюсквамперфект передавал предпрошедшее действие, т. е. такое, которое произошло ранее другого прошедшего действия: сѫсѣди же и иже и бѣахѫ видѣли (*плюсквамп.*) прѣжде ѣко слѣпъ бѣ. глаголаахѫ (*имп.*) (Мар. ев.). Ясно, что говорили о прозревшем позже, чем видели его ранее слепым. Значение плюсквамперфекта усиливается в данном контексте наречием времени прѣжде.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ (УСЛОВНОЕ) НАКЛОНЕНИЕ

§ 95. Сослагательное (условное) наклонение также было сложной формой в старославянском языке. Первоначально оно образовывалось путем присоединения причастия на -л к особым формам глагола бꙑти, образованным от основы би-.

	Единственное число		Множественное число	
1 л.	бимь носилъ, -ла, -ло		бимъ (бихомъ) носили, -лꙑ, ла	
2 л.	би	– " –	бисте	– " –
3 л.	би	– " –	бѫ (бишѧ)	– " –

Позднее при образовании сослагательного наклонения стали употреблять в качестве вспомогательного глагола аорист от глагола быти, образованный от основы инфинитива:

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1 л.	бꙑхъ носилъ, -ла, -ло	бꙑхомъ носили, -лъı, -ла	бꙑховѣ носила, -лѣ, -лѣ
2 л.	бꙑ – " –	бꙑсте – " –	бꙑста – " –
3 л.	бꙑ – " –	бꙑшѧ – " –	бꙑсте – " –

Сослагательное (условное) наклонение служило для выражения предполагаемого действия, которое говорящий считал обусловленным или желаемым. Значение обусловленности действия выражается только в сложных предложениях: аще не бꙑ бꙑлъ злодѣи не бꙑхомъ его прѣдали тебѣ (Сав. кн.) [если бы не был злодеем, то его не предали бы тебе]. Значение желательности действия обычно передается в придаточных предложениях с союзом цели да: и мьнѣ николи же не далъ еси козьлѧте. да съ дроугꙑ моими възвеселилъ сѧ бимь (Зогр. ев.) [ты же никогда не дал мне козленка, чтобы я с друзьями повеселился бы].

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 96. В повелительном наклонении старославянского языка представлено сочетание простых форм со сложными. Простые формы повелительного наклонения, унаследованные из праславянского языка, образовались от древней основы настоящего времени.

В I и II классах глаголов эти формы образованы с помощью суффиксов -и- и -ѣ-. Суффикс -и- употреблялся в единственном числе: паси, съхни (*2 л. ед. ч.*), суффикс -ѣ- — во множественном и двойственном числе: пасѣте, съхнѣте (*2 л. мн. ч.*).

Суффиксы -и- и -ѣ-, при помощи которых образовывалось повелительное наклонение от глаголов I и II классов, возникли из дифтонга *oi̯*, в котором *o* относился к основе глагола, а *i* был праславянским суффиксом повелительного наклонения: **neso-i-s* (*2 л. ед. ч.*) > **nesoi* > *nesi* (неси); **sŭchno-i-s* (*2 л. ед. ч.*) > **sŭchnoi* > *sŭchni* (съхни); **neso-i-te* (*2 л. мн. ч.*) > *nesěte* (несѣте); **sŭchno-i-te* (*2 л. мн. ч.*) > *sŭchněte* (съхнѣте) (о монофтонгизации дифтонга *oi̯* в *i* и *ě* см. § 12). В силу дифтонгического происхождения *и* и *ѣ* в глаголах с основой на заднеязычные согласные наблюдается второе смягчение: мoѕи < **mogo-i-s* (*2 л. ед. ч.*) от мошти < **mogti* (мочь).

При образовании повелительного наклонения от глаголов типа решти (сказать), тешти (течь), пешти (печь) в корне этих глаголов происходило чередование гласных звуков є||ь: *rьko-i-s > рьци (*2 л. ед. ч.*); *tьko-i-s > тьци (*2 л. ед. ч.*); *pьko-i-s > пьци (*2 л. ед. ч.*).

От глаголов III и IV классов повелительное наклонение образовывалось с помощью суффикса -и-: знаи, носи (*2 л. ед. ч.*), знаитє,носитє (*2 л. мн. ч.*).

При образовании повелительного наклонения от нетематических глаголов V класса суффикс -и- употреблялся только во множественном и двойственном числе: дад-и-тє, ꙗд-и-тє, вѣд-и-тє (*2 л. мн. ч.*). В единственном же числе был суффикс *-jь-*, под влиянием которого происходило изменение согласных в корне этих глаголов: **dadjь* > даждь, **jadjь* > ꙗждь, **vědjь* > вѣждь (*2 л. ед. ч.*). По этому же образцу образовывалось повелительное наклонение у глагола IV класса видѣти — виждь (*2 л. ед. ч.*).

Повелительное наклонение от глагола быти образовывалось от основы будущего времени бѫд- по образцу глаголов I класса.

Образец спряжения

Единственное число

2 л.	бѫди	моѕи	знаи	даждь	виждь
3 л.	бѫди	моѕи	знаи	даждь	виждь

Множественное число

1 л.	бѫдѣмъ	моѕѣмъ	знаимъ	дадимъ	видимъ
2 л.	бѫдѣтє	моѕѣтє	знаитє	дадитє	видитє

Двойственное число

1 л.	бѫдѣвѣ	моѕѣвѣ	знаивѣ	дадивѣ	видивѣ
2 л.	бѫдѣта	моѕѣта	знаита	дадита	видита

В остальных лицах в старославянском языке были представлены сложные формы, образованные при помощи частицы да, которая присоединялась к форме настоящего или будущего простого времени: да бѫдѫ (*1 л. ед. ч.*), да бѫдѫтъ (*3 л. мн. ч.*). Подобные формы встречаются в памятниках старославянской письменности и в 3 лице единственного числа: Тъгда сѫштеи въ июдеи да бѣгаѭть (пусть бегут) на горы. и иже на кровѣ да нє сълазитъ (пусть не слезет) вьзѧти еже єстъ въ храмѣ єго. и иже на селѣ такожде да нє възвратитъ сѧ (пусть не возвращается) вьспѧть (Мар. ев.).

Изредка памятники старославянской письменности отражают влияние форм I класса на формы III класса. Таково происхождение повелительного наклонения с суффиксом -ѣ- (-а-) от глаголов III класса: **ищѣте (иштате) (Зогр. и Мар. ев.); съвѧжѣте (съвѧжате) (Л. Унд., Зогр. и Мар. ев.); покажѣте (покажате) (Зогр. и Мар. ев., Сав. кн.)** и др.

Повелительное наклонение выражало побуждение к совершению действия, приказание или просьбу говорящего: **просите. и дасть сѧ вамъ. иштѣте. и обрѧштете. тлъцѣте и отвръзетъ сѧ вамъ (Зогр. ев.); отъвѣщавъ же петръ рече емоу гн҃. аще ты еси повели ми прити къ себѣ. ис҃ же рече емоу приди (Сав. кн.).**

ИНФИНИТИВ И СУПИН

§ 97. Инфинитив в старославянском языке образовывался при помощи суффикса **-ти: нес-ти, пас-ти, бы-ти, видѣ-ти.** В основах на согласные звуки в инфинитиве часто происходили фонетические изменения, обусловленные упрощением групп согласных (см. § 35–36): **вести** < **vedti*, **пасти** < **padti*, **решти** < **rekti*.

Супин так же, как и инфинитив, был неизменяемой глагольной формой, которая образовывалась при помощи суффикса **-тъ: пастъ, видѣтъ, зъватъ**, а также **облѣштъ, върѣщь.** По значению супин был близок к инфинитиву, но употреблялся только при глаголах движения или синонимичных им для обозначения цели движения: **не мните ѣко придъ разоритъ закона ли пророкъ. не придъ разоритъ. нъ испльнитъ (Зогр. ев.)** [не думайте, что я пришел, чтобы разорить закон или пророков, я пришел, чтобы не разорить, но исполнить]; **пришелъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мѫчитъ насъ (Асс. ев.)** [пришел ты сюда прежде времени, чтобы мучить нас]; **не придъ бо правьдьникъ зъватъ. нъ грѣшьникъ въ покаание (Сав. кн.)** [ибо я пришел, чтобы не праведников звать, но грешников для покаяния]; **да не възвратитъ сѧ въспѧть. възѧтъ ризъ своихъ (Мар. ев.)** [пусть не возвратится, чтобы взять свои одежды].

Существенной синтаксической особенностью супина в сравнении с другими глагольными формами было его управление родительным, а не винительным падежом прямого дополнения: **разоритъ закона, зъватъ праведьникъ, вьзѧтъ ризъ.** Эта синтаксическая особенность связана с тем, что по происхождению древний супин был винительным падежом отглагольного существительного и поэтому имел именное, а не глагольное управление; ср. *рус. взять город* (*В.п.*), но *взятие города* (*Р. п.*).

ПРИЧАСТИЕ

Причастия — это отглагольные прилагательные, сохраняющие глагольные категории времени и залога. Как и имена прилагательные, причастия в старославянском языке употреблялись в краткой и полной форме.

Образование и склонение кратких причастий действительного залога

§ 98. Причастия настоящего времени действительного залога образовывались от глаголов несовершенного вида посредством присоединения к основе настоящего времени, представленной в 3 лице множественного числа, суффикса, за которым следовало падежное окончание.

При образовании причастий от глаголов I, II, III и V классов употреблялся суффикс -ѫщ- (-ѭщ-): пас-ѫщ-и, сънн-ѫщ-и, зна-ѭщ-и, вѣд-ѫщ-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*), ср. *рус. -ущ-, -ющ-*. От глагола быти причастие настоящего времени действительного залога также образовывалось от той основы, которая была представлена в 3 лице множественного числа настоящего времени: с-ѫтъ — с-ѫщ-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*). При образовании причастий от глаголов IV класса употреблялся суффикс -ѧщ-: нос-ѧщ-и, вид-ѧщ-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*), ср. *рус. -ащ-, -ящ-*.

Старославянские суффиксы причастий -ѫщ- (-ѭщ-), -ѧщ- образовались в праславянский период в силу действия закона открытого слога из тематического гласного основы глагола и праславянского суффикса действительных причастий настоящего времени *-nt-*, распространенного *j*: *I кл. *paso-ntj-i* > пас-ѫщ-и; *III кл. *znajo-ntj-i* > зна-ѭщ-и; *IV кл. *vidi-ntj-i* > вид-ѧщ-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*).

В именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода происходили более сложные изменения, связанные с тем, что в праславянском языке эта форма не имела, подобно другим падежам, гласного звука в окончании. Ср., например, флексию -и в формах женского рода: пасѫщ-и. Поэтому в форме именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода древний суффикс действительных причастий настоящего времени представлен в измененном виде. Образованная от глаголов I, II и V классов, эта форма оканчивается на -ы: пасы, сънны, вѣды, сы (сущий), а от глаголов III и IV классов — на -ѧ: знаѧ, носѧ, видѧ. Восходят эти формы к праславянским формам типа **paso-nts*, **vidi-nts*.

Склонялись краткие действительные причастия настоящего времени по мягкому варианту именного склонения основ на *-ŏ (*муж. и ср. р.*) и основ на *-ā (*жен. р.*) с той особенностью, что в именительном падеже множественного числа причастий мужского рода употреблялось окончание основ на согласные звуки.

Образец склонения

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
	Единственное число		
И.	пасꙑ	пасꙑ	пасѫщи
Р.	пасѫщꙗ		пасѫщѩ
Д.	пасѫщю		пасѫщи
В.	пасѫщь	пасѫще	пасѫщѭ
Т.	пасѫщемь		пасѫщеѭ
М.	пасѫщи		пасѫщи
	Множественное число		
И.	пасѫще	пасѫщꙗ	пасѫщѩ
Р.		пасѫщь	
Д.	пасѫщемъ		пасѫщꙗмъ
В.	пасѫщѩ	пасѫщꙗ	пасѫщѩ
Т.	пасѫщи		пасѫщꙗми
Т.	пасѫщихъ		пасѫщꙗхъ
	Двойственное число		
И.–В.	пасѫщꙗ	пасѫщи	пасѫщи
Р.–М.		пасѫщю	
Д.–Т.	пасѫщема		пасѫщама

1. В памятниках старославянской письменности отражено употребление в именительном падеже единственного числа мужского рода причастий, образованных от глаголов I и V классов форм на -ѧ: грѧдѧ, живѧ, сѧ. Подобные формы, вероятно, возникли под влиянием форм III и IV классов: видѧ, ловѧ и под.

2. Наоборот, причастия от глаголов видѣти и горѣти представлены не только в закономерной форме: видѧщꙗ, горѧщꙗ, но и под влиянием форм I класса с суффиксом -ѫщ-: видѫштꙗ, горѫштꙗ (Зогр., Мар., Асс. ев.).

§ **99.** Причастия прошедшего времени действительного залога образовывались от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида посредством присоединения к основе инфинитива суффикса, за которым следовало падежное окончание.

В старославянском языке известны два суффикса действительных причастий прошедшего времени: -ъш- (-'ьш-) и -въш- (ср. *рус. -ш-* и *-вш-*). Суффикс -ъш- употреблялся при образовании причастий от глаголов с основой инфинитива на согласный звук: пасти — пас-ъш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*), решти < **rekti* — рек-ъш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*).

Суффикс -ъш- употреблялся также при образовании действительных причастий прошедшего времени от глаголов II класса, в которых корень оканчивался согласным звуком: постигнѫти — постиг-ъш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*).

Кроме того, с тем же суффиксом образовывались причастия от основ инфинитива на носовой согласный *-ѧ* и с неполногласием рѣ в корне, так как в праславянском языке и эти основы оканчивались согласным звуком: начѧти < **načьn-ti* — начьн-ъш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*). При образовании причастий от глаголов с неполногласием в корне происходило при этом чередование гласных *рѣ*||*ьр*: оумрѣти — оумьр-ъш-и; прострѣти — простьр-ъш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*). Наконец, тот же суффикс первоначально употреблялся при образовании причастий с основой на суффиксальный гласный *-и-*. При этом, оказавшись перед гласным суффикса, гласный основы переходил в *j*, вызывавший образование мягкого согласного, после которого гласный ъ в суффиксе переходил в ь, и, следовательно, звуковой вид суффикса причастия становился *-'ьш-*: **rodi-ъš-i* > **rodjъši* > *roz͡d'ьši* (рожд-ьши) (*И. п. ед. ч. жен. р.*) от родити.

Суффикс -въш- употреблялся от прочих основ инфинитива на гласные звуки: зна-въш-и, слыша-въш-и, видѣ-въш-и, минѫ-въш-и, би-въш-и (*И. п. ед. ч. жен. р.*) от зна-ти, слыша-ти, видѣ-ти, минѫ-ти, би-ти.

При образовании именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода по закону открытого слога конечный согласный суффикса утрачивался, так как в этой форме и у причастий прошедшего времени возникал закрытый слог: пасъ (*И. п.*) — пасъшꙗ (*Р. п.*), знавъ (*И. п.*) — знавъшꙗ (*Р. п.*). Склонялись эти причастия точно так же, как действительные причастия настоящего времени (см. с. 177).

1. Действительное причастие прошедшего времени от глагола ити образовывалось от основы шьд-: шьдъ, шьдъшꙗ, шьдъшю и т. д.

2. Поскольку суффикс -въш- употреблялся от всех основ на гласные звуки, то с течением времени он распространился и на

основы с суффиксальным -и-: благословивъ, помꙑсливъ. В евангелиях подобные причастия единичны, но в Супрасльской рукописи их уже намного больше, чем архаичных форм с суффиксом -'ьш-: сътворивъ, въставивъ, просльзивъши сѧ, испочивъши, похвативъши и т. п.

Причастия действительного залога с суффиксом -л-, употреблявшиеся только при вспомогательном глаголе в составе сложных глагольных форм (перфекта, плюсквамперфекта, будущего второго сложного и сослагательного наклонения), образовывались тоже от основы инфинитива: зна-лъ, видѣ-лъ, носи-лъ, пас-лъ, рек-лъ, изгꙑб-лъ и т. п.

В причастиях от глаголов с основой инфинитива на согласные *-t* и *-d* конечный согласный основы утрачивается: мелъ < **metlъ*, палъ < **padlъ*, шьлъ < **šьdlъ* (см. § 35).

Образец склонения

<table>
<tr><th></th><th>Муж. р.</th><th>Ср. р.</th><th>Жен. р.</th></tr>
<tr><td colspan="4">Единственное число</td></tr>
<tr><td>И.</td><td colspan="2">пасъ</td><td>пасъши</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">пасъшꙗ</td><td>пасъшѧ</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">пасшю</td><td>пасъши</td></tr>
<tr><td>В.</td><td>пасъшь</td><td>пасъшє</td><td>пасъшѭ</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">пасъшємь</td><td>пасъшєѭ</td></tr>
<tr><td>М.</td><td colspan="2">пасъши</td><td>пасъши</td></tr>
<tr><td colspan="4">Множественное число</td></tr>
<tr><td>И.</td><td>пасъшє</td><td>пасъшꙗ</td><td>пасъшѧ</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="3">пасъшь</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">пасъшємъ</td><td>пасъшамъ</td></tr>
<tr><td>В.</td><td>пасъшѧ</td><td>пасъшꙗ</td><td>пасъшѧ</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">пасъши</td><td>пасъшами</td></tr>
<tr><td>М.</td><td colspan="2">пасъшихъ</td><td>пасъшахъ</td></tr>
<tr><td colspan="4">Двойственное число</td></tr>
<tr><td>И.–В.</td><td>пасъшꙗ</td><td>пасъши</td><td>пасъши</td></tr>
<tr><td>Р.–М.</td><td colspan="3">пасъшю</td></tr>
<tr><td>Д.–Т.</td><td colspan="2">пасъшєма</td><td>пасъшама</td></tr>
</table>

Образование и склонение кратких причастий страдательного залога

Страдательные причастия образуются в старославянском языке только от переходных глаголов.

§ **100.** Страдательные причастия настоящего времени образовывались от глаголов несовершенного вида посредством присоединения к основе настоящего времени суффикса *-м-*, за которым следовало падежное окончание: **моли-мъ**, ср. **моли-тъ** (*IV кл.*); **знак-м-ъ**, ср. **знак-тъ** (*III кл.*). При образовании страдательных причастий от глаголов I класса основа их оканчивалась на тематический гласный *-о*: **пасо-м-ъ, ведо-м-ъ**. По аналогии с этими формами образовывались страдательные причастия от глаголов V класса: **вѣдо-м-ъ, ꙗдо-м-ъ**.

§ **101.** Страдательные причастия прошедшего времени образовывались от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида посредством присоединения к основе инфинитива суффикса, за которым следовало падежное окончание.

В старославянском языке известны три суффикса страдательных причастий прошедшего времени: -т-, -н-, -ен-.

Суффикс -т- употреблялся при образовании страдательных причастий от некоторых непроизводных основ инфинитива на гласные звуки *-ѧ, -и, -ѣ, -оу*, а также от основ инфинитива с неполногласием *рѣ* в корне: **клѧ-т-ъ, би-т-ъ, пѣ-т-ъ, обоу-т-ъ, простръ-т-ъ** от **клѧ-ти, би-ти, пѣ-ти, обоу-ти, прострѣ-ти** (простереть).

Суффикс -н- употреблялся при образовании страдательных причастий от основ инфинитива на гласные *-а* и *-ѣ*: **зъва-н-ъ, посъла-н-ъ, видѣ-н-ъ**.

Суффикс -ен- употреблялся при образовании страдательных причастий от основ инфинитива на согласные звуки: **нес-ти**, на гласный *-ꙑ*: **крꙑ-ти**, а также на суффиксальный гласный *-и*: **нос-и-ти**. Например: **изнес-ен-ъ** от **изнес-ти**. Употребление суффикса -ен- в страдательных причастиях прошедшего времени от глаголов типа **крꙑ-ти** было обусловлено тем, что при их образовании в корне глагола возникало чередование *ꙑ*|| *ъв*. Например: **съкръв-ен-ъ, забъв-ен-ъ, оумъв-ен-ъ** от **съкрꙑти, забꙑти, оумꙑти**.

При образовании страдательных причастий от основ на суффиксальный гласный *-и* происходило чередование согласных, обусловленное влиянием *j*, который возникал из гласного основы *i*, оказавшегося в положении перед гласным суффикса: **rodi-enъ* > **rodjenъ* > **рожденъ** от **роди-ти**; **pusti-enъ* > **pustjenъ* > **поуштенъ** от **поусти-ти**. По аналогии с этими формами возникли причастия с суффиксом -ен- от глаголов типа **бити — биенъ**.

От глаголов с неполногласием *ла* в корне возможны и более архаичные образования с суффиксом -ен-: закол-ен-ъ от заклати из **zakolti*, и более поздние с суффиксом -н: закла-н-ъ, возникшие по аналогии с основами на *-а*.

Склонялись краткие страдательные причастия настоящего и прошедшего времени так же, как и краткие прилагательные: женского рода — по основам на **-ā*, а мужского и среднего рода — по основам на **-ŏ*.

Полные причастия

§ 102. Полные формы причастий образовывались от кратких так же, как и полные прилагательные, посредством присоединения к кратким формам указательных местоимений и, ꙗ, ѥ. Например: пасꙑ-и, пасомъ-и (*муж. р.*), пасѫщи-ꙗ, пасома-ꙗ (*жен. р.*), пасѫще-ѥ, пасомо-ѥ (*ср. р.*).

Склонялись полные причастия, как и полные прилагательные, по местоименному склонению: *И. п.* пасꙑи, *Р. п.* пасѫщаѥго, *Д. п.* пасѫщюѥмоу и т. д.

НАРЕЧИЕ

Разряды наречий

§ 103. Все наречия в связи с общим своим значением могут быть разделены на две группы: наречия определительные и обстоятельственные.

К наречиям **определительным** относятся следующие.

1. Наречия **качественные**, которые означают качество признака, действия или состояния. Таковы, например, наречия: скоро, право, зъло, крѣпъко, свѣтьло, вѣрьно, сильно, дивьно, разоумьно, прилежьно, бесплътьно; добрѣ, зълѣ, мѫдрѣ, мирьнѣ, благовѣрьнѣ; вражьскꙑ, пророчьскꙑ, латиньскꙑ, грьчьскꙑ, елиньскꙑ. Некоторые из качественных наречий, так же как и качественные имена прилагательные, образуют степени сравнения. Например: пакꙑ — паче — наипаче, велико — вѧште, наивѧште, вꙑсоко — вꙑше, скоро — скорѣе и др. Ср. также: дале, мале, древле, боле.

2. Наречия **способа совершения действия**. Например: таи, ꙗвѣ, въспѧть, ашоуть (напрасно, тщетно), стрьмоглавь (стремглав) и др.

3. Наречия **количественные**, которые указывают на количественные оттенки (оттенки меры, степени интенсивности и т. п.) действия, состояния или качества. Например: коль, колижьдо; вътореицеѩ, третицеѩ, мъножицеѩ; дъва краты, три краты; надвоѥ: раздъра сѧ надвоѥ (Мар. ев.); дъвашьди, седмишьди, мъногашьди; зѣло, вельми; бъшиѭ, бъхъма (совсем, совершенно).

Обстоятельственные наречия могут быть подразделены на наречия времени и наречия места.

1. Наречия **места**: къде, инъде, вьсьде, дома, окрьстъ, окрѫгъ, посрѣдѣ, камо, овамо, вънѫтрь, въслѣдъ, отътоли, отъселѣ и др.

2. Наречия **времени**: къгда, тъгда, вьсегда, рано, поздѣ, нынѣ, абиѥ, въчера, испрьва, измладь, въскорѣ, послѣдь, допоздѣ, дьньсь и др.

Кроме того, в старославянском языке было несколько наречий, употреблявшихся в качестве модальных слов. При помощи этих модальных наречий говорящий стремился выразить свою мысль понятнее, определеннее, точнее. Таковы наречия: поистинѣ, въистинѫ, сирѣчь, рекъше (то есть).

Образование наречий

§ 104. По образованию наречия старославянского языка делятся на наречия, образованные от местоименных основ, и на наречия, образованные от именных основ.

В старославянском языке наиболее употребительными были следующие типы наречий от **местоименных** основ:

1) с суффиксом -де: иде, къде, инъде, вьсьде, оноуде, доньдеже, дондеже;

2) с суффиксом -амо: тамо, камо, овамо, онамо, инамо;

3) с суффиксами -доу, -дѣ: отъкѫдоу, отъсѫдоу, отъкѫдѣ, отъсѫдѣ;

4) с суффиксом -гда: егда, къгда, тъгда, иногда;

5) с суффиксами -ль, -ли, -лѣ, -льма, -льми: коль, коли, колѣ, кольма, кольми;

6) с суффиксами -ако, -аче: тако, инако, иначе и др.

Наречия от **именных** основ представляют собой падежные формы имен существительных, прилагательных и числительных без предлогов и с предлогами. Часто эти падежные формы легко определяются по известным формам склонения, однако иногда определить их затруднительно в силу омонимии падеж-

ных окончаний. Так, например, наречия на -ѣ, -оу, -и часто могут пониматься как адвербиализованные формы местного падежа единственного числа имен существительных: зимѣ, горѣ, кромѣ, вънѣ, врьхоу, зади, лани, послѣди, вънѫтри. Наречия на -ѫ, -ъ, -ь могут пониматься как формы винительного падежа единственного числа имен существительных: противѫ, противъ, вънъ, низъ, вънѫтрь; наречия ноштиѭ, тъчиѭ, мъножицеѭ, въторицеѭ и т. п. — как формы творительного падежа единственного числа женского рода имен существительных и числительных; наречия на -о и -ѣ: добро, добрѣ, достоино, достоинѣ и т. п. — как формы винительного или местного падежа единственного числа имен прилагательных среднего рода; наречия на -ьскы: вражьскы, єлиньскы и т. п. — как формы творительного падежа множественного числа имен прилагательных мужского и среднего рода.

Кроме того, в старославянском языке имеется немногочисленная группа наречий, основы которых не засвидетельствованы у других частей речи: абиє (тотчас), оуже, нє оу (еще не), пакы (опять) и немногие др.

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА

Синтаксический строй старославянского языка, несмотря на наличие многих особенностей, которые объясняются влиянием греческого синтаксиса, близок к синтаксическому строю современных славянских языков. Так, в старославянском языке различались в зависимости от цели высказывания предложения повествовательные, вопросительные и побудительные; в зависимости от наличия двух или одного главного члена предложения — предложения двусоставные и односоставные[1]; в зависимости от структуры — предложения простые и сложные. Точно так же в старославянском предложении имеются те же главные и второстепенные члены, что и в современных славянских языках: подлежащее и сказуемое, определение, дополнение и обстоятельство.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подлежащее и сказуемое

§ 105. Подлежащее обычно выражается в старославянском языке именительным падежом имени существительного или местоимения. Однако подлежащего может и не быть, так как личные местоимения 1 и 2 лица могли в старославянском языке опускаться: **онъ же отврьже сѧ прѣдъ вьсѣми глаголѧ. не вѣмъ что глаголеши** (Сав. кн.) [он же отрекся перед всеми, говоря: (я) не знаю, о чем (ты) говоришь].

Часто в функции подлежащего выступает в старославянском языке местоимение среднего рода множественного числа: **чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ. и зъва мъногы. и посъла рабъ свои въ годъ вечерѧ. решти зъванымъ грѧдѣте. ѣко уже готова сѫтъ вьсѣ** (мн. ч.) (Мар. ев.) [...так как уже *всё готово* (*ед. ч.*)].

Если в функции подлежащего выступало имя существительное собирательное (**народъ, градъ** и под.), то в старославянском языке было возможно согласование сказуемого с подлежащим по смыслу, т. е. сказуемое имело форму множественно-

---

[1] См.: *Груздева С. И.* Об односоставных предложениях в старославянском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1957. Вып. 23. № 197.

го числа: и молишѧ (*мн. ч.*) и в'сь народъ области герьгесиньскыѧ отити отъ нихъ (Сав. кн.) [и *просил* (*ед. ч.*) его весь народ...]; и абіе оустръми сѧ (*ед. ч.*) стадо въсе по брѣгоу въ море и оутопѫ (*мн. ч.*) въ водахъ... и се весь градъ изиде (*ед. ч.*) противѫ исоусови. и видѣвъше молишѧ (*мн. ч.*) и... (Асс. ев.). По-видимому, эта особенность связана с влиянием греческого языка, так как в греческом оригинале также употреблены формы множественного числа.

Сказуемое в старославянском языке могло быть простым и составным.

1. Существенное отличие в передаче простого глагольного сказуемого состояло в том, что в старославянском языке, кроме главного сказуемого, выражаемого личными формами глагола, существовало второстепенное сказуемое, выражаемое краткими формами действительных причастий: по приключаю же. иереи етеръ съхождааше (*имп.*) пѫтемь тѣмъ. и видѣвъ (*прич.*) и мимо иде (*аор.*)... самарѣни(нъ) же етеръ грѧды (*прич.*). и приде (*аор.*) надь нь. и видѣвъ (*прич.*) и милосрьдова (*аор.*) и пристѫпль (*прич.*) обѧза (*аор.*) строупы его (Асс. ев.). В данном предложении основные действия подлежащего переданы личными формами глагола (имперфектом и аористом), а сопутствующие основным действиям — краткими действительными причастиями. На то, что краткое действительное причастие было в старославянском языке однородным членом предложения с личной формой глагола, т. е. тоже сказуемым, а не обстоятельством, указывает наличие соединительного союза между ними: и се мѫжь из народа. възъпи и глаголѧ (Асс. ев.). Будучи однородным членом предложения с личной формой глагола, причастие являлось не главным, а второстепенным сказуемым, так как выражало такие действия подлежащего, которые лишь сопровождали главное его действие, т. е. раскрывали обстоятельства, при которых совершалось основное действие подлежащего. Вот поэтому с течением времени, когда краткое действительное причастие перестает изменяться, т. е. утрачивает согласование с подлежащим, оно превращается в деепричастие и приобретает функцию обстоятельства. В старославянском языке этот процесс почти не нашел отражения. Употребление несогласованных кратких причастий (деепричастий) встречается в единичных случаях и в основном в тех памятниках, в которых вообще много новообразований (Супрасльская рукопись, Синайский требник).

2. Составное сказуемое состояло в старославянском языке из глагола-связки и именной части. Глагол-связка бъіти употреблялся не только в прошедшем и будущем, но и в настоящем времени: азъ есмь лоза истиньнаꙗ и отьць мои дѣлатель естъ (Сав. кн.).

В именной части употребляются имена существительные (дѣлатель естъ) и имена прилагательные и причастия, обычно в краткой форме: око твое лѫкаво естъ (Мар. ев.); егда зъванъ бѫдеши на бракъ (Сав. кн.). Причем в качестве именной части составного сказуемого в старославянском языке могли употребляться не только страдательные причастия (зъванъ бѫдеши), но и действительные: не сь ли естъ сѣдѧи и просѧ (Мар. ев.).

Именная часть составного сказуемого согласовалась в падеже с подлежащим, т. е. всегда выступала в именительном падеже. Случаи нарушения этого правила в старославянском языке единичны и в основном отражены в Супрасльской рукописи, где наблюдается замена именительного предикативного творительным предикативным: ѡвогда тоуромъ бывъ; и сиротоѭ дѣтиштъ не бѫдетъ; не бѫди никтоже июдоѭ.

Употребление именительного предикативного было обычным не только при глаголе бъіти, но и при других глаголах, при которых в современном русском языке возможен только творительный падеж: тѣмь же нарече сѧ село то село кръве до сего дне (Зогр. ев.) [...назвалось *селом* крови...]; блаженъі григории поставьенъ бъістъ патриархъ (Супр. рук.) [...поставлен был *патриархом*]. В Супрасльской рукописи и Синайском требнике и в этом случае возможно употребление творительного падежа: изволеи нарешти сѧ винoградомь (Син. тр.).

Определение

§ 106. Определение в старославянском языке могло быть согласованным и несогласованным. Согласованное определение выражалось именами прилагательными и причастиями в краткой и полной форме (см. § 60), местоимениями и числительными. Несогласованное определение выражалось несклоняемыми прилагательными: стада различь (различных) воловъ; житиѥ прѣпость (краткое) (Супр. рук.) и падежными формами имен существительных: скрьжетъ зѫбомъ (Л. Унд.); чловѣкъ нечистомь доухомь (Зогр., Мар. ев.), притъча плѣвелъ селънъіхъ (Л. Унд.).

Особенно часто в функции несогласованного определения употреблялись беспредложные родительный и дательный падежи.

При этом родительный падеж употреблялся в старославянском языке в качестве:

а) родительного принадлежности: господинъ винограда, господинъ домоу (Мар., Зогр. ев.);

б) родительного субъекта действия: въ точении кръве (Зогр., Мар., Асс. ев.);

в) родительного объекта действия: строение домоу (Зогр., Мар. ев.), ср. о приставлении домовьнѣемь (Мар., Асс. ев.);

г) родительного объяснительного: въ кънигахъ словесъ (Зогр., Мар. ев.), но въ кънигахъ словесъныихъ (Асс. ев.);

д) родительного качественной оценки: чловѣкъ... добра рода (Зогр., Мар. ев.).

Употребление беспредложного дательного в функции несогласованного определения — одна из важных особенностей синтаксиса старославянского языка: в греческих подлинниках ему регулярно соответствует родительный падеж. При этом дательный определительный может выражать почти те же отношения, что и родительный определительный.

Так, в памятниках старославянской письменности обычен дательный принадлежности от личных и возвратного местоимений: ѣко сынъ ти живъ естъ (Мар., Асс. ев.), но твои (Зогр. ев.); прослави си сына (Сав. кн.); видѣ иоана брата емоу (Зогр. ев., Сав. кн.). Дательный определительный в значении субъекта действия близок к дательному принадлежности: движениѣ водѣ (Мар. ев.), желание грѣшникоу (Син. пс.). Типично для старославянского языка употребление и дательного объекта действия: прѣжде ископанья ровомъ (Супр. рук.). Наконец, известны случаи употребления дательного объяснительного: праздьникъ пасцѣ (Зогр. и Асс. ев., Сав. кн.); врѣмѧ жѧтвѣ (Л. Унд.).

Дополнение

§ 107. Дополнение в старославянском языке было прямое и косвенное.

Прямое дополнение выражалось беспредложным винительным падежом, который при супине и в отрицательных предложениях заменялся родительным падежом: почрѣтъ воды (Ост. ев.); не трѣбоуѭтъ съдравии врача (Сав. кн.).

Специфической особенностью синтаксиса старославянского языка являлось употребление конструкции, получившей название д в о й н о г о   в и н и т е л ь н о г о. Двойной винительный, т. е. конструкция, состоявшая из двух винительных падежей, упот-

реблялся в старославянском языке при глаголах восприятия и глаголах сътворити, поставити в значении 'делать кого кем'.

Первый из падежей выступал в функции прямого дополнения, второй же выполнял предикативную функцию, т. е. был синонимичен именной части составного сказуемого: идѣта въ слѣдъ мене. и створѭ ва (*дополнение*) ловьца (*винительный предикативный*) чловѣкомъ (Сав. кн.) [...сделаю *вас ловцами* людей]; да тѧ (*дополнение*) дроуга (*винительный предикативный*) створітъ анћеломъ (Сб. Кл.) [чтобы сделать *тебя другом* ангелам]. При глаголах восприятия винительный предикативный обычно был выражен причастием: бѣ же тоу единъ чловѣкъ... сего (*дополнение*) видѣвъ ис҃ лежѧшта (*винительный предикативный*) (Мар. ев.) [...*сего* увидев *лежащим*]; оузьрѣвъ льва (*дополнение*) съпѧшта (*винительный предикативный*) (Супр. рук.) [увидев *льва спящим*].

Косвенное дополнение выражалось в старославянском языке предложными и беспредложными конструкциями других падежей и винительным падежом с предлогами.

Следует отметить в данном случае конструкцию двойного дательного падежа, употреблявшегося с инфинитивом глагола быти. Первый из падежей употреблялся в функции косвенного дополнения, а второй при глаголе быти выполнял предикативную функцию: дастъ имъ (*дополнение*) власть чѧдомъ божиемъ (*предикативный дательный*) быти (Зогр. ев.) [дал *им* власть *быть* божьими *чадами*]; чаѭште кмоу (*дополнение*) живоу (*предикативный дательный*) быти (Супр. рук.).

Обстоятельство

§ 108. Обстоятельство в старославянском языке выражалось наречиями и именами существительными в косвенных падежах с предлогами и без предлогов: иродъ таи (*наречие*) призъвавъ вльхвы (Сав. кн.); ишьдъ ис҃ из домоу (*Р. п. с предлогом*) сѣдѣаше при мори (*М. п. с предлогом*) (Зогр. ев.).

Особенности в употреблении падежей

§ 109. 1. Родительный разделительный (или родительный части) падеж мог употребляться без предлога или же с предлогом отъ: въ единѫ же соботъ (Мар. ев.) или въ единѫ же отъ сѫботъ (Ост. ев.); посъла дъва отъ оученикъ своихъ (Зогр. ев.).

2. Родительный отложительный употреблялся при глаголах со значением удаления, изъятия: чесого еще лишѫсѧ (Сав. кн.).

3. Родительным падежом управляли глаголы имѣти, слоушати, искати, ненавидети: слоушаѩи словесе моего (Мар. ев.).

4. Родительный падеж с предлогом отъ употреблялся в значении действующего лица в страдательных оборотах: искоушеноу быти отъ старьць (Зогр., Мар., Асс. ев.).

5. Дательный направления при глаголах движения мог употребляться без предлога или же с предлогом къ: се цѣсарь твои грѧдеть тебѣ кротъкъ (Мар., Асс. ев.).

6. Дательным падежом управляли глаголы сѫдити, рѫгати сѧ, поносити, неродити, трьпѣти: сѫди сироумоу (Син. пс.); рѫгахѫ сѧ емоу (Зогр. ев.); не родите единомоу сихъ малыхъ (Сав. кн.).

7. Творительный падеж мог иметь причинное значение: азъ же сьде гладомь гыбл'ѫ (Зогр. ев.), помалоу съмрьти находѧшти мразомъ (Супр. рук.), тѣмь же нарече сѧ село то село кръве (Зогр. ев.).

8. Местный падеж без предлога употреблялся при следующих глаголах: касати сѧ — коснѫти сѧ, приближати сѧ, прилежати, прилѣпити сѧ: приведе же и въ господѫ и прилежаше (заботился) емь (Сав. кн.); кто прикоснѫ сѧ ризахъ моихъ (Мар., Асс. ев.)[1].

Дательный самостоятельный

§ 110. Одной из наиболее примечательных особенностей синтаксиса простого предложения в старославянском языке была конструкция дательного самостоятельного. Эта конструкция представляла собой сочетание дательного падежа имени существительного или местоимения с согласованным причастием и была синонимична разным придаточным предложениям. Обычно субъект дательного самостоятельного не совпадал с подлежащим предложения, осложненного этой конструкцией. В дательном самостоятельном в основном употреблялись действительные причастия, но возможно было употребление и страдательных причастий.

Чаще всего дательный самостоятельный имел временно́е значение: ютроу же бывъшю. съвѣтъ сътворишѧ. вси архиереи... (Зогр. ев.) [когда наступило утро, все архиереи собрали совет]; и вьлѣзъшю емоу въ корабь оулеже вѣтръ (Сав. кн.) [и когда он вошел в лодку, улегся ветер]; и изгнаноу вѣсоу. проглагола глоухы (Сав. кн.) [и когда бес был изгнан, глухой проговорил]; принесеномъ же бывъшемъ дръвомъ... пионии затвори очи (Супр. рук.) [когда же были принесены дрова, Пионий закрыл глаза].

---

[1] См.: *Ходова К. И.* Система падежей старославянского языка. М., 1963.

Однако эта конструкция могла иметь и другие значения. Например, причинное значение: моудащю женихоу. въздрѣмаша сѧ вьсѧ (Сав. кн.) [так как жених опаздывал, то все задремали]; уступительное значение: и извлѣче мрѣжѫ на землѭ. плънѫ великъ рыбъ. съто и пѧть десѧтъ и три. толикоу сѫщю. не протрьже сѧ мрѣжа (Зогр. ев.) [и извлек на землю сеть, полную больших рыб. И хотя их было 153, сеть не разорвалась].

Дательный самостоятельный может не иметь субъекта и, следовательно, в этом случае будет соответствовать безличному предложению: поздѣ же бывъшю въ четврьтѫѭ же годинѫ нощи. приде къ нимъ ис҃ (Сав. кн.).

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 111. В старославянском языке имелись сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Хотя в старославянском языке известны и бессоюзные сложные предложения, однако значительно чаще связь между предложениями выражалась союзами.

В сложносочиненном предложении главным образом употреблялись следующие союзы:

и — в соединительном и присоединительном значениях: и сънидѫ дъжди и придѫ рѣкы. и възвѣашѧ вѣтри и нападѫ на храминѫ тѫ. и не паде сѧ (Зогр. ев.);

а — в соединительном и, чаще, противительном значениях: и прѣломь дастъ оученикомъ хлѣбы. а оученици народомъ (Сав. кн.); азъ есмь лоза, а вы рождие (Сав. кн.);

же, нъ, обаче — в противительном значении: ты оученикъ еси того. мы же мосеови есть оученици (Мар., Асс. ев.); ини же отъ нихъ. хотѣхѫ ѩти и. нъ никтоже не възложи на нь рѫкѫ (Сав. кн.); и аште л'юбите л'юбѧштѧѩ вы. каѣ вамъ хвала естъ. ибо и грѣшьници л'юбѧштѧѩ л'юбѧтъ... обаче любите врагы вашѧ (Зогр. ев.);

ли — или, ли — и, ли — а — в разделительном значении: отъвѣща емоу ис҃. о себѣ ли се ты глаголеши. или ини тебѣ о мнѣ рѣшѧ (Сав. кн.).

В старославянском сложноподчиненном предложении были следующие типы придаточных предложений.

1. Придаточные **определительные**, которые присоединялись к главному предложению при помощи относительных местоимений и наречий: сърѣте и мѫжъ единъ от града. иже (кото-

рый) имѣше бѣсъ отъ лѣтъ многъ (Сав. кн.); бѣ же на мѣстѣ. идеже (где) и пропадаша. врьтъпъ (Зогр. ев.).

2. Придаточные **изъяснительные** (дополнительные), употребляемые при глаголах речи и восприятия, присоединялись при помощи союза ꙗко и относительных местоимений и наречий: видѣвъше и оученицы его по морю ходѧща. оубоꙗшѧ сѧ глаголѭще. ꙗко призракъ естъ (Сав. кн.); и възьрѣвъше видѣшѧ ѣко отъваленъ бѣ камень (Мар. ев.); възврати сѧ въ домъ твои и повѣдаи. елико ти сътвори богъ (Асс. ев.).

3. Придаточные **образа действия** присоединялись к главному предложению посредством союзов ꙗко, ꙗкоже: въсхотѣхъ събрати чѧда твоѣ ѣкоже събираатъ кокотъ птенъцѧ своꙗ (Мар. ев.).

4. Придаточные **причинные** присоединялись к главному предложению при помощи союзов зане (занеже), поне (понеже), ꙗко, бо, ибо: и не хощѫ ихъ не ꙗдъшъ отъпоустити. зане (так как) ослабѣѭтъ на пѫти (Сав. кн.); дадите намъ отъ олѣѣ вашего. ѣко (так как) свѣтильници оугасаѭтъ (Зогр. ев.). Причинный союз бо стоял не в начале придаточного предложения, а после первого слова: оузърѣвъ же іс҃а припаде къ немоу. и гласомъ велиемь рече... молѭ ти сѧ не мѫчи мене. прѣщаше бо іс҃ доухоу нечистоумоу. изити отъ чловѣка. отъ многъ бо лѣтъ похващаше і (Сав. кн.).

5. Придаточные предложения **цели** присоединялись к главному предложению при помощи союзов ꙗко и да: изъберѣте прѣжде плѣвелъ. и съвѧжѣте ѣ въ снопы. ѣко съжещи (*Л. Унд.*). В придаточных предложениях цели с союзом да возможны были формы как изъявительного, так и сослагательного наклонения: се изиде сѣѧи да сѣетъ (Зогр. ев.); хощеши ли да шедъше изъберемъ (*Л. Унд.*), но посълашѧ къ немоу едины отъ фарисѣи... да и бѫ обльстили словомь (Мар. ев.). В отрицательных предложениях цели употреблялся союз еда.

6. Придаточные **условные** предложения присоединялись к главному предложению посредством союзов аще, кли, кгда: аще не обратите сѧ ни бѫдете ꙗко дѣти, не имате вьнити вь цр҃ствие нб҃ское (Сав. кн.).

7. Придаточные предложения **места** присоединялись к главному при помощи союзов иде, идеже, отъкѫдѫ, ꙗмо, камо: изиде іс҃ на онъ полъ отока кедрьска. идеже бѣ градъ (Сав. кн.).

8. Придаточные предложения времени присоединялись к главному посредством союзов кгда, кꙑгда, доколь (до тех пор, пока), доньдеже (до тех пор, пока), отънелиже (с тех пор, как): и се звѣзда... идѣше прѣдъ ними. доньдеже пришьдъши ста на врьхоу (Сав. кн.); г҃ла емоу хоштеши ли цѣлъ быти. отъвѣщꙗ емоу недѫжъны. еи г҃и чловѣка же не имамъ. да егда възмѫтитъ сѧ вода. въвръжетъ мѧ въ кѫпѣль. егда же прихождѫ азъ. инъ прѣжде мене вълазитъ (Мар. ев.).

Таким образом, несмотря на многозначность некоторых союзов (ꙗко, да), в старославянском языке сложилась достаточно дифференцированная система подчинительных союзов и союзных слов.

ТЕКСТЫ

Зографское евангелие

Не осѫждаите. да не осѫждени бѫдете. імь же бо сѫдомь сѫдите. сѫдатъ вамъ. і вь н'ѭ же мѣрѫ мѣрите. възмѣрѧтъ вамъ. чьто же видиши сѫчьць іжь естъ въ оцѣ братра твоего. а брьвна еже естъ въ оцѣ твоемь не чюеши. ли како речеши братоу своемоу. остави і изъмѫ сѫчець із очесе твоего. і се бръвъно въ оцѣ твоемь лицемѣре. ізъми пръвѣе бръвъно із очесе твоего і тъгда оузьриши ізѧти і сѫчець. из очесе брата твоего. Не дадите стаго псомъ. ни помѣщаіте бисеръ вашихъ прѣдъ свин'нѣми. да не попержтъ іхъ ногами своіми. і вращтьшѧ сѧ растръгнѫтъ вы. Просите. і дастъ сѧ вамъ. іштѣте. і обрѧштете. тлъцѣте і отвръзетъ сѧ вамъ. вьсѣкъ бо просѧ и приемлетъ. і ищтаи обрѣтаетъ. і тлъкѫщтоумоу отвръзетъ сѧ (Матф., VII, 1–8).

Всѣкъ оубо іже слышитъ словеса моѣ си і сътворитъ ѣ. оуподобл'ѭ и мѫжю мѫдроу. іжь създа храминѫ своѭ на камене. і сънидѫ дъжди і придѫ рѣкы. і вьзвѣашѧ вѣтри. і нападѫ на храминѫ тѫ. і не паде сѧ. основана бо бѣ на камени. і всѣкъ слышѧи словеса моѣ си. і не творѧ іхъ. оуподобитъ сѧ мѫжю боую. іжь създа храминѫ своѭ на пѣсъцѣ. і съниде дъждь і придѫ рѣкы. і възвѣашѧ вѣтри. і опьрѣшѧ сѧ храминѣ тои. і паде сѧ. і бѣ раздроушение еѩ велие ѕѣло (Матф., VII, 24–27).

...чкъ етеръ імѣ дъва сна. і рече мьниі снъ ею оцю оче даждь ми. достоінѫѭ чѧсть. імѣньѣ. і раздѣли іма імѣнье. і не по мнозѣхъ дьнехъ. събравъ. все мьни снъ. отиде на странѫ далече. і тоу расточи імѣнье свое живы блѫдъно. іждивъшю же емоу вьсѣ. бystъ гладь крѣпъкъ на странѣ тоі. і тъ начѧтъ лишити сѧ. і шьдъ прилѣпи сѧ единомь отъ жителъ тоѩ страны. і посъла і на села своѣ. пастъ свиніи. і желааше насытити сѧ отъ рожьць ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ. і никътоже дааше моу. вь себѣ же пришьдъ рече. коликоу наімьникъ оца моего ізбываѭтъ хлѣби. азъ же сьде гладомь гыблѫ. въставъ ідѫ къ оцю моемоу. і рекѫ емоу. оче съгрѣшихъ на нбо і прѣдъ тобоѭ. юже нѣсмь достоінъ нарешти сѧ снъ твоі. сътвори мѧ. ѣко единого отъ наімьникъ твоіхъ. і въставъ іде къ оцю своемоу. еште же емоу далече сѫштю. оузьрѣ і оць его. і милъ емоу быс(тъ). і текъ нападе на выѭ его. і облобыза і. рече же емоу снъ. оче. съгрѣшихъ на нбо і прѣдъ то-

боѭ. юже нѣсмь достоінъ нарешти сѧ с҃нъ твоі. сътвори мѧ. ѣко единого отъ наімьникъ твоіхъ. рече же о҃ць къ рабомъ своімъ. скоро ізнесѣте одеждѫ пръвѫѭ. і облѣцѣте і. і дадите пръстень на рѫкѫ его. і сапогы на нозѣ. і приведъше тельць оупитѣны. заколѣте. і ѣдъше да веселимъ сѧ. ѣко с҃нъ мої сь. мрътвъ бѣ і оживе. ізгыблъ бѣ і обрѣте сѧ. і начѧшѧ веселити сѧ. бѣ же с҃нъ его старѣі на селѣ. і ѣко грѧды приближі сѧ къ домоу. і слыша пѣнніѣ і ликы. і призъвавъ единого отъ рабъ. въпрашааше і. чьто оубо си сѫтъ. онъ же рече емоу. братъ твоі приде і заклa о҃ць твоі. тельць оупитѣны. ѣко съдрава і приѩтъ. разгнѣва же сѧ. і не хотѣаше вьнити. о҃ць же его ішьдъ молѣаше і. онъ отъвѣштавъ рече о҃цю своемоу. се колико лѣтъ работаѭ тебѣ. і николиже заповѣди твоеѩ не прѣстѫпихъ. і мьнѣ николиже не далъ еси козьлѧте. да съ дроугы моімі възвеселилъ сѧ бимь. егда же с҃нъ твоі ізѣды твое імѣнье. съ любодѣіцами. приде. і закла емоу телець питомы. онъ же рече емоу чадо. ты всегда съ мноѭ еси. і в'сѣ моѣ твоѣ сѫтъ. възвеселити же сѧ і въздрадовати подобааше. ѣко братръ твоі сь. мрътвъ бѣ і оживе. ізгыблъ бѣ і обрѣте сѧ (Лука, XV, 11–32).

Мариинское евангелие

І въ третии день бракъ бысть въ кана галилеисцѣи. і бѣ мати і҃сва тоу. зъванъ же бысть и і҃съ. і оученици его на бракъ. і недоставъшю виноу. г҃ла мати і҃сва къ немоу. вина не имѫтъ. г҃ла еи і҃съ. что есть мьнѣ и тебѣ жено. не оу приде година моѣ. г҃ла мати его слоугамъ. еже аште г҃летъ вамъ сътворите. бѣ же тоу водоносъ камѣнъ шесть лежаштъ. по очиштению июдеискоу. въмѣстѧшть по дьвѣма ли тремъ мѣрамъ. г҃ла имъ і҃съ. наплъните водоносы воды. і наплънишѧ ѩ до врьха. и г҃ла имъ. почрьпѣте нынѣ и принесѣте ар'хитриклинови. і принѣсѧ. ѣко же въкоуси архитриклинъ вина бывъшааго отъ воды. і не вѣдѣаше отъкѫдоу естъ. а слоугы вѣдѣахѫ почрьпъшеи водѫ. пригласи жениха архитриклинъ. і г҃ла емоу. вьсѣкъ ч҃лвкъ прѣжде доброе вино полагаатъ. і егда оупиѭтъ сѧ тогда тачѣе. ты же съблюде доброе вино доселѣ. сътвори начѧтокъ знамениемъ і҃съ. въ кана галилеисцѣи. і ѣви славѫ своѭ. і вѣровашѧ во нь оученици его (Иоанн, II, 1–11).

І мимо иды і҃с видѣ ч҃лка слѣпа. отъ рождъства. и въпросишѧ и оученици его г҃лѭще. оучителю къто съгрѣши. сь ли или родителѣ его. да слѣпъ роди сѧ. отъвѣшта і҃с. ни сь съгрѣши ни родителѣ его нъ да авѧтъ сѧ дѣла б(о)жиѣ на немъ. мьнѣ подоба-

атъ дѣлати дѣла посълавъшааго мѧ. доньдеже день естъ придетъ ноштъ. егда никтоже не можетъ дѣлати. егда в мирѣ есмъ свѣтъ есмь мироу. си рекъ плинѫ на землѭ. ι сътвори брение отъ плиновениѣ. ι помаза емоу очи брьньемь. ι рече емоу иди оумыи сѧ въ коупѣли силоуамьсцѣ. еже съказаатъ сѧ посъланъ. ιде же и оумы сѧ и приде видѧ. сѫсѣди же и иже и бѣахѫ видѣли прѣжде ѣко слѣпъ бѣ. глаахѫ. не сь ли естъ сѣдаи и просѧ. ови глаахѫ ѣко сь естъ. онъ же глааше ѣко азъ есмъ. глаахѫ же емоу. како ти сѧ отвръсте очи. отъвѣшта онъ и рече. члвкъ нарицаемы ис. брьнье сътвори. и помаза очи мои и рече ми. иди въ кѫпѣль силоуамлѭ и оумыи сѧ. шедъ же и оумывъ сѧ прозьрѣхъ. рѣшѧ же емоу къде тъ естъ. гла не вѣмъ. вѣсѧ и къ фарисѣемъ. иже бѣ иногда слѣпъ. бѣ же собота егда сътвори брьнье ис. и отвръзе емоу очи. пакы же въпрашаахѫ и фарисѣи како прозьрѣ. онъ же рече имъ. брьнье положи мьнѣ на очию. и оумыхъ сѧ и виждѫ. глахѫ же отъ фарисѣи едини. нѣстъ сь отъ ба члкъ. ѣко соботы не хранитъ. ови глаахѫ како можетъ члкъ грѣшенъ. сица знамениѣ творити. ι распьрѣ бѣ вь нихъ. глаша слѣпцю пакы. ты чьто глеши о немь. ѣко отвръзе очи твои. онъ же рече. ѣко пркъ естъ. не ѩсѧ же вѣры июдеи о немь. ѣко бѣ слѣпъ и прозьрѣ. доньдеже призъвашѧ родителѣ того прозьрѣвъшааго. и въпросишѧ ѣ глѭште. сь ли естъ снъ ваю. егоже вы глете ѣко слѣпъ сѧ роди. како оубо нынѣ видитъ. отъвѣштасте же имъ родителѣ его и рѣсте. вѣвѣ ѣко сь естъ снъ наю. ι ѣко слѣпъ сѧ роди. како же нынѣ видитъ не вѣвѣ. ли кто емоу отвръзе очи вѣ не вѣвѣ. самого въпросите. въздрастъ иматъ. самъ о себѣ да глетъ (Иоанн, IX, 1–21).

Ассеманиево евангелие

Въ о(но врѣмѧ). кънѧзь етеръ вьшедъ кь исоу кланѣаше сѧ исви глѧ: ѣко дьщи моѣ оумрѣтъ. Нъ пришедъ възложı рѫкѫ твоѭ и оживетъ. И въставъ исъ по немъ идѣаше и оученицı его. И се. жена кръвоточива. вı. лѣтѣ имѫщи. и прıстѫпльши съзадı. прıкоснѫ сѧ въскрилıи ризы его. Глааше бо въ себѣ. Аще тъкмо. прикоснѫ сѧ рıзѣ его сп(а)сена бѫдѫ. Исъ же обращь сѧ. и видѣв ѭ рече. Дръзаи дьщı вѣра твоѣ сп(а)се тѧ. и сп(а)сена быс(тъ) жена ѿ чѣса того. и пришедъ исъ въ домъ кънѧжь. и вıдѣвъ сопьцѧ и народъ млъвѧщь. И гла имъ отıдѣте. не оумрѣтъ бо дѣвıца нъ сьпıтъ. и рѫгаахѫ сѧ емоу. Єгда же изгънанъ быс(тъ) народъ. въшедъ ѩтъ ѭ за рѫкѫ. и въста дѣвıца. и изиде вѣсть си. по вьсеи земı тои ·:· (Матф., IX, 18–26).

Въ оно в(рѣмѧ) законникъ етеръ пріде кь ӥсоу искоушаѩ и глѧ. оучітелю чьто сьтворь живота вѣчьнааго наслѣдоуѭ. онъ же рече к немоу. въ законѣ чьто пісано естъ. како чьтеши. онъ же отъвѣштавъ рече... любі... искрънѣаго своего ѣко и самъ сѧ. Рече же емоу ӥсъ. право отъвѣща. се сътвори и жівъ бѫдеши. онъ же хотѧ оправьдіти сѧ самъ. рече къ ӥсоу. кто естъ искрьнии мои. Отъвѣща ӥсъ и рече. чкь етеръ съхождааше о ер(оусали)ма вь ерихѫ. и въ разбоинникъи вьпаде. іже и съвлъкъше и и ѣзвы възложьше на нь. отідѫ оставльше и елѣ жива. По приключаю же. иереи етеръ съхождааше пѫтемь тѣмъ. и видѣвъ и мімо иде. такожде и левѣітъ. бывъ на томьжде мѣстѣ. пришедъ и відѣвъ и мимоиде. Самарѣнін(ъ) же етеръ грѧдъı. и пріде надь нь. и видѣвъ и млсрдова (милосрьдова) и прістѫпль обѧза строупы его. възліваѩ олѣи и віно. въсаждъ же и на свои скотъ. пріведе и въ гостіньницѫ. и прілежа емъ. и наоутріа ишедъ. вьземъ дъва пѣнѧѕѧ. дастъ гостинникоу. и рече емоу прилежі емъ. и еже аште прііждівеши. Азь егда възвраштѫ сѧ въздамъ ті. кьто оубо отъ тѣх тріи мьнитъ ті сѧ бъити искрьниі въпадшоумоу въ разбоинникъи. онъ же рече. сътвореи млсть (милость) сь нимъ. рече же емоу ӥсъ. иди и тъи твори такожде (Лука, X, 25–37).

Саввина книга

Въ оно (врѣмѧ) ходѧ іс при мори галилеісцѣ видѣ в҃ брата. симона рекомаго петра. и анъдреꙗ брата его. вьмѣтаѭща мрѣжѧ въ море. бѣста бо рыбамъ ловьца. и гла има. идѣта въ слѣдъ мене. и створѫ ва ловьца члкомъ. она же оставьша мрѣжѧ. по немь идоста. и прѣшъдъ отътѫдоу. видѣ ина в҃ брата. иꙗко(ва) сна зеведеова и иωана брата емоу. въ кораби съ зеведеомъ оцьмъ има. строѩща мрѣжѧ има и възъва ꙗ. она же оставьша. корабль и оца своего. по немь идоста. и прохождаше всѫ галилеѭ. іс оучѧ на съньмищихъ... ицѣлѣѩ всакъ недѫгъ. и всякѫ ѩзѫ вь людехъ (Матф., IV, 18–23).

Въ оно в(рѣмѧ). члкъ единъ приде къ ісви. искоушаѩ і и глѧ. учителю благы. что створь животъ вѣчьны наслѣдьствоуѭ. рече емоу іс. что мѧ глеши блага. никто же благъ. тъкмо бъ единъ. заповѣди вѣси. не оубий. не прѣлюбы створи. не кради. ни лъжи съвѣдѣтель бѫди. чъти оца своего и м(а)тере. онъ же рече емоу. вса си съхранихъ отъ юности своеѩ. слышавъ же іс рече емоу. еще единаго не доконьчалъ еси. все елико имаши продаждъ. и даждъ нищимъ. и имѣти имаши съкровище на нбсхъ. и гради по м'нѣ. онъ же слышавъ се. прискрьбьнъ быстъ. бѣ бо богатъ зѣло.

видѣвъ же ї҃с прискрьбьна сѫща. рече неоудобь имѫштюмоу богатьство. вь ц҃рствіе б҃жие вьнити. оудобѣе бо естъ вельбѫдоу сквозѣ иглинѣ оуши пронити. нежели богатоу вь ц҃рствие б҃жие вьнити (Лука, XVIII, 18–25).

...тогда г҃ла имь ї҃с. вси вы съблазните сѧ о мьнѣ вь сиѭ нощъ. псано бо естъ поражѫ пастоуха. и разидѫтъ сѧ овьча стада... отъвѣщавъ же петръ рече емоу. аще и вси съблазнатъ сѧ о тебѣ. азъ николи же не съблажнѫ сѧ. и рече емоу ї҃с. ами(нъ) г҃лѫ тебѣ. ꙗко вь сиѭ нощъ. прѣжде даже коуръ не възгласитъ г҃ краты отврьжеши сѧ мене... петрь же вьнѣ сѣдѣше на дворѣ. и пристѫпи къ немоу едина рабыни г҃лѭщи. и ты бѣ съ ї҃сомъ галилеїскымъ. онъ же отврьже сѧ прѣдъ вьсѣми г҃лѧ. не вѣмъ что г҃лешн. и шъдъшю же емоу въ врата. оузьрѣ і дрꙋгаꙗ и г҃ла имъ. тоу и сь бѣ ч҃лкъ съ ї҃сомъ назарѣниномъ. и пакы отъврьже сѧ съ клѧтвоѭ. ꙗко не знаѭ. ч҃лка не по мнозѣ же пристѫпьше стоꙗше і рѣшѧ петрови. въ истинѫ отъ нихъ ты еси. и бо бесѣда твоꙗ ꙗвѣ тѧ творитъ. тогда начѧтъ ротити сѧ и клѧти сѧ ꙗко не знаѭ ч҃лка сего. и абие коуръ възгласи. и помѣнѫ петръ г҃лъ ї҃съ. еже рече емоу. прѣжде даже коу(рь) не възгласитъ. три краты отъврьжеши сѧ мене. и шъдъ вънъ плака сѧ горько (Матф., XXVI, 31–34, 69–75).

Остромирово евангелие

Въ врѣмѧ оно. пришъдъ и҃ıс въ домъ петровъ видѣ тьщѫ кго лежащѫ. огньмь жегомѫ. и прикоснѫ сѧ рѫцѣ кꙗ. и остави ѭ огнь. и въста и слоужааше кмоу поздѣ же бывъшоу. приведошѧ кмоу бѣсьны мъногы. и изгъна д(оу)хы словъмь. и вьсѧ болѧщѧꙗ исцѣли да събѫдеть сѧ реченоѥ исаиемь пророкъмь г҃лющемъ. тъ недѫгы нашѧ приꙗтъ. и болѣзни понесе оузьрѣвъ же и҃ıс. мъногы народы окрьстъ себе. повелѣ ити на онъ полъ. и пристѫпль кдинъ кънигъчи. и рече кмоу оучителю идѫ по тебѣ. ꙗможе коли ждо идеши. и г҃ла кмоу и҃ıс лисицѧ ложа имѫть. и пътицѧ н(ебе)сьскꙑꙗ гнѣзда. а сынъ чловѣчьскыи не имать къде главы подъклонити. дроугыи же отъ оученикъ кмоу рече къ нкмоу. г҃и. повели ми прѣжде ити. и погрети о(ть)ца моѥго. и҃ıс же г҃ла кмоу грѧди по мънѣ. и остави мрьтвыꙗ. погрети своꙗ мрьтвьцѧ. и вълѣзъшоу же кмоу въ корабль. по нкмь идошѧ оученици кго (Матф., VIII, 14–23).

Въ врѣмѧ оно. воини имъше и҃ıса. ведошѧ и вънѫтрь на дворъ кже кстъ преторъ... и облѣкошѧ и въ багърѧницѫ и възложишѧ на нь съплетъше трьновъ вѣньць. и начѧшѧ целовати и г҃лѭ-

ще. радоуи сѧ цр҃ю июдеискъ. и биꙗхѫ и по главѣ трьстиѭ. и пль-
ваахѫ на нь и прѣгыбаѭще колѣна покланꙗахѫ сѧ ѥмоу. и ѥгда
поржгашѧ сѧ ѥмоу. съвлѣкошѧ ѥмоу багърѧницѫ. и облѣкошѧ и
въ ризы своꙗ. и изведошѧ и да и распьнѫть и задѣшѧ мимохо-
дѧщоу ѥдиномоу симоноу... идѫщоу съ села... да възьметь крьстъ
ѥго и приведошѧ и на мѣсто голгоѳа ѥже ѥсть сказаѥмо краниѥво
мѣсто и даꙗхѫ ѥмоу пити оцьтьно вино. онъ же не приѩтъ и рас-
пьнъше и раздѣлишѧ ризы ѥго мещѫще жрѣбиѩ о нѩ. къто чьто
възьметь бѣ же година третиꙗ. и распѧшѧ и и бѣ написаниѥ ви-
ны ѥго написано. ц(ѣса)рь июдеискъ и съ нимь распѧшѧ дъва
разбоиника ѥдиного одеснѫѭ а дроугааго олѣвѫѭ ѥго... мимоходѧ-
ще. хоулѣахоу ѥго. покываѭще главами своими и г҃лѭще оува раза-
рꙗѩи цр҃кве и трьми дьньми съзидаѩ. с(ъ)п(а)си сѧ самъ. и съ-
ниди съ крьста такожде и архиереи. рѫгаѭще сѧ дроугъ къ дроу-
гоу. съ кънижьникы г҃лаахѫ ины с(ъ)п(а)се. а себе ли не можеть
съпасти х҃съ ц(ѣса)рь из(раи)лѥвъ (Марк, XV, 16–32).

Синайская псалтырь

Тебѣ подобаетъ пѣснъ б҃же въ сионѣ: І тебѣ въздастъ сѧ обѣтъ вь еї(роусал)имѣ :·: ⏑ Оуслыши молітвѫ моѭ: Къ тебѣ вьсѣ плоть прідетъ: ⏑ ⏑ ...Їсплънимъ сѧ благыхъ домоу твоего: С(вѧ)та цр(ь)кы твоѣ дівьна правьдѫѭ: ⏑ Оуслыши ны б҃же с(ъ)п(асите)лю нашъ: Оупъванье вьсѣхъ кьнецъ землѩ И сѫщихъ вь морі далече: Готоваѩ горы крѣпостъѭ своеѭ: прѣпоѣсаны сілоѭ: Съмѫщаѩ глѫбинѫ морьскѫѭ :· Шюмоу влънъ его: къто протівѫ станетъ: ⏑ ⏑ Възмѧтѫтъ сѧ ѩзыці: И оубоѩтъ сѧ живѫщеі въ коньціхъ: Отъ знаменеі твоіхъ: ⏑ Исходъ оутроу и вечероу оукрасіши: Посѣтілъ есі землѩ и оупои ѭ оумножілъ есі обогатіті ѭ: ⏑ ⏑ ⏑ Рѣка б(о)жьѣ наплъні сѧ водъ: Оуготова пищю імъ:· ѣко тако естъ оуготованье твое: ⏑ ⏑ Бразды еѩ напои оумьно-жи-та еѩ: Въ каплѣхъ еѩ: възвеселитъ сѧ вьсьѣѭщи:· ⏑ ... І полѣ твоѣ насытѧтъ сѧ тоука: ⏑ ⏑ Разботѣѭтъ красънаа поустынѩ: І радостіѭ хлъмі[1] прѣпоѣшѭтъ сѧ: ⏑ (л. 77а–78а).

Г҃ь въцѣсарі сѧ да радоуетъ сѧ землѣ ⏑. Да възвеселѩтъ сѧ о҃ци мъноѕі ⏑. Ѡблакъ і мракъ окръстъ его ⏑... правъда і сѫдъ

[1] Здесь в рукописи вместо обычного х употреблен «паукообразный» знак Ӿ.

исправленіе прѣстола его ... Огнь прѣдъ німь прѣді ідетъ і попалитъ окрѫ врагы его ... Освѣтішѧ млъніꙗ его въселенѫѭ ... відѣ і подвіжа сѧ землѣ ... Горы ѣко воскъ растаашѧ сѧ отъ лица гнѣ... Възвѣстішѧ неб(е)са правъдѫ его: ... Ї відѣшѧ вьсі людіе славѫ его ... Да постыдѧтъ сѧ вьсі кланѣѭштеі сѧ істоуканымъ ... хвальѧштеі сѧ о ідолѣхъ своіхъ поклоніте сѧ емоу вьсі анг'лі[1] его ... (л. 126б–127а).

Гі оуслыші молітвѫ моѭ: И въпль мої къ тебѣ да прідетъ: Не отъвраті лица твоего: отъ мне: Въ нъже денъ тѫжѫ пріклоні ко мнѣ оухо твое: ... Въ нъже денъ прізовѫ тѧ. ꙗдро оуслыші мѧ:· ... Иде ичезѫ ѣко дымъ дьни мої:· і кості моꙗ ѣко соушіло сосъхѫ сѧ: ... Побьенъ быхъ ѣко сѣно и- съше срдце мое: ѣко забыхъ сънѣсти хлѣбъ мои: Отъ гласа въздыханьѣ моего: прільпе кость моѣ плъти моеі: ... Оуподобихъ сѧ неꙗсыті поустынѣі: Быхъ ѣко ноштъны вранъ на ныринши: ... Вьсъ денъ поношаахѫ ми враѕи мої :· и хвалѧщи сѧ мноѭ: клънѣахѫ сѧ: Иде попелъ ѣко хлѣбъ ѣсъ: И питье мое съ плачемъ растварѣахъ: ... Отъ ліца гнѣва твоего и ѣрості твоеꙗ: ѣко възнесъ нізвръже мѧ: (л. 130а–130б).

Супрасльская рукопись

мѣсѧца марта въ ·і· мѫка стаго кодрата и иже сь нимъ ·:· Бывъшоу же таковоуоумоу дьни. вь ньже прѣдъсѣдъ анѳупатъ въ народѣ. повелѣ привести рабы хсовы на сѫдиште. приведеномъ же имъ бывьшемъ прѣдъ нь. рече анѳупатъ... да повѣдаетъ къждо васъ своѥ имѧ. и санъ и отъчьство. Блаженыи же кодратъ зади за вьсѣми стоѧ. не дръжимъ никъимъ же къ въпрошенню анѳоупата. пръвыи вьсѣхъ. великомъ гласомъ отъвѣштавааше. крьстиꙗни наричемъ сѧ... раби есмъ іс хса га небесъскааго. и невидимааго ба... Анѳупатъ рече. сѫтъ оубо множаиши б(о)зи. ц(ѣса)ръ же заповѣда двѣма на десѧте жрьти богома. им'же повинѫти сѧ подобаатъ. и поклонити. Стыи кодратъ съ дръзновениїмъ великомъ гласомъ възъпи глѧ. не добро ѥстъ многомъ богомъ быти. единъ богъ да бѫдетъ... Тъгда анѳупатъ разгнѣвавъ сѧ повелѣ и сьвлѣшти. и на дьстѣ протѧгъше бити и жилами соуровамі... Анѳоупатъ рече послоушаи мене и пожьри богомъ. да не ꙗко зълодѣи зьлѣ оумьреши. Стыи кодратъ рече. блаженъ естъ мѫжъ иже не идетъ на пѫть нечьстивыихъ... Анѳупатъ ре-

---

[1] Здесь в рукописи вместо обычного ꙑ употреблен знак ѥ, вычлененный из юса.

че. съвлѣкъше бездарьствьнааго. пакы бигате. да въспрѧнѫвъ повинетъ сѧ богомъ... Блаженоуоумоу же кодратоу повелѣ анѳѵпатъ коупно и съ инѣми. въслѣдъствовати въ аполониѫ. и въшьдъ нечьстивыи анѳѵпатъ. въ цръквиште аполоново... ноуждаше ѩ пожрътти нечьстивыимъ бѣсомъ. и глагола къ блаженоуоумоу кодратоу... пристѫпи къ асклипию и тъ тѧ истѣлитъ. оубои сѧ величьства богъ и великааго аполона добыꙗго. и еракліа иже вьсѣхъ ц(ѣса)ръ. и диꙗ. тръвеличьствънааго. ареа. писидона. оубо нѣси ли николиже плавалъ по мороу. да бы оувѣдѣлъ страхъ кго... Блаженыи же кодратъ рече. азъ покланѣѭ сѧ истин'ноуоумоу богоу... и їдѫ къ господоу мокмоу. ты же зъло зьлѣ въплачеши. ꙗко не въсхотѣ оувѣдѣти истиннааго б҃а. давъшааго ти жить. с҃не сотонинъ. обьштьниче нечистыхъ бѣсовъ. бѣсьныи пьсе. кръвопивъіи змию. плътоꙗдивыи мечоу. сверѣпѣи звѣрии... Разгнѣвавъ сѧ анѳѵпатъ. повелѣ соль съ оцътомъ съмѣсивъше поливати раны кго. и соукномъ въстирати. и ꙗко помлъча сватыи... повелѣ раждегъше желѣза зѣло жешти и по ребромъ (97–115).

мѣсѧца марта въ ѕ҃ дьнь чоудотворениꙗ с҃тааго конона... кште же къ симь чоудесемъ и се быстъ. въдовици коки оубозѣ с҃нъ иночѧдъ кдиначе съсы. кгоже носѧшти въ пазоусѣ мати кмоу. въ врѣмѧ жѧтвѣ шъдъши да съберетъ класы на пиштѫ себѣ. положи на земи с҃на своkго. и къ жѧтелѣнемъ пристѫпивъши. и берѫшти класы. вънезаапъ влъкъ пришедъ обрѣте повръженъ дѣтиштъ. никомоуже сѫштоу оу н'его. и въсхытивъ и отиде. жѧтелѣне же оуслышавъше плача младеништа. и мати почоувъши обрати сѧ. и разоумѣвъши своkго зъла въскрича съ вьсѣми. жѧтелѣне же ови клицаахѫ ови течаахѫ вь слѣдъ вълка. и не постигъше кго вратишѧ сѧ. мати же кго и не испочивъши въздѣвъши рѫцѣ и текѫшти иде плачѫшти сѧ до с҃тааго мѫжа. повѣдати кмоу своѭ бѣдѫ. и дошьдьши манастырѣ. вьскрича мати дѣтишта вел'ми глагол'ѫшти. с҃тыи кононе даждь ми с҃на мокго. онъ же оуслышавъ гласа плачоу въскочи къ двьремъ по обычаю. она же видѣвъши и. и похватившъши нозѣ кго плака сѧ горько. онъ же въставивъ ѭ въпрашааше ч'то кстъ вина. онои же отъ печали не могѫшти исповѣдати. съповѣдашѧ иже бѣшѧ сь н'еѭ пришьли. и оуслышавъ бывъшек и попече сѧ съ матерьѭ дѣтишта. и ставъ при в'сѣхъ. и вьздѣвъ на высотѫ очи і рѫцѣ помоли сѧ. и прізъвавъ с҃ток тримeньнок имѧ повелѣ бѣсомъ ити и обратити вълка съ дѣтиштемь цѣломъ. они же призв'ани бывъше и невидими скоро поидошѧ. и постигошѧ и далече зѣло. кште младеништь въ устѣхъ носѧштъ. да ови похватившъше за оуши влѣчаахѫ и. дроузии же

съзажда пориваахѫ а дроугии биꙗхѫ. и тако ведоша влька къ ногама стоуоумоу кононоу. и падъ положи дѣтиштъ прѣдъ вьсѣми... и вьземъ дѣтишта отъ звѣрѣ дастъ матери (43–44).

Сборник Клоца

...прѣжде елико отъ ба власть прiемъше. добрѣ iзвѣдѫштеi. обрѣтаѭштихъ сѧ. въ своѩ iмъ людi. тѫже съ тръпѣльсвомъ. iспытаньемь на вьсѣкъ день раздрѣшаѭште дльжьни сѫтъ нi единого чка подь нiмi сѫштаго соулѣе iмѣти бжiю законоу нi братра. нi чѧдо. нi дроуга. нi иного нiкоегоже. добрѣ вѣдѫште. i помышлѣѭште. еже е въ бжi законъ. въпсано глѧi оцю своемоу. i мтерi своеi. не вѣдѣхъ тѧ. i братрьѩ своеѩ не познахъ. I сны своѩ не разоумѣхъ. закона твоего радi съхранiхъ правъды твоѩ. по томь же еже е въпсано въ ста евинѣльѣ. любѧi оца ли матерь паче мене. нѣстъ ми на подобѫ. за сего радi длъженъ естъ вьсѣкъ кнѧзъ не обiноуѩ вьсѣхь. iже подъ властьѭ емоу бжи сты хоу законъ. i пророкомъ апо(стол)омъ. i блаженъымъ оцемъ прооучати. i вьсѣмь на вьсѣкъ день. запрѣштати не обiдѣтi. кого немоштьнѣiшiхъ. нi поганъскъ етеръ обычаi съдѣати. нi поганъскъiѩ прiсѧгы. iлi ино чъто блѫдѧште. ни едiно бо прiчѧстье. свѣтоу къ тъмѣ. i сномъ свѣтоу кръстьѣномъ. i поганомъ стое кръстенье въ чъсть вельѭ имѣтi. а не оукорiзнѣ творiть — е. i къмотрами своiмi i дъштерьми. iже отъ стаго кръштеньѣ не съмѣшати сѧ. вьсе бо се сти вьсемоу мироу обьшти съньми проклѧлi сѫтъ. нъ i позьрѧштаѩ ихъ кънѧзѧ таковьсѧѩ бештiницѧ. i не ѣко подобаетъ показаѭштiхъ. съ достоѣноу емоу постоу. въ разлiченье прокленьше въ вѣчъны огнь. отъврълж сѧ братьѣ. въ стое i спсаѭштее кръштенье длъженъ естъ. вьсѣкъ кръштенъ съ страхомъ. i трепетомь хранiти. то же стоумоу i блаженоумоу павълоу ап(осто)лоу глѭштю къ вѣрънъмъ. любодѣанье же i вьсѣка нечiстота въ васъ да не iменоуетъ сѧ. ѣкоже подобаетъ стымъ. i нiкътоже васъ да не слышiтъ тъштiми словесы. не любодѣi бо нi клеветьнiцi. нi обiдьлiви црствiе бжiе наслѣдъствоуѭтъ. сихъ бо радi грѧдетъ гнѣвъ бжi. на сны протiвъныѩ. длъженъ естъ вьсѣкъ кръштены. самъ себе чiста хранити (Из анонимной гомилии, приписываемой Мефодию, л. 1[б]–2[а]).

Из Жития Кирилла

Ростиславъ бо моравьскыи кнѧз(ь). б(о)гом(ь) ꙋстимъ. съвѣтъ сътвори съ кнѧзи своими и с моравлѧны и посла къ ц(ѣса)рю Михаилꙋ глѧ. людемъ нашим(ъ) поганьства сѧ ѿвръгшим(ъ)

и по христіанескъ сѧ законъ дръжащимъ. оучителѧ не имамъ таковаг(о). иже бы ны въ свои ꙗзыкъ истѹю вѣрѹ хр(и)стіаньскѹю сказалъ. да быша и ины страны. тог(о) зрѧще. подобили сѧ намъ. то посли намъ. вл(а)д(ы)кѡ. еп(и)с(ко)па и ѹчителѧ таковаго. ѿ васъ бо на всѧ страны въсегда добрыи законъ исходит(ь). събравъ же ц(ѣса)рь съборъ призва Константина философа и сътвори и слышати рѣчь сію. и рече. философе. вѣм'тѧ трѹдна сѹща. но достоить тебѣ тамо ити. сеа бо рѣчи не можеть инъ никтоже исправити ꙗкоже ты.

Ѿвѣща же философ(ъ) и трѹденъ сы тѣлѡм(ь) и боленъ. радъ идѹ тамо. аще имѹть бѹкви въ ꙗзыкъ свои. и реч(е) ц(ѣса)рь къ немѹ. дѣдъ мои и ѿць мои и инии мнози. искавше того не обрѣли сѹть. то како азъ могѹ обрѣсти. философ(ъ) же реч(е). то кто можеть на водѣ бесѣдѹ написати или еретичьско имѧ себѣ обрѣсти. Ѿвѣща емѹ пакы ц(ѣса)рь... аще ты хощеши. то можеть бгъ тебѣ дати иже даеть всѣм(ъ) иже просѧт(ь) несѹмнѣніемъ и ѿврьзаеть тлъкѹщимъ.

Шед(ъ) же философ(ъ) по пръвомѹ обычаю на млтвѹ сѧ наложи и съ инѣми съпоспѣшникы въскорѣ же ѧ емѹ бгъ ꙗви... и тогда сложи письмена и начѧ бесѣдѹ писати еѵгльскѹю. искони бѣ слово и слово бѣ ѹ бга и бгъ бѣ слово. и прочаꙗ. Возвесели же сѧ ц(ѣсар)ь и бга прослави... и посла и съ дары многы. написавъ к(ъ) Ростиславоу епистолью сице, бгъ... въ наша лѣта ꙗвль боукви въ вашь ꙗзыкъ. его же не бѣ дано было токмо въ перваꙗ лѣта. да и вы причтете сѧ велицѣхъ ꙗзыцѣхъ иже славѧть бга своимъ ꙗзыкомъ. и то ти послахомъ. того емѹже ѧ бгъ ꙗви. мѹжа ч(ь)стна и бл(а)говѣрна. книжна зѣло и философа... Дошедъшю же емѹ Моравы с великою ч(ь)стью приꙗтъ и Ростиславъ. и собравъ оученикы вдасть ѧ оучити. въскорѣ же сѧ весь црковныи чинъ прѣложи.

Из жития Мефодия

Прилоучи же сѧ въ ты дьни Ростиславъ кнѧзь словѣньскъ съ Стопълкъмь. посъласта из Моравы къ ц(ѣса)рю Михаилоу глюща тако. ꙗко б(о)жиєю м(и)л(о)стию съдрави кємъ. и соуть въ ны въшьли оучителе мнози крьстиꙗни. из влахъ и изъ грькъ. и из нѣмьць. оучаще ны различь. а мы словѣни проста чадь и не имамъ. иже бы ны наставилъ на истиноу и разоумъ съказалъ. то добрѣи влдко посъли такъ моужь иже ны исправить вьсѧкоу правьдоу. тъгда ц(ѣ)с(а)рь Михаилъ рече къ философоу Костѧнтиноу. слышиши ли. философе. рѣчь сию. инъ сего да не можеть сътворити развѣ тебе. тѣмъ дамъ ти дари мнози. и поимъ братъ

свои игоуменъ меѳедии иди же. вы бо ѥста селоунѧнина. да селоу-нѧне вьси чисто словѣньскы бесѣдоують. тъгда не съмѣста сѧ ѿрещи. ни б҃а ни ц(ѣса)рѧ... нъ велию слышавъша рѣчь. на молитвоу сѧ наложиста... да тоу ꙗви б(о)гъ философоу словѣньскы книгы. и абиѥ оустроивъ писмена и бесѣдоу съставль. поути сѧ ꙗтъ моравьскаго. поимъ меѳеодиꙗ... и трьмъ лѣтомъ ишьдъшемъ. възвратиста сѧ из моравы. оученикы наоучьша. оувѣдѣвъ же такова моужа апостоликъ никола. посъла по нѧ желаꙗ видѣти ꙗ ꙗко анг(е)ла б(о)жиꙗ. с(вѧ)ти оученикѥ ѥю. положь словѣньское еванг(е)лиѥ на олтари ст҃го петра ап(осто)ла. с(вѧ)ти же на поповьство бл(а)женаго меѳедиꙗ... и с(вѧ)ти ѿ оученикъ словѣньскъ три попы. а ·в҃· аногноста.

О письменехъ чрьноризца Храбра

(по списку 1348 года)

Прѣжде оубѡ словѣне не имѣхѫ книгъ. нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще. кръстивше же сѧ. рим'сками и гръчьскыми писмены. нѫждаахѫ сѧ словѣнскы рѣчь безь оустроениа. нѫ како можеть сѧ писати добрѣ гръчьскыми писмены. б҃ъ. или живѡтъ. или ѕѣлѡ. или ц҃рковь. или чаание, или ширѡта. или ꙗдь. или ѫдоу. или юность. или ѫзыкъ. или инаа подобнаа симь. и тако бѣшѫ многа лѣта. потом же ч҃лколюбецъ б҃ъ строжи вьсѣ. и не ѡставлѣѫ ч҃лча рода безь разоума. нѫ в'сѧ къ разоумоу приводѧ и сп҃сению. помиловавь родъ ч҃лчь. посла имь ст҃го кѡстантина философа нарицаемаго кирила. мѫжа праведна и истинна. и сътвори имъ. ·л҃· писмена и осмъ. ова ѹбѡ по чиноу гръчьскыхь писменъ. ѡва же по словѣн'стѣи рѣчи. ѿ пръваго же наченъ по гръчьскоу. ѡни оубо алфа. а съ азь. ѿ аза начѧть ѡбое... се же сѫть писмена словѣньскаа. сице а подобаеть писати и г҃лати. а҃ б҃ в҃ г҃.
(по другому списку: [ѿ сих сѫть к҃ д҃ подобна гречьскымь писменемь. сѫт же си а҃, в҃, г҃, д҃, е҃, з҃, и҃, і҃, к҃, л҃, м҃, н҃, о҃, п҃, р҃, с҃, т҃, оу҃, ф҃, х҃, ѿ҃ и п҃ѣ. хл҃ъ. т҃ъ. а г҃ и҃: по словенскѹ ѧзыкѹ си б҃, ж҃, ѕ҃, л҃, ц҃, ч҃, ш҃, ъ҃, шь҃, мь҃, ъ҃, ѣ҃, ѭ҃, ю҃, ѧ҃])... а словѣн'скыѫ книгы. ѥдинъ с҃тыи кѡстантинъ нарицаемый кирилъ. и писмена створи и книгы прѣложи. въ малѣхъ. лѣтѣхъ. а ѡни (греки) мнози многы лѣты. з҃, ихь писмена оустро(и). а о҃· прѣложение. тем же словѣн'скаа писмена ст҃ѣиши сѫ(т). и чьстнѣиша. с҃ть бѡ мѫжъ створилъ ꙗ ѥстъ. а гръчьскаа еллини погани. Аще ли кто речеть ꙗко нѣстъ оустроилъ добрѣ. понеже сѧ постраꙗѫть и еще ѿвѣтъ речемь симь. и гръчьскы такожде. мнагажди сѫть постраꙗли. акилла и симмахь. и потом ини мнози. оудобѣе бо есть послѣжде потворити

неже пръвое створити. Аще бо въпросиши книгъчиѧ гръчьскыѧ г҃лѧ. кто вы есть писмена створилъ. или книгы прѣложилъ. или вь кое врѣмѧ, то рѣд'ции ѿ нихь вѣдѧть. Аще ли въпросиши словѣн'скыѧ боукарѧ г҃лѧ. кто вы писмена створилъ есть. или книгы прѣложилъ, то вьси вѣдѧть. и ѿтвѣщавше рекѫть. с(вѧ)тыи костантинъ философ нарицаемыи кирилъ. тъ намь писмена створи и книгы прѣложи. и меѳодие братъ его. (в другом списке: сѫт бо еще живи, иже сѫть видѣли их) и аще въпросиши въ кое врѣмѧ. то вѣдѧть и рекѫть. ꙗко въ врѣмена михаила ц(ѣса)рѣ гръчьскаго. и бориса кнѧза блъгар'скаго. и растица кнѧза мор'ска. и коцелѣ кнѧза блатен'ска. въ лѣта же ѿ създания въсего мира ѕ҃т҃ѯ҃г (6363 – 5500 = 863).

Из Повести временных лет
(по Лаврентьевскому списку 1377 г.)

Въ лѣто 6406... Симъ бо первое преложены книги моравѣ, ꙗже прозвася грамота словѣньскаꙗ, ꙗже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: Земля наша крещена, и нѣсть у нас учителя, иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги. Не разумѣемъ бо, ни гречьску языку, ни латыньску, они бо ны онако учать, а они бо и онако. Тем же не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ их. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь. И рѣша философи: Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ. Суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра в҃ сына у него философа. Се слышавъ царь. посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: Посли к намъ вскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина. Се слышавъ Левъ, вскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: Се прислалася ко мне Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святые книги, сего бо желают. И умолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови. Сима же пришодъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. И ради быша словѣни, ꙗко слышиша величья божья своимь языкомь.

СЛОВАРЬ

А

а — а, но

абиѥ, абьѥ — тотчас, сейчас

ꙗвити сѧ, ꙗвлѭ сѧ — явиться

агньць, -а — ягненок

агнѧ, -ѧте — ягненок

азъ — я

али — но, однако

алъдии, -ѩ — лодка

алъканиѥ, алъканьѥ, -ꙗ — голодание

алъкати, алъчѫ — голодать, ощущать голод, поститься

аминь, аминъ — истинно

анагностъ, -а — чтец

ангелъ, -а — ангел, посланник

анѳупатъ, -а — наместник

апостоликъ, -а — папа

апостолъ, а — апостол, ученик Иисуса Христа

Ареи, -ꙗ — Арей (бог войны)

архиереи, аръхиереи, -ꙗ — архиерей, первосвященник

архитриклинъ, -а — распорядитель пира

асклипии, -ꙗ — Эскулап (бог врачевания)

аште — если, ли

ашоуть — напрасно

Б

багрѧница, -ѧ — царская пурпурная одежда

балии, -ѩ — врач

безакониѥ, безаконьѥ, -ꙗ — беззаконие

без-д-разоума — без разума

безоумл҄ь — безумный

бесплътьнъ — бесплотный

бесѣда, -ы — разговор, говор, речь

бесѣдовати, бесѣдоуѭ — разговаривать, беседовать

бештинница, -ѧ — бесчинный, беспорядочный, распутный человек

бештисльнъ (из бесчисльнъ) — бесчисленный

бисьръ, -а — бисер, жемчуг

бити, биѭ — бить, ударять

благо, -а — благо, добро, имущество

благовѣстити, благовѣштѫ — сообщать добрую весть

благодѣть, -и — благодать

благъ, -ыи — хороший, добрый

блюсти, блюдѫ — наблюдать, присматривать

блѫдити, блѫждѫ — блуждать, развратничать

блѫдьно — распутно

блѫдьнъ — непристойный, распутный, развратный

бо — ибо, потому что, ведь

бол҄ьи, бол҄еи — больший

бости, бодѫ — бодать, колоть

боꙗти сѧ, боѭ сѧ — бояться

бракъ, -а — свадьба, свадебный пир

бранити, бранѭ — защищать

братриꙗ, -ѩ — братия

братръ, -а — брат

брашьно, -а — пища

брьвьно, -а — бревно

брьниѥ, брениѥ, -ꙗ — грязь

брѣмѧ, -мене — бремя, груз, ноша

брѣшти, брѣгѫ — беречь, заботиться

боуи — глупый, безумный

боукарь, -ꙗ — книжник
боукъı, -ъве — буква, написанное, письмо
боукъсть, -и — глупость, безумие
бъдръ, -ъıи — бодрый
бъдѣти, бъждѫ — бодрствовать
бьрати, берѫ — брать, собирать
бѣда, -ъı — необходимость, нужда
бѣжати, бѣжѫ — бежать
бѣсьнъ, -ъıи — бесноватый

в

варити, варѭ — обогнать, ждать
варꙗти, варꙗѭ — обгонять, опережать, предварять
величьство, -а — величие
вельи, велии — большой
вельбѫдъ, -а — верблюд
вельми — очень, много
вести, ведѫ — вести
вечеръ, -а — вечер
вечерꙗ, -ѩ — пир, вечерняя трапеза
видѣти, виждѫ — видеть
вина, -ъı — причина
витати, витаѭ — жить, обитать
власвимисати, власвимисаѭ — проклинать, богохульствовать
власть, -и — власть; начальство; область
власъ, -а — волос
влъна, -ъı — волна
влъхвъ, -а — волхв, предсказатель; волшебник
влѣшти, влѣкѫ — влечь, тащить
водоносъ, -а — сосуд для ношения воды
вонꙗ, -ѩ — запах, аромат
вратарь, -ꙗ — привратник
вратити сѧ, враштѫ сѧ — возвращаться
врьхоу — наверху
врьхъ, -оу — верх
врѣмѧ, -мене — время
врѣшти, врьгѫ — бросить
въврѣшти, въврьгѫ — ввергать, бросить
въдовица, -ѧ — вдова
въжделѣти (от възжелѣти), въжделѣѭ — пожелать, иметь желание
въжешти, въжегѫ — зажечь
въжиѕати, въжиѕаѭ — зажигать
въ заимъ — взаймы
възалъкати, възалъкаѭ — почувствовать голод
възбоудити, възбоуждѫ — возбудить, разбудить
възвратити сѧ, възвраштѫ сѧ — возвратиться
възвраштати сѧ, възвраштаѭ сѧ — возвращаться
възвѣстити, възвѣштѫ — возвестить, оповестить
възвѣꙗти сѧ, възвѣѭ сѧ — подуть, повеять
възгласити, възглашѫ — издать сильный возглас, звать кого-либо, выкрикивать
възгрьмѣти, възгрьмлѭ — загреметь
въздати, въздамь — воздать
въздаꙗти, въздаѭ — воздавать
въздвигнѫти, въздвигнѫ — воздвигнуть, поднять
въздрадовати сѧ, вздрадоуѭ сѧ — возрадоваться
въздрасти, въздрастѫ — вырасти
въздрастъ, -а — возраст
въздрѣмати (сѧ), въздрѣмлѭ (сѧ) — задремать, заснуть
въздрьжати, въздрьжѫ — воздержаться
въздъхнѫти, въздъхнѫ — вздохнуть
възимати, възьмати, въземлѭ — брать
възити, възидѫ — взойти
възлешти, възлѧгѫ — прилечь, возлечь
възливати, възливаѭ — поливать

въложити, въложѫ — положить, поставить; нанести
възлюбити, възлюблѭ — возлюбить
възмошти, възмогѫ — смочь, суметь
възмѧсти, възмѧтѫ — смутить, возмутить; смешать
възвати, възовѫ — воззвать, позвать
възъпити, възпиѭ — закричать, воскликнуть
възьрѣти, възьрѭ — поглядеть на кого-либо, взглянуть
възѧти, възьмѫ — взять
въкоупъ, въкоупѣ — вместе
въкоусити, въкоушѫ — вкусить, попробовать
влагати, влагаѭ — вкладывать, ставить, помещать
вълаꙗти сѧ, вълаѭ сѧ — раскачиваться, биться, ударяться (о волны)
вълѣсти, вълѣзѫ — влезть
въмести, въметѫ — бросить, закинуть
въметати, въметаѭ — бросать, закидывать
вънезаапъ — внезапно
вънимати, вънемлѭ — внимать
вънити, вънидѫ — войти
вънооушити, вънооушѫ — услышать
вънъ, вънѣ — снаружи
вънѧти, вънемлѫ — понять, внять, услышать
вънѫтрь — внутрь, внутри
вънѫтрьнь — внутренний
въобразити, въображѫ — образовать, уподобить
въпасти, въпадѫ — впасть, попасть
въпити, въпиѭ —вопить, кричать
въплакати, въплачѫ — заплакать
въпль, -ꙗ — вопль, крик
въпрашати, въпрашаѭ — спрашивать
въпросити, въпрошѫ — спросить
въсадити, въсаждѫ — посадить
въскрилиѥ, -ꙗ — край одежды
въскрьснѫти, въскрьснѫ — воскреснуть
въскрѣсити, въскрѣшѫ — воскресить
въскрѣшати, вскрѣшаѭ — воскрешать
въскѫѭ — зачем, для чего
въслѣдьствовати, въслѣдьствоуѭ — следовать
въспрѧнѫти, въспрѧнѫ — воспрянуть, подняться
въспѧть — назад, обратно
въставити, въставлѭ — поставить, поднять
въстати, въстанѫ — встать, выпрямиться
въстирати, въстираѭ — растирать
въстокъ, -а — восток
въстръгати, въстръгаѭ — вырывать, выдергивать
въсхотѣти, въсхоштѫ — захотеть
въсхытити, въсхыштѭ — похитить
въсхыштати, въсхыштаѭ — похищать, хватать
въторицеѭ — второй раз
въцѣсарити сѧ, въцѣсарѭ сѧ — воцариться
въчѧти, въчьнѫ — начать
выꙗ, -ѩ — шея
вьсь, -и *(жен. р.)* — селение, деревня
вьсь, вьсꙗ, вьсе — весь, вся, все
вѣдѣти, вѣмь — ведать, знать
вѣкъ, -а — век
вѣньць, -а — венец
вѣрьнъ, -ыи — верный
вѣсть, -и — весть, известие
вѣтръ, -а — ветер
вѧште — больше
вѧштии — больший

Г

галилеꙗ, галилѣа, -ѩ — Галилея
гатати, гатаѭ — гадать

геона, -ы — геенна, ад
глава, -ы — голова
глаголати, глаголѭ — говорить
глаголъ, -а — слово
гладъ, а — голод
глѫбина, -ы — глубина
гнести, гнетѫ — угнетать, давить
гобьзити, гобьжѫ — уродиться, изобиловать
година, -ы — час
год, -а — час, определенное время
голгоѳа, -ы — Голгофа
голѫбь, -и — голубь
горьши — хуже
горѣ — вверху
господинъ, -а — господин, хозяин
господь, -и, -а — хозяин, господин; господь
гостиньникъ, -а — хозяин постоялого двора
гостиньница, -ѧ — постоялый двор
готовати, готоваѭ — приготовлять, готовить
грѣхъ, -а — грех
грѧсти, грѧдѫ — идти
гънати, женѫ — гнать
гыбати, гыблѭ — гибнуть

Д

да — чтобы, с целью; пусть
даꙗти (даати), даѭ — давать
дати, дамь — дать
двигнѫти, двигнѫ — двинуть
двьрь, -и — дверь
девѧть — девять
деснъ, -ыи — правый; **одеснѫѭ** — справа
десѧть — десять
дивити сѧ, дивлѭ сѧ — удивляться
дии, -ꙗ — Зевс
длъгъ, -а — долг
длъжьникъ, -а — должник
добль, -ии — доблестный, сильный, храбрый
добрѣ — хорошо
доити, доѭ — доить, кормить молоком
доити, доидѫ — достигнуть, дойти (до)
доколи, доколѣ — до каких пор
доконьчати, доконьчѫ — закончить
доиелѣже — до тех пор, пока
доидеже — пока не, до тех пор, пока
досадити, досаждѫ — поступать нагло с кем-то, наносить обиду
дроугъ, -а — друг
дроугъ, -ыи *(прилаг.)* — другой
дръжати, дръжѫ — владеть, держать
дръзати, дръзаѭ — дерзать, не падать духом
дрѣво, -весе — дерево
дъждь, -ꙗ — дождь
дъска, -ы — доска
дъшти, дъштере — дочь
дьнь, дьне — день
дьньсь, дьнесь — сегодня
дьрати, дерѫ — драть, рвать
дѣлатель, -ꙗ — работник
дѣлати, дѣлаѭ — работать
дѣльма — ради, из-за, по причине
дѣти, дѣждѫ — деть, ставить, класть
дѣтишть, -а — ребенок
дѣтьскъ, -ыи — детский
дѣꙗти, дѣѭ — делать, действовать

Є

епистолиꙗ, -ѩ — послание, письмо
еракль, -ꙗ — Геракл
етеръ, -а, -о — некий, некто

Ж

желати, желѣти, желаѭ — желать
жена, -ы — женщина
женихъ, -а — жених, молодожен
женьскъ, -ыи — женский
жешти, жегѫ — жечь
животъ, -а — жизнь
жила, -ы — жила, плеть
жилиште, -ꙗ — жилище
житеꙗ, -ꙗ — житель
жити, живѫ — жить
жрьдь, -и — жердь, шест
жрьтва, -ы — жертва
жрѣбии, -ꙗ — жребий
жрѣбьць, -а — жеребенок
жрѣбѧ, жрѣбѧте — жеребенок
жрьти, жьрѫ — приносить жертву, жертвовать
жьдати, жьдѫ — ждать, ожидать
жьзлъ, -а — жезл, посох, прут
жѧдати, жѧждѫ — испытывать жажду
жѧтва, -ы — жатва
жѧтелѣнинъ, -а — жнец
жѧти, жьнѫ — жать
жѧти, жьмѫ — сжимать

З

зади — сзади
задѣти, задеждѫ, задѣѭ — заставить, принудить; возложить
зажешти, зажегѫ — зажечь
заити, заидѫ — зайти
заклати, заколѭ — заколоть
законъ, -а — закон, установление
законьникъ, -а — сведущий в законах; священник
занѥ — потому что, так как
звѫкъ, -а — звук
зльчь, -и — желчь, горькое питье
змии, -ꙗ — змей
знамение, -ꙗ — знамение, знак
зрьно, -а — зерно
зъвати, зовѫ — звать
зъло, -а — зло
зълѣ — плохо, дурно
зьдати, зиждѫ — сооружать, строить дом
зьрѣти, зьрѭ — смотреть, видеть
зѣло (ѕѣло) — очень, весьма
зѫбъ, -а — зуб

И

иде, идеже — где, когда
иереи, -ꙗ — священник
иждити (от изжити), иждивѫ — прожить, истратить, издержать
иже (ижь), ꙗже, ѥже — который, -ая, -ое
избавити, избавлѭ — избавить, освободить
избавлꙗти, избавлꙗѭ — избавлять
избити, избиѭ — избить, убить
избъівати, избъіваѭ — иметь в изобилии
избъіти, избѫдѫ — спастись, освободиться
избытъкъ, -а — избыток, излишек
избьрати, изберѫ — избрать, выбрать
извлѣшти, извлѣкѫ — извлечь
изводити, извождѫ — выводить
извѣдѣти, -вѣмь — знать, узнавать
изгънати, изженѫ — изгнать
изгыбнѫти, изгыбнѫ — погибнуть
издалече — издалека
издаꙗти, издаѭ — отдавать, истратить
издъхнѫти, издъхнѫ — умереть
издыхати, издыхаѭ — умирать
изити, изидѫ — выйти
излѣсти, излѣзѫ — вылезть, выйти
именовати сѧ, именоуѭ сѧ — называться, выражаться
изнемощи, изнемогѫ — изнемочь

изнести, изнесѫ — вынести
изѣсти, изѣмь — съесть, проесть
изѧти, изьмѫ — вынуть
имати, имлѭ — взять, хватать
имѣти, имамь — иметь
имѧ, имене — имя
инако — иначе
иночѧдъ, -а — единственный, единородный
инъ — иной
инъгда — иногда
ирод, -а — Ирод
искати, иштѫ — искать
искрьнии — близкий, ближний
искоусити, искоушѫ — испытать, искусить
искоушати, искоушаѭ — искушать
испочити, испочиѭ — отдохнуть
исправити, исправлѭ — выполнить; исправить
испытати, испытаѭ — испытать
истешти, истекѫ — вытечь
истръгнѫти, истръгнѫ — вырвать, выдернуть
исходити, исхождѫ — выходить
исцѣлити, исцѣлѭ — исцелить, вылечить, оздоровить
исцѣлѣти, исцѣлѣѭ — выздороветь
исъхнѫти, исъхнѫ — высохнуть, иссохнуть
исѣщи, исѣкѫ — высечь
исѧкнѫти, исѧкнѫ — иссякнуть, высохнуть
ити, идѫ — идти
иштезнѫти (из изчезнѫти), иштезѫ — исчезнуть, стать невидимым
иштистити (из изчистити), иштиштѫ — очистить, вычистить
иштѧдие (из изчѧдие), -ꙗ — порождение (исчадие)

К

казати, кажѫ — показывать
како — как
камение, -ꙗ — камни; каменистая почва
камо — куда
камы (камыкъ), камене — камень
капати, каплѭ — капать
каꙗти сѧ, каѭ сѧ — каяться
кесарь, -ꙗ — кесарь, римский император
кинъсъ, киньсъ, -а — пóдать
кладѧѕь, -ꙗ — колодец, источник
клати, колѭ — колоть
клепати, клеплѭ — указывать
кликнѫти, кликнѫ — кликнуть, позвать
клицати, кличѫ — восклицать, кричать
клѧти, кльнѫ — клясть, проклинать
козьлъ, -а — козел
козьлѧ, -ѧте — козленок
кокотъ, -а — петух
коли — когда
колико, коликоу — сколько
коло, -есе — круг, колесо
коль — сколько
кольми — во сколько раз более
кольми паче — тем более
коньць, -а — конец
корабль, корабь, -ꙗ — лодка
корабьчии, -ѩ — моряк
краи, -ꙗ — край
краниево мѣсто — лобное место
красьнаа — плоды, урожай
красти, крадѫ — красть, воровать
кратъ, -а — раз
кратъкъ, -ыи — короткий
кротъкъ, -ыи — кроткий
кръвь, -е — кровь
кръмьчии, -ѩ — кормчий, рулевой
кръха, -ы — крошка
крыти, крыѭ — покрывать
крьстианинъ, -а — христианин
крьститель, -ꙗ — креститель
крьстити, крьштѫ — крестить
крьстъ, -а — крест

крьштеник, крьстенье, -ꙗ — крещение
крѣпъкъ, -ыи — сильный, здоровый
коупити, коуплѭ — купить
коуплꙗ, -ѩ — торговля, покупки
коуповати, коупоуѭ — покупать
коупьно — вместо
коуръ, -а — петух
къгда — когда
къде — где
къжьдо — каждый
къзнь, -и — хитрость, вымысел
къмотра, -ы — крестная мать, кума
кънигꙑ, -ъ — буква; книга, писание
кънигъчии, -ѩ — книжник
къназь, -ꙗ — князь
кꙑпѣти, кꙑплѭ — кипеть
кѫдоу — куда
кѫпѣль, -и — купель, источник

Л

ладии, -ѩ — ладья, лодка, корабль
лакати, лачѫ — ощущать голод, голодать
лакомъ, -ꙑй — лакомый
лакъть, -е — локоть
левъг'ить, левъћить, -а — церковный служитель
легъко — легко
лежати, лежѫ — лежать
лешти, лѧгѫ — лечь
ли — или, ли
ликовати, ликоуѭ — ликовать, радоваться
ликꙑ — ликования
литра, -ы — римская единица веса
лишити сѧ, лишѫ сѧ — нуждаться в чем-либо, терпеть недостаток
лобъзати, лобъжѫ — целовать
ловьць, -а — ловец (охотник, рыболов)
лъгати, лъжѫ — лгать
лъжа, -ѧ — ложь
льгъкъ — легкий
льнъ, -а — лён
лѣто, -а — год
любо— или
любодѣи, -ꙗ — развратник
любодѣица, -ѧ — блудница, распутная женщина
любодѣанье, -ꙗ — прелюбодеяние
любꙑ, -ъве — любовь
людьскъ, -ыи — народный
лютъ, -ыи — суровый, страшный
лѫкавъ, -ыи — лукавый, злой

М

мазати, мажѫ — мазать
маловѣръ, -а — маловерный
малъ, -ыи — маленький, небольшой, немногий
межда, -ѧ — межа
метати, мештѫ и метаѭ — метать, бросать
милосрьдовати, милосрьдоуѭ — милосердствовать
милосрьдъ, -ыи, милосрьдьнъ, -ыи — милосердный
мимогрѧсти, мимогрѧдѫ — проходить
мимоити, мимоидѫ — отойти, пройти, удалиться
минѫти, минѫ — пройти
младеништь, -ꙗ — младенец, ребенок
млъвити, млъвлѭ — шуметь
млънии, -ѩ — молния
млъчати, млъчѫ — молчать
млѣти, мелѭ — молоть
мозданъ — мозговой
молити, молѭ — молить, просить
море, -ꙗ — озеро
мочити, мочѫ — мочить
мошти, могѫ — мочь

мошть, -и — сила, мощь, могущество
мрькнѫти, мрькнѫ — смеркаться, темнеть
мрьтвьць, -а — мертвец
мрѣжа, -ѧ — сеть
мрѣти, мьрѫ — умереть
мъножаи *(сравн. ст.)* — больший, более многочисленый
мыслити, мышлѭ — думать, мыслить
мытарь, -ꙗ — сборщик податей
мыто, -а — пошлина, плата, подать
мытьница, -ѧ — таможня, место для сбора податей
мьгла, -ы — мгла
мъзда, -ы — мзда, плата, подать
мьздоимьць, -а — сборщик налогов, податей
мьнии — меньший, младший
мьнѣти, мьнѭ — думать, полагать
мѣсѧць, -а — месяц
мѧкъкъ, -ыи — мягкий
мѧсти, мѧтѫ — смущать
мѫдръ, -ыи — мудрый
мѫжь, -а — мужчина, муж
мѫка, -ы — мука
мѫчити, мѫчѫ — мучить
мѵро, -а — миро, благовонное масло

Н

навыкнѫти, навыкнѫ — научиться
надъменъ — надменный, надутый
надѫти, надъмѫ — надуть
надѣꙗти сѧ, надѣѭ сѧ — надеяться
назирати, назираѭ — наблюдать
наимьникъ, -а — наемный работник
наивѧште — больше всего
наипаче — больше всего, тем более
напаꙗти, напаѭ — напоить
напасти, нападѫ — напасть, упасть
напитати, напитаѭ — накормить
напити сѧ, напиѭ сѧ — напиться
наплънити, наплънѭ — наполнить
напьсати, напишѭ — написать
нарешти, нарекѫ — назвать
нарицати, нарицаѭ — называть
насадити, насаждѫ — насадить. посадить
насытити, насыштѫ — насытить
наоучити, наоучѫ — научить
находити, нахождѫ — находить
наоутриа — утром
начинати, начинаѭ — начинать
начрьтати, начрьтаѭ — начертить, нарисовать
начѧло, -а — начало
начѧти, начьнѫ — начать
начѧтъкъ, -а — начало
небесьскъ, -ыи — небесный
небо, небесе — небо
небрѣшти, небрѣгѫ — пренебрегать, относиться небрежно
негодовати, негодоуѭ — негодовать
недостати, недостанѫ — недоставать, испытывать недостаток в чем-либо
недѫгъ, -а — недуг, болезнь
недѫжьнъ, -ыи — больной, недомогающий
неиздреченъ (от не-из-реченъ) — невысказанный, невыраженный
немошть, -и — слабость, бессилие
неразоумливъ, -ыи — неразумный
не оу — еще не
неоудобь — неудобно
нечистота, -ы — невоздержанность, неумеренность
нечьстивъ, -ыи — нечестивый, бесчестный
неꙗсыть, -и — птица
ни — нет

низъкъ, -ꙑи — низкий
низъходити, низъхождѫ — спускаться, нисходить
никаможе — никуда
николиже — никогда
никъдеже — нигде
ништета, -ꙑ — нищета, бедность
ништь, -ии — нищий
носити, ношѫ — носить
нощь, -и — ночь
нъ — но, а
нъıрище, -а — развалины
нѣколи — когда-нибудь, когда-либо
нѣкъде — где-то, где-нибудь
нѣкъто — некто
нѣкꙑи — некий
нѫдити, (ноудити), нѫждѫ — принуждать
нѫжда, -ѧ — нужда
нѫждати сѧ, нѫждаѭ сѧ — нуждаться

О

обаче — однако, впрочем
обидьливъ, -ꙑи — обидчик
обидѣти, обиждѫ — обидеть
обиновати сѧ, обиноуѭ сѧ — колебаться, недоумевать
обитати, обитаѭ — обитать, пребывать, жить
обити, обидѫ — обходить кругом
обладати, обладаѭ — обладать
облачати, облачаѭ — одевать
облобꙑзати, облобꙑзаѭ — целовать
обльстити, обльштѫ — обольстить
облѣшти, облѣкѫ — одевать, надевать
обратити сѧ, обраштѫ сѧ — обернуться, повернуться
обрѣсти, обрѧштѫ — найти
обрѣтати, обрѣтаѭ — находить
обтешти, обтекѫ — обежать
обоути, обоуѭ — обуть
обьшть, -ии — общий
обьштьникъ, -а — сообщник, соучастник
обѣтъ, -а — обет, молитва
обѧзати, обѧжѫ — обвязать, перевязать
овамо — здесь, тут
овогда — иногда, однажды
овьца, -ѧ — овца
овьчь, -ии — овечий
овъ, ова, ово — этот, -а, -о
огласити, оглашѫ — огласить
оглашати, оглашаѭ — оглашать
огнь, -ꙗ — огонь; жар в болезни, горячка
огобьзити сѧ — дать хороший урожай, уродиться, плодоносить
одолѣти, одолѣѭ — победить
одръ, -а — ложе, постель
одрьжати, одрьжѫ — одержать
одѣание, одѣанье, -ꙗ — одеяние, одежда
одѣти, одеждѫ — одеть
ожити, оживѫ —ожить
оклеветати, оклевештѫ — оклеветать
око, очесе — глаз
окрьстъ — вокруг
олѣи, -ꙗ — масло, елей
онамо — там
онъ, она, оно — тот, -а, -о
онѫдоу — туда
опакꙑ — назад, наоборот
опона, -ꙑ — завеса, покрывало (ср. *попона*)
опрѣти сѧ, опьрѫ сѧ — опереться, толкать
орати, орѭ — пахать
освѣтити, освѣштѫ — осветить
освѧтити, освѧштѫ — освятить
оскврьнити, оскврьнѭ —осквернить
оскѫдѣти, оскѫдѣѭ — оскудеть
осльпнѫти, осльпнѫ — ослепнуть
оставити, оставлѭ — оставить
остати, останѫ — остаться

осьлъ, -а — осел
осьлѧ, -ѧте — осленок
осѧѕати, осѧѕаѭ — прикоснуться, ощупать
осѫдити, осѫждѫ — осудить
отимати, отимаѭ — отнимать
отирати, отираѭ — вытирать, обтирать
отити, отидѫ — отойти
отокъ, -а — остров
отрицати сѧ, отрицаѭ сѧ — отказаться
отроковица, -ѧ — девочка
отрокъ, -а — мальчик, подросток, слуга
отрочѧ, -ѧте — дитя, ребенок
отъвратити, отъвраштѫ — отвратить, отвернуть
отъврѣсти, отъврьзѫ — открыть, отворить
отъврьзати. отъврьзаѭ — открывать, отворять
отъврѣшти сѧ, отъврьгѫ сѧ — отвергнуться, отречься
отъвѣштати, отъвѣштаѭ — отвечать
отъдати, отъдамь — отдать
отънмати, отъѥмлѭ — отнять (что-либо у кого-либо)
отъкрыти, отъкрыѭ — открыть
отъкѫдоу — откуда
отъметати, отъмештѫ — отбросить, избавить
отън҄ели, отън҄елиже — с тех пор как, когда
отъпоустити, отъпоуштѫ — отпустить, отвязать
отъпоуштениѥ, -ꙗ — отпущение, прощение
отърешти сѧ, отърекѫ сѧ — отречься, отказаться
отъринѫти, отъринѫ — отбросить, отвергнуть
отърочьнъ, -ыи — отказавшийся
отътѫдоу — оттуда
отьць, -а (*зв. ф.* отьче) — отец
отьчь, -ии — отеческий

оцьтъ, -а — уксус
очистити, очиштѫ — очистить

П

пакы — опять
памѧть, -и — память
пасти, падѫ — упасть
пасти, пасѫ — пасти
паче — больше, кроме
пешти, пекѫ — печь
пешти сѧ, пекѫ сѧ — заботиться, печалиться
писидонъ, -а — Посейдон (бог морей)
пиръ, -а — пир, угощение
пискати, пиштѫ — играть на свирели, на флейте
писмѧ, -мене — буква
пити, пиѭ — пить
питомы — откормленный
пишта, -ѧ — еда, пища
плакати сѧ, плачѫ сѧ — плакать
пламы, -мене — пламень
плиновениѥ, -ꙗ — плевок, слюна
плинѫти, плинѫ — плюнуть
плоути, пловѫ — плыть
плънъ, -ыи — полный
плъть, -и — плоть
пльвати, плюѭ — плевать
плѣвелъ, -а — сорная трава
плѧсати, плѧсаѭ и плѧшѫ — плясать
повинѫти сѧ, повинѫ сѧ — повиноваться
поврѣшти, поврьгѫ — бросить
повѣдати, повѣдаѭ — сообщать, рассказывать
повѣдѣти, повѣмь — сообщить, рассказать
поганъ, -а — язычник
поганьскъ, -ыи — языческий
поганьство, -а — язычество
погрети, погребѫ — погрести, похоронить, зарыть
погрѣбати, погрѣбаѭ — погребать

погрѧзнѫти, погрѧзнѫ — потонуть, погрязнуть
погоубити, погоублѭ — погубить
погыбѣль, -и — погибель
подати, подамь — подать
подвигнѫти, подвигнѫ — подвинуть, раздвинуть; побудить
подвизати сѧ, подвизаѭ сѧ — подвизаться, бороться; побуждать
подоба, -ы — подобие
подобити сѧ, подоблѭ сѧ — уподобиться
подобьнъ, -ый — подобный, достойный
подъклонити, подъклонѭ — дать приют
пожрѣти, пожьрѫ — совершать жертвоприношение
поздѣ — позже
позобати, позобаѭ — склевать, съесть
позоръ, -а — зрелище
позьрѣти, позьрѭ — посмотреть, взглянуть
поимати, поемлѭ — брать
поимати женѫ — жениться
поискати, поиштѫ — поискать
поити, поѭ — поить
показати, показаѭ — показывать
покоити, покоѭ — успокаивать
покывати, покываѭ — кивать, качать
полагати, полагаѭ — ставить, предлагать
положити, положѫ — положить
полъ, -оу — половина
поманѫти, поманѫ — поманить, сделать знак
помлъчати, помлъчѫ — замолчать
помошти, помогѫ — помочь
помѣтати, помѣтаѭ — бросать, кидать
поне — потому что; хотя
понеже — так как; с тех пор как
поносити, поношѫ — укорять, упрекать
попалити, попалѭ — опалить
попелъ, -а — пепел
попешти, попекѫ — заботиться
попьрати, поперѫ — попрать, затоптать
попьриште, -а — мера расстояния, верста
поразити, поражѫ — поразить
порешти, порекѫ — упрекнуть, оскорбить
поривати, пориваѭ — подталкивать, гнать
порѫгати, порѫгаѭ сѧ — издеваться, насмехаться
послоушати, послоушаѭ — слушать, выслушивать
послѣдь — после
послѣжде — после, потом
посрамити, посрамлѭ — посрамить, опозорить
посълати. посълѭ — послать
посѣшти, посѣкѫ — отсечь
потрѧсти, потрѧсѫ — потрясти, растрясти
почисти, почьтѫ — почтить
почитати, почитаѭ — почитать
почити, почиѭ — успокоиться, умереть
почоути, почоуѭ — почувствовать
почрѣти, почрьпѫ — почерпнуть
поѩти, поимѫ — взять
право — правильно
правьдьнъ, -ын — праведный, правдивый
правьда, -ы — правда
праздьнъ, -ыи — праздный, пустой
преторъ, -а —дом римского наместника
привлѣшти, привлѣкѫ — привлечь
привѧзати, привѧжѫ — привязать
пригвоздити, пригвождѫ — пригвоздить

прииждити, прииждивѫ — перерасходовать
примати, приимѭ — принимать
приключаи, -ꙗ — случай; по приключаю — случайно
прикоснѫти сѧ, прикоснѫ сѧ — прикоснуться, дотронуться
прилежати, прилежѫ — заботиться, стараться
прилешти, прилѧгѫ — прилечь
приложити сѧ, прилоучѫ сѧ — случиться
прилѣпити сѧ, прилѣплѭ сѧ — прилепиться, пристать
принести, принесѫ — принести
приникнѫти, приникнѫ — приникнуть
приобрѣсти, приобрѧштѫ — приобрести
присвѧнѫти, присвѧнѫ — увянуть
прискрьбьнъ, -ыи — прискорбный
пристѫпити, пристѫплѭ — приступить, подойти
присѣдѣти, присѣждѫ — присесть, сесть около кого-нибудь
присѧга, -ы — присяга, клятва
прити, придѫ — прийти
притъча, -ѧ — короткий рассказ с нравоучительным содержанием, иносказание
причьсти сѧ, причьтѫ сѧ — причислиться, присоединиться
причѧстьѥ, -ꙗ — соучастие, смешение; причастие
приѩти, приимѫ — принять, взять
пробости, прободѫ — проколоть, пронзить
прогънати, проженѫ — прогнать
прозѧбати, прозѧбаѭ — прорастать, давать ростки
прозѧбнѫти, прозѧбнѫ — прорасти, взойти
проклѧти, проклънѫ — проклясть
пропѧти, пропьнѫ — распять
прорешти, прорекѫ — предсказать
прорицати, прорицаѭ — пророчествовать, предсказывать
просити, прошѫ — просить
прострѣти, простьрѫ — простереть, протянуть
противьнъıи — вражеский, неприятельский
противѫ — против
протѧгнѫти, протѧгнѫ — протянуть
прьвъ, -ыи — первый
прьвѣе — раньше
прьси, -ии — грудь, перси
прьстъ, -а — перст, палец
прѣдати, прѣдамь — предать
прѣди — впереди
прѣдѣлъ, -а — граница, предел
прѣложение, -ꙗ — перевод
прѣложити, прѣложѫ — переложить, перевести
прѣльстити, прѣльштѫ — прельстить
прѣлюбы сътворити — прелюбодействовать
прѣрѣкати, прѣрѣкаѭ — упрекать, противоречить, возражать
прѣстати, прѣстанѫ — перестать, прекратить
прѣстѫпити, прѣстѫплѭ — нарушать
прѣтешти, прѣтекѫ — перейти
прѣтити, прѣштѫ — запрещать, препятствовать
поустъ, -ыи — пустой
пьрати, перѫ — давить, мять
пьрѣти сѧ, пьрѭ сѧ — спорить, состязаться
пьсати, пишѫ — писать
пьсъ, -а — пес, собака
пѣнѧѕь, -ꙗ — римская монета
пѣсъкъ, -а — песок
пѣти, поѭ — петь
пѧть — пять
пѫто, -а — путы, оковы
пѫть, -и — путь, дорога
пѫчина, -ы — бездна, морская глубина

Р

работати, работаѭ — служить в качестве раба

рабъ, -а — раб, слуга

рабꙑни, -ѩ — рабыня, служанка

равьнъ, -ꙑи — ровный, одинаковый

ради — ради, для

раждешти (из разжешти), раждегѫ — разжечь, накалить

разботѣти, разботѣѭ — сделаться тучным

разврьзати, разврьзаѭ — раскрывать, развертывать

разврѣшти, разврьзѫ — раскрыть, развернуть

развѣ — кроме

раздроѹшение, -ꙗ — разрушение

раздрѣшити, раздрѣшѫ — освободить, развязать

раздѣлити, раздѣлѭ — разделить

различь — различный

разлѫчати, разлѫчаѭ — разлучать

размꙑслити, размꙑшлѭ — подумать, поразмыслить

разорити, разорѭ — разорить, разрушить

разоѹмѣти, разоѹмѣѭ — понимать

рало, -а — плуг, лемех, соха

рамо, -а — плечо

рана, -ꙑ — рана, болезнь

распѧти, распьнѫ — распять

распѫтие, -ꙗ — дорога, улица

расточити, расточѫ — растратить

растръгнѫти, растръгнѫ — разорвать

растрьзати, растрьзаѭ — растерзать, разорвать

расхꙑтити, расхꙑштѫ — разграбить, ограбить

решти, рекѫ — сказать

риза, -ꙑ — платье, одежда

родити, рождѫ — родить

рождие, -ꙗ — ветви

рожьць, -а — стручок

розга, -ꙑ — ветка

ротити сѧ, роштѫ сѧ — клясться, божиться

рꙑдати, рꙑдаѭ — рыдать, плакать

рѣзати, рѣжѫ — резать, сечь

рѣснота, -ꙑ — истина

рѫгати сѧ, рѫгаѭ сѧ — насмехаться над кем-либо

рѫка, -ꙑ — рука

С

садити, саждѫ — садить

самарѣнинъ (самарꙗнинъ), -а — самарянин, житель Самарии

самарꙗнꙑни, -ѩ — самарянка

самъчии, -ѩ — управитель

свекрꙑ, -ъве — свекровь

свиниꙗ, -ѩ — свинья

свѣтити, свѣштѫ — светить

свѣшта, -ѩ — свеча

свѧтити, свѧштѫ — святить, освятить

свѧтъ, -ꙑи — святой

се — вот

седмь — семь

село, -а — поле, нива

сельнъ, -ꙑи — полевой, сельский

силоѹамль, силоѹмьскъ — силоамский

силоамъ, -а — название источника

сионъ, -а — название горы в Иерусалиме

сице — так

сиць — такой

сиꙗти, сиꙗѭ— сиять

сквозѣ, скозѣ — сквозь, через

скврьна, -ꙑ — нечисть, мерзость

скотъ, -а — домашнее животное

скръбь, -и — скорбь

скрьжьтъ, -а — скрежет

славити, славлѭ — славить

славьнъ, -ꙑи — славный

слово, словесе — слово
слоужити, слоужѫ — служить
слоути, словѫ — слыть
слоухъ, -а — молва, слух
слъньце, -а — солнце
сльза, -ы — слеза
слышати, слышѫ — слушать
сокачии, -ꙗ — повар
сопьць, -а — музыкант, играющий на сопели (рожке)
срамити, срамлѭ — срамить, позорить
срамота, -ы — посрамление, позор
срьдьце, -а — сердце
старѣишина, -ы — старейшина, начальник города
старьць, -а — старик, старейшина
старѣи — старший
стати, станѫ — устоять, остаться на месте
страдати, страждѫ — страдать
страньнъ, -ыи — странник, чужой
страна, -ы — страна, область, земля
строупъ, -а — рана
стрѣшти, стрѣгѫ — стеречь, сторожить
стоуденьць, -а — колодец
стоудъ, -а — стыд
стьгна, -ы — улица, переулок
стыдѣти сѧ, стыждѫ сѧ — стыдиться
соулѣе — лучше
соуровъıи — сырой, свежий
соушило, -а — хворост
събирати, събираѭ — собирать
съблажнꙗти сѧ, съблажнѭ сѧ — соблазняться, возмущаться
съблазнити сѧ, съблажнѭ сѧ — соблазниться; отвратиться
съблюсти, съблюдѫ — сохранить
събыти сѧ, събѫдѫ сѧ — сбыться, исполниться
събьрати, съберѫ — собрать
съвлѣшти, съвлѣкѫ — совлечь, снять, раздеть
съвѣтъ, -а — совет, совещание
съвѣштати, съвѣштаѭ — посоветоваться, сговориться
съвѧзати, съвѧжѫ — связать
съдравъ, -ыи — здоровый
съдѣꙗти, съдѣѭ — сделать
съжешти, съжегѫ — сжечь
съзъвати, съзовѫ — созвать
съзьдати, съзиждѫ — построить
съказати сѧ, съказаѭ сѧ — называться
сълазити, сълажѫ — спускаться
съмотрити, смотрѭ — смотреть
съмрьть, -и — смерть
съмѣшати сѧ, съмѣшаѭ сѧ — смешаться; жениться
съмѧсти сѧ, съмѧтѫ сѧ — смутиться
съмѫштати, съмѫштаѭ — приводить в смятение
сънити, сънидѫ — сойти, опуститься
сънъ, -а — сон
сънꙗмиште, -а — место собрания
сънꙗмъ, -а — собрание, сбор
сънѣдь, -и — пища
сънѣсти, сънѣмь — съесть
сънѧти, сънꙗмѫ — снять
сърѣсти, сърѧштѫ — встретить
съсати, съсѫ — сосать
съсъхнѫти, съсъхнѫ — засохнуть
сътворити, сътворѭ — сделать
съто — сто
сътѧжати, сътѧжѫ — приобрести, добыть
сътѧѕати сѧ, сътѧѕаѭ сѧ — спорить
съхнѫти, съхнѫ — сохнуть
съходити, съхождѫ — спускаться
сь, си, се — этот, -а, -о
сьде — здесь
съмрьтьнъ, -ыи — смертный
сѣдѣти, сѣждѫ — сидеть

сѣмо — сюда
сѣмѧ, -ене — семя
сѣно, -а — трава, сено
сѣсти, сѧдѫ — сесть
сѣть, -и — сеть
сѣшти, сѣкѫ — сечь, рубить
сѣꙗти, сѣѭ — сеять
сѫбота, собота, -ы — суббота (религиозный праздник в древней Иудее)
сѫдии, -ꙗ — судья
сѫдити, сѫждѫ — судить
сѫдиште, -а — судилище, место суда
сѫдъ, -а — суд
сѫпрѧгъ, -а — упряжь, пара волов в одной упряжке; супруг, муж
сѫсѣдъ, -а — сосед
сѫчьць, -а — сучок

Т

та — и (союз)
тако — так
такъ — такой
такъжде, такожде — также
талантъ, -а — монета у древних греков и римлян
тамо — там, туда
тать, -и — вор
тварь, -и — создание
творити, творѭ — делать, творить
творьць, -а — творец
тврьдъ, -ыи — твердый, сильный
тельць, -а — теленок, бычок
тети, тепѫ — бить, колотить
тешти, текѫ — течь, бежать
тлъкнѫти, тлъкнѫ — толкнуть, стукнуть, ударить
тлѣшти, тлъкѫ — толкать
тольма — столько
трие, трьи — три
троудьнъ, -ыи — утомленный трудом, больной
тръгъ, -а — торг, базар
тръжиште, -а — торговое место, собрание
тръпѣльство, -а — терпеливость
трьзати, трьзаѭ — терзать, рвать
трьние, -ꙗ — терновник
трьнъ, -а — терн, колючка
трьновъ — терновый
трьпѣти, трьплѭ — терпеть
трьсть, -и — трость, палка
трѣбовати, трѣбоуѭ — требовать
трѣва и трава, -ы — трава
трѧсти, трѧсѫ — трясти
трѫсъ, -а — сотрясение, землетрясение
тоу — здесь, там
тоуждь, -ии — чужой
тоукъ, -а — жир; тучность
тъ, та, то — тот, -а, -о
тъгда — тогда
тъкъмо — только
тъма, -ы — десять тысяч, громадное количество
тъшть, -ии — пустой, праздний
тьшта, -ѧ — теща
тысѩшта, тысѫшта, -ѧ — тысяча
тѫдоу, тѫдѣ — туда
тѫжити, тѫжѫ — тужить
тѧжа, -ѧ — спор, ссора; приговор, решение
тѧжькъ — тяжелый

Оу

оубити, оубиѭ — убить
оубо — же, итак, ведь
оубогъ, -ыи — бедный, убогий
оува — эх! *(междометие)*
оурѣсти, оурьзѫ — открыть, приоткрыть
оувѣдѣти, оувѣмь — узнать
оувѣрити, оувѣрѭ — уверить, убедить
оугасити, оугашѫ — угасить

оугаснѫти, оугаснѫ — угаснуть
оуглъбнѫти, оуглъбнѫ — погрузиться, увязнуть
оугодити, оугождѫ — угодить
оуготованиѥ, -ꙗ — приготовление
оуготовати, оуготоваѭ — готовить (что-либо для кого-либо)
оуготовити, оуготовлѭ — приготовить (что-либо для кого-либо)
оудобь — удобно, легко
оудрьжати, оудрьжѫ — удержать
оуже — уже
оузьрѣти, оузьрѭ — увидеть
оуказати, оукажѫ — указать
оукроухъ, -а — кусок, крошка
оукрыти, оукрыѭ — укрыть, скрыть
оулешти, оулѧгѫ — стихнуть, успокоиться
оумастити, оумаштѫ — намазать
оумлъчати, оумлъчѫ — замолчать
оумрѣти, оумьрѫ — умереть
оупитѣнъ — упитанный
оуподобити, оуподоблѭ — уподобить
оупъвати, оупъваѭ — уповать
оуста — уста, рот, губы
оустрьмити сѧ, оустрьмлѭ сѧ — устремиться
оусънѫти, оусънѫ — уснуть
оустити, оуштѫ — побуждать, поощрять
оусъхнѫти, оусъхнѫ — засохнуть
оусѣкнѫти, оусѣкнѫ — отсечь, отрубить
оутопити, оутоплѭ — утопить
оутрѣ — завтра
оучити, оучѫ — учить
оушидь, -и — беглец, изгнанник
оуꙗзвити, оуꙗзвлѭ — уязвить, нанести рану

Ф

фарисеи, фарисѣи, -ꙗ — фарисей (в древней Иудее, сторонник религиозно-политической партии, отличавшейся фанатизмом и лицемерием в исполнении правил внешнего благочестия)

Х

хвала, -ы — хвала, похвала, награда
хвалити, хвалѭ — хвалить
хлъмъ, -а — холм
ходити, хождѫ — ходить
хотѣти, хоштѫ — хотеть
храмина, -ы — дом, жилище
храмъ, -а — дом, помещение
хранити, хранѭ — соблюдать, хранить
хромъ — хромой
хоулити, хоулѭ — клеветать, злословить, ругать
хытрость, -и — искусство, умение

Ц

црькъвиште, -а — церковь, храм
црькы, -ъве — церковь
цѣлити, цѣлѭ — лечить, врачевать
цѣлованиѥ, -ꙗ — приветствие
цѣловати, цѣлоуѭ — приветствовать
цѣлъ — здоровый
цѣсарь, -ꙗ — царь, государь
цѣсарьствиѥ, -ꙗ — царство

Ч

часъ (чѣсъ), -а — час, время
чаша, -ѧ — чаша
чаꙗти, чаѭ — ожидать, надеяться
чии — чей
чисмѧ, -ене — число
чисти, чьтѫ — считать
чловѣкъ, -а — человек
чрьвь, -и — червь
чрьнъ — черный
чрьта, -ы — черта

чрѣво, -а — чрево, живот
чьсть, -и — честь
чюдити сѧ, чюждѫ сѧ — удивляться
чюти, чюѭ — чувствовать
чѧдо, -а — дитя, ребенок
чѧдь, -и — люди, дети
чѧсть, -и — часть, доля

Ш, ШТ (щ)

шаръчии, -ѩ — живописец
шити, шиѭ — шить
штєдрота, -ъı — щедрость
штоуждь — чужой
шюи — левый
шюица, -ѧ — левая рука

Ю

юность, -и — молодость, юность
юнъ, -ъıи — молодой
юньць, -а — бычок

ꙗ (ѣ)

ꙗвити, ꙗвлѭ — явить
ꙗвити сѧ, ꙗвлѭ сѧ — явиться
ꙗвѣ — явно
ꙗдь, -и — еда
ꙗзва, -ъı — рана
ꙗко, ако — потому что, что, когда, так что, как
ꙗкоже — как
ꙗкъ — какой
ꙗмо колиждо — куда бы ни
ꙗрость, -и — ярость, гнев
ꙗсти, ꙗмь — есть
ꙗхати, ꙗдѫ — ехать

Ѥ

ѥгда — когда
ѥда — не, чтобы не; разве
ѥдинъ — один
ѥдиначе — одинаково; в одно и то же время; еще раз
ѥдъва — едва
ѥзєро, -а — озеро
ѥлень, -є — олень
ѥлико, єлико — сколько
ѥликъ — который
ѥлє — почти, еле
ѥштє — еще

Ѧ

ѩдро — быстро, скоро
ѩза, -ъı — болезнь, немощь
ѩзъıкъ, -а — язык; народ
ѩти, имѫ — взять
ѩтръı, -ъвє — невестка

Ѫ

ѫгль, -и — уголь
ѫгълъ, -а — угол
ѫзъкъ, -ъıи — узкий
ѫтроба, -ъı — утроба, внутренности
ѫтрь — внутри

ЛИТЕРАТУРА

Беседина-Невзорова В. П. Старославянский язык. Харьков, 1962.
Бурдин С. М., Врадий А. А., Мирочник Е. М. Старославянский язык. Ташкент, 1966.
Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1963; 2-е изд. М., 1974.
Горшков А. И. Курс старославянского языка в кратком изложении. М., 1994.
Елкина Н. М. Старославянский язык. М., 1960.
Кривчик В. Ф., Можейко Н. С. Старославянский язык. Минск, 1970.
Попов М. Б. Введение в старославянский язык. СПб., 1997.
Скупский Б. И. Старославянский язык. Махачкала, 1965.
Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд. М., 1986.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.
Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963.
Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1962.
Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.
Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1–2. М., 1951–1952.
Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской письменности. М., 1994.
Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.: Проблемы и методы. М., 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Морфология

Важнейшие особенности синтаксиса

Учебное издание

Татьяна Аполлоновна Иванова

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Учебник

Зав. редакцией *Г.Чередниченко*
Редактор *И.Сеина*
Оригинал-макет *О.Косенко*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать с оригинала-макета 29.10.98.
Печать офсетная. Ф-т 60х90/16. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 13,48.
Тираж 3000 экз. Заказ № 310

Редакция оперативной подготовки учебно-методических
и научных изданий Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр офсетной печати типографии Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.